

Der Bote



Вестник

Evangelisch-lutherische Zeitschrift № 2/2017 Евангелическо-лютеранский журнал



Тема номера:

«И благослови наследие Твое»

По следам Реформации в России и СНГ

Unser Thema:

„Und segne dein Erbe“

Auf den Spuren der Reformation

in Russland und der GUS



ЛЕТ РЕФОРМАЦИИ



В НОМЕРЕ: IN DIESEM HEFT:

От редакции / Editorial **3**

Дитрих Брауэр/Dietrich Brauer

Проповедь / Predigt 4-6

Время восстанавливать «древние развалины»
Zeit, die „alten Trümmer“ wieder aufzubauen

Елена Бондаренко/Elena Bondarenko

Тема номера: «И благослови наследие Твое»

Unser Thema: „Und segne dein Erbe“



Каноничность нашей Церкви **7-12**

Die Kanonizität unserer Kirche

Брэдн Бюркле/Bradn Buerkle

Пять веков московских лютеран **13-17**

Fünf Jahrhunderte der Lutheraner in Moskau

Павел Гнилорыбов/Pawel Gnilorybow

Основана на вере наших предков **18-26**

Gegründet auf dem Glauben unserer Vorfahren

Ирина Солей/Irina Solej

Учение Кальвина на берегах Волги **27-31**

Тамара Н. Таценко

«Праздник религиозной радости **36-39**

и братского согласия»

„Fest der religiösen Freude
und der brüderlichen Eintracht“

Анна Лисицына/Anna Lisizyna

Кюстер-учитель/Der Küster-Lehrer **40-43**

Евгений Бахманн/Jewgenij Bachmann

«Здесь не откажут пришлецу...» **44-49**

Антон Тихомиров

Дети и взрослые рисуют Реформацию **50-57**

Kinder und Erwachsene malen die Reformation

К 500-летию Реформации 32-33

Филипп Меланхтон –

оружейник Реформации

Павел Крылов

Детская страничка 34-35

Библия из спичечного коробка

Библейский пирог на День урожая

Музыка 58-66

«Люди забыли, что музыку слушают».

Интервью с Григорием Варшавским

„Die Menschen haben vergessen, dass man

Musik hört“. Interview mit Grigorij Warschawskij

Молитва / Gebet 67

Мы благодарим за Реформацию

Wir danken für die Reformation



В Е С Т Н И К

Журнал Централизованной
религиозной организации –
«Евангелическо-
Лютеранская Церковь России»
выходит 3 раза в год

Редакторы журнала

Елена Дякина

Марина Худенко

Верстка

Юлия Другова

Перевод на немецкий язык

Руфь Штубеницкая

Корректурa немецких текстов

Герхард Ройттер

Мнение редакции может

не совпадать с точкой

зрения автора

Адрес:

Россия,

191186, Санкт-Петербург,

Невский пр., 22-24

Тел.: (812) 571-94-17

E-mail: bote@elkras.ru

При перепечатке

ссылка обязательна

Регистрационное

свидетельство № 018676

от 7 апреля 1999 года

Отпечатано в типографии

ООО "Пионер принт": Россия,

194156, Санкт-Петербург,

пр. Энгельса, д. 13/2, лит. Л

Подписан в печать

03.10.2017

Тираж: 1000 экз.

На обложке:

Участники молодежной

конференции Союза ЕЛЦ в соборе

свв. Петра и Павла в Москве.

Сентябрь 2017 года

DER BOTE

Zeitschrift der zentralisierten
religiösen Organisation –

„Evangelisch-
Lutherische Kirche Russlands“

erscheint dreimal im Jahr

Redaktion

Marina Chudenko

Elena Djakiwa

Lay-Out

Julia Drugowa

Übersetzungen ins Deutsche

Ruth Stubenitzky

Korrektur der deutschen Texte

Gerhard Reutter

Namentlich

gekennzeichnete

Artikel geben nicht grundsätzlich

die Meinung der Redaktion wieder

Adresse:

Newski pr., 22-24

191186 St. Petersburg,

Russland

Tel: (812) 571-94-17

E-mail: bote@elkras.ru

Druck: GmBH "Pionier print",

Russland 194156,

St. Petersburg,

Engelsa pr., 13/2, „Л“

Redaktionsschluss –

03.10.2017

Auflage: 1000

Auf dem Titelbild:

Teilnehmer der Jugendkonferenz

des Bundes der ELKRAS

in der St. Petri-und- Paulikathedrale

zu Moskau, September 2017

Дорогие читатели!

Вы держите в руках специальный выпуск «Вестника», посвященный юбилею Реформации. 500 лет прошло с того момента, как Мартин Лютер опубликовал свои тезисы о покаянии и обновлении Церкви.

Несмотря на все трудности и противоречия, конфликты и разделения, Реформация принесла миру обильные добрые плоды. Церковь обновилась для того, чтобы вернуться к своей основе во Христе и чтобы Его Евангелие было возведено среди людей.

Реформация, таким образом, – это не раскол Церкви. Реформация – это часть общехристианской истории. Деятели Реформации, подобно пророкам древности, призывали народ к возвращению к Божьей правде. Эта Божья правда заключается в спасении грешника по милости Божьей через веру. И это не отвлеченный тезис, а реальность христианской жизни.

Реформация повлияла на всех и на все сферы нашей жизни. Наша страна не явилась исключением. Во многом именно лютеране определили ее развитие как европейской державы. Однако главное изменение происходит внутри человека. Реформация сердца и духа – вот начало всех богоугодных преобразований.

Евангелие, звучащее с новой силой, просто не может оставить человека равнодушным. И даже в самые сложные времена гонений XX века, когда люди были лишены полноты церковного общения, благодать Божья не покидала людей, взывавших о помощи.

Реформация – это даже нечто большее, чем просто историческое событие. Ведь речь идет, прежде всего, о тех изменениях, которые начинаются с меня лично. Обновление Церкви происходит с той целью, чтобы она была чуткой к голосу Своего Пастыря – Иисуса Христа, служила Ему и ближним с любовью и искренним сердцем.

Поэтому в год Реформации мы празднуем не Лютера и, конечно, не разделение Церкви, но прежде всего праздник веры, рожденной Христовой благодатью.

Пусть чтение этого специального выпуска «Вестника» станет для вас проводником к основным идеям Реформации, жизненному пути ее деятелей, ее богатому наследию в России и странах СНГ. Да благословит вас Бог в этом юбилейном году!

От имени редакции и редакционного совета

*Дитрих Брауэр, Архиепископ
Евангелическо-Лютеранской Церкви России*

Liebe Leserinnen und Leser!

Sie halten die Spezialausgabe des „Boten“ zur Reformation in der Hand. 500 Jahre sind vergangen, seit Martin Luther seine Thesen über Buße und Erneuerung der Kirche veröffentlicht hat.

Trotz aller Schwierigkeiten und Widersprüche, Konflikte und Trennungen hat die Reformation der Welt reiche gute Früchte gebracht. Die Kirche hat sich erneuert, um zu ihrer Grundlage in Christus zurückzukehren und damit sein Evangelium unter den Menschen verkündigt wird.

So ist die Reformation also keine Kirchenspaltung. Die Reformation ist ein Teil der gesamtchristlichen Geschichte. Wie die Propheten der alten Zeit haben die Vertreter der Reformation das Volk dazu aufgerufen, zu Gottes Wahrheit zurückzukehren. Diese Wahrheit Gottes besteht in der Rettung des Sünders durch Gottes Erbarmen durch den Glauben. Und das ist keine abstrakte These, sondern die Wirklichkeit des christlichen Lebens.

Die Reformation hat alle Menschen und alle unsere Lebensbereiche beeinflusst. Auch unser Land war keine Ausnahme.

In vieler Hinsicht waren es Lutheraner, die seine Entwicklung als europäische Großmacht mitbestimmt haben. Die wichtigste Veränderung jedoch geschieht innerhalb des Menschen. Die Reformation des Herzens und des Geistes – das ist der Anfang aller gottgefälligen Umgestaltungen.

Das mit neuer Kraft erklingende Evangelium kann den Menschen einfach nicht kalt lassen. Und selbst in den schwierigsten Verfolgungszeiten des 20. Jahrhunderts, als die Menschen der vollen kirchlichen Gemeinschaft beraubt waren, hat Gottes Gnade die Menschen, die ihn um Hilfe anriefen, nicht verlassen.

Die Reformation ist sogar mehr als nur ein geschichtliches Ereignis. Denn es geht ja in erster Linie um diejenigen Veränderungen, die bei mir persönlich anfangen. Die Erneuerung der Kirche geschieht mit dem Ziel, dass die Kirche für die Stimme ihres Hirten Jesus Christus sensibel wird und ihm und ihren Nächsten mit Liebe und aufrichtigem Herzen dient.

Deshalb feiern wir im Jahr der Reformation nicht Luther und natürlich nicht eine Kirchentrennung, sondern in erster Linie ein Fest des durch die Gnade Christi entstandenen Glaubens.

Möge das Lesen dieser Spezialausgabe des „Boten“ für Sie zu einem Lotsen durch die Grundideen der Reformation, den Lebensweg ihrer Vertreter und ihr reiches Erbe in Russland und der GUS werden. Gott segne Sie in diesem Jubiläumsjahr!

Im Namen der Redaktion und des Redaktionsrates

*Dietrich Brauer, Erzbischof
der Evangelisch-Lutherischen Kirche Russlands*



Время восстанавливать «древние развалины»



Елена Бондаренко, к.ф.н., пропст Центрального пропства Евангелическо-Лютеранской Церкви Европейской части России, г. Москва

Elena Bondarenko, Dr. der Philologie, Pröpstin der Zentralen Propstei der Evangelisch-Lutherischen Kirche Europäisches Russland, Moskau

«Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение и узникам открытие темницы, проповедывать лето Господне благоприятное и день мщеница Бога нашего, утешить всех сетующих, возвестить сетующим на Сионе, что им вместо пепла дастся украшение, вместо плача – елей радости, вместо унылого духа – славная одежда, и назовут их сильными правдою, насаждением Господа во славу Его. И застроят пустыни вековые, восстановят древние развалины и возобновят города разоренные, остававшиеся в запустении с давних родов» (Ис. 61,1-4).

Дорогие братья и сестры!
Эта модель стара: сначала люди воздвигают храмы и дома – храмы для богослужения и дома, чтобы жить в них – а затем наступают определенные времена, и они разрушают храмы и веру, и дома, и самих себя. Но и временам насилия также приходит конец, и потомки стоят перед руинами со скорбью и молитвой и решают воссоздать, «возобновить города разоренные, остававшиеся в запустении с давних родов», как говорит Исайя.

В России в этом году мы празднуем не только 500-летие Реформации – на этот год выпадает и 100-летие двух русских революций, вследствие которых произошло падение монархии и преследование Церкви. Тысячи церквей были закрыты и разрушены, священники были казнены, дома превращены в руины, а целые народы были изгнаны из исторических мест своего поселения. Конечно, всё это произошло не в одночасье, но 1917 год знаменует начало этих трагических событий.

Когда было сделано всё, чтобы Церковь замолчала и погибла, это было действительно как чудо – то, что невеста Христова, Церковь, выжила – возможно, потому что невозможно жить без веры. Но мы как христиане верим в то, что врата ада не одолеют Церковь, как Иисус, наш Спаситель и Господь, обещал нам это.

Божьи обетования действительно исполнились. Две тысячи лет Церковь проповедовала Евангелие и преподавала Таинства. Врата ада пытались одолеть ее, но Церковь одержала победу, потому что Иисус пообещал это.

А верим ли мы сами этим Божиим обетованиям? Знаем ли мы их?

Люди являются одним из Божьих творений – поистине интересным творением. Однако они нуждаются в Божьей благодати и спасении из-за трагедии человеческого греха, и Бог дарует нам Свою благодать и Спасение в Божьем Сыне Иисусе Христе. Это очень важное обетование для всех нас: обетование спасения для каждого.

Божьи обетования относятся как к жизни в целом, так и к нашему повседневному существованию, нашему насущному хлебу и всем нашим делам. Божьи обетования открывают нам истину о том, что всё имеет смысл. Все наши поступки и даже мысли и чувства имеют значение, а конечной целью является то, чтобы мы, со всеми нашими мыслями и поступками, могли обрести спасение.

Только представьте себе день за днем в мире без Бога, без нашей веры в Него – это не фантазия, в России это было реальностью в течение 70 лет. Атеизм был официальной идеологией, а те, кто ходил в церковь, были абсолютно маргинальной частью общества, фактически исключенной из него, не только не имеющей привилегий, но и зачастую незащищенной и лишенной элементарных человеческих прав. Помимо этого из-за своей веры они подвергались преследованиям. Жизнь среднестатистического человека была жизнью без Бога, без красоты Священного Писания и церковной литургии, жизнью без Божьего водительства и опоры в хаосе времен.

Это еще хуже, чем жизнь в изгнании и под преследованием, потому что жизнь без Бога – это тупик. В ней нет обетований. Кроме одного

Zeit, die „alten Trümmer“ wieder aufzubauen

Liebe Brüder und Schwestern!
Es ist ein altbekanntes Muster: Zuerst errichten Menschen Tempel und Häuser – Tempel für den Gottesdienst und Häuser, um darin zu leben – und dann kommen gewisse Zeiten und sie zerstören die Tempel und den Glauben und die Häuser und sich selbst. Aber auch die Zeiten der Gewalt gelangen an ein Ende, und die Nachkommen stehen vor den Ruinen und klagen und beten und beschließen wieder aufzubauen, „die verwüsteten Städte (zu) erneuern, die von Geschlecht zu Geschlecht zerstört gelegen haben“, wie es bei Jesaja heißt.

In Russland feiern wir dieses Jahr nicht nur das 500-jährige Reformationsjubiläum – es ist auch der hundertste Jahrestag von zwei russischen Revolutionen, die den Sturz der Monarchie und die Verfolgung der Kirche zur Folge hatten. Tausende von Kirchen wurden geschlossen und zerstört, Geistliche wurde hingerichtet, Heime ruiniert und ganze Völker aus ihren historischen Siedlungsgebieten vertrieben. Das geschah natürlich nicht alles auf einmal, aber 1917 markiert den Beginn all dieser tragischen Ereignisse.

Als alles getan war, um die Kirche zum Schweigen zu bringen und auszulöschen, war es wie ein wirkliches Wunder, dass die Braut Christi, die Kirche, überlebte – vielleicht weil man nicht ohne Glauben leben kann. Aber wir als Christen und Christinnen glauben, dass die Pforten der Hölle die Kirche nicht überwältigen werden, so wie Jesus, unser Erlöser und Herr, es uns verheißt hat.

Gottes Verheißungen sind wirklich in Erfüllung gegangen. 2000 Jahre lang hat die Kirche das Evangelium gelehrt und verkündet und die Heiligen Sakramente verwaltet. Die Pforten der Hölle versuchten, sie zu überwältigen, aber die Kirche ist siegreich, weil Jesus es verheißt hat.

Glauben wir an die Verheißungen Gottes? Kennen wir Gottes Verheißungen?

Die Menschen sind eine von Gottes Schöpfungen – eine wahrlich interessante Schöpfung. Jedoch, die Menschen brauchen Gottes Gnade und Erlösung aufgrund der Tragödie der menschlichen Sünde, und Gott schenkt uns Gottes Gnade und Erlösung in Gottes Sohn Jesus Christus. Das ist eine außerordentlich wichtige Verheißung für uns alle: die Verheißung der Erlösung für alle Individuen.

"Der Geist Gottes des Herrn ist auf mir, weil der Herr mich gesalbt hat. Er hat mich gesandt, den Elenden gute Botschaft zu bringen, die zerbrochenen Herzen zu verbinden, zu verkündigen den Gefangenen die Freiheit, den Gebundenen, dass sie frei und ledig sein sollen; zu verkündigen ein gnädiges Jahr des Herrn und einen Tag der Rache unsres Gottes, zu trösten alle Trauernden, zu schaffen den Trauernden zu Zion, dass ihnen Schmuck statt Asche, Freudenöl statt Trauer, schöne Kleider statt eines betrübten Geistes gegeben werden, dass sie genannt werden „Bäume der Gerechtigkeit“, „Pflanzung des Herrn“, ihm zum Preise. Sie werden die alten Trümmer wieder aufbauen und, was vorzeiten zerstört worden ist, wieder aufrichten; sie werden die verwüsteten Städte erneuern, die von Geschlecht zu Geschlecht zerstört gelegen haben" (Jesaja 61,1-4).



«Временам насилия также приходит конец, и потомки стоят перед руинами со скорбью и молитвой...»: кирха в деревне Липовка Саратовской обл. (бывшая немецкая колония Шефер)

Die Zeiten der Gewalt gelangen an ein Ende, und die Nachkommen stehen vor den Ruinen und klagen und beten...“: Die lutherische Kirche im Dorf Lipowka, Gebiet Saratow (die ehemalige deutsche Siedlung Schäfer)

→ устрашающего обетования, что всё и все рано или поздно перестанут существовать – и на этом всё закончится.

Победой Церкви является то, что она живет вопреки всем испытаниям и люди нуждаются в ней, чтобы освящать свою жизнь, мысли, чувства и дела. Семена Царства Божьего посеяны и зеленые побеги уже видны, Царство растет, и однажды оно будет праздновать свою победу в мире, как Христос праздновал победу в Воскресении, как и Церковь праздновала то, что смогла выжить.

Сегодня перед Церковью стоят новые вызовы: войны и преследования по-прежнему существуют в мире, новые технологии развиваются с космической скоростью, и возникает множество новых этических вопросов. Как должны реагировать на это христиане? Верят ли они еще в Божьи обетования? Как они ответят на эти новые вопросы?

Это будет определять наш путь в будущем. Мы не знаем многих ответов, и это нормально – не знать чего-то, ведь мы – всего лишь люди. Давайте со смирением примем наше незнание и будем полагаться на Бога, нашего Творца. В нашей власти быть искренними и искренно возвещать о Божьей благодати и проповедовать, что Творение и Спасение нельзя приобрести за деньги. Это было основой Реформации 500 лет назад, и этот принцип мы обновляем сегодня на современный лад.

Божьи дары нельзя приобрести за деньги. Бог дает нам свободу и благодать в избытке. Бог приходит, чтобы спасти нас в наше время. Во время, когда нужно восстанавливать «древние развалины» и возобновлять давно разоренные места, во время, когда нужно поклоняться Богу в традиции, но с нашей собственной новой песнью. Это наша вера, наша надежда и наше богослужение.

Аминь. ■

(Проповедь была прочитана на торжественном богослужении в честь открытия XII Генеральной Ассамблеи Всемирной Лютеранской Федерации в г. Виндхук (Намибия) в мае 2017 года)

Церковь Богородицы в г. Дрездене после бомбардировки в феврале 1945 года

Frauenkirche in Dresden nach der Bombardierung im Februar 1945



Gottes Verheißungen betreffen das Leben und das alltägliche Dasein, unser tägliches Brot und all unser Tun; Gottes Verheißungen eröffnen uns eine Wahrheit, dass nämlich alles Sinn macht; all unsere Taten und selbst Gedanken und Gefühle haben eine Bedeutung, und das letzte Ziel ist, dass wir, mit all unseren Gedanken und Taten, erlöst werden können.

Stellen Sie sich die einzelnen Tage in einer Welt ohne Gott vor, ohne unseren Glauben an Gott – es ist keine Fantasie, sondern war in Russland siebzig Jahre lang tägliche Routine. Atheismus war die offizielle Ideologie, Menschen, die zur Kirche gingen, waren absolut marginalisiert, ausgeschlossen aus der Gesellschaft und nicht nur ohne Privilegien, sondern oft genug ohne die grundlegendsten menschlichen Rechte und ohne Schutz. Darüber hinaus wurden sie wegen ihres Glaubens verfolgt. Das Leben der meisten durchschnittlichen Menschen war ein Leben ohne Gott, ohne die Schönheit der Heiligen Schrift und der kirchlichen Liturgie, ein Leben ohne Gottes Führung und Halt im Chaos der Zeiten.

Das ist noch viel schlimmer als ein Leben im Exil und in der Verfolgung, denn ein Leben ohne Gott ist eine Sackgasse. Da gibt es keine Verheißungen. Nur die eine angstmachende Verheißung, dass alles und alle zur gegebenen Zeit eine Ende finden werden – und das ist alles.

Es ist ein Sieg der Kirche, dass sie trotz aller Drangsale lebt und die Menschen sie brauchen, um ihr Leben, ihre Gedanken, Gefühle und Taten zu heiligen. Die Saat des Gottesreiches ist gepflanzt und die grünen Sprösslinge sind sichtbar, das Reich wächst und eines Tages wird es sich freuen in seinem Sieg in der Welt, so wie Christus sich freute in Christi Auferstehung, so wie die Kirche sich freute in ihrem Überleben.

Die Kirche steht nun vor neuen Herausforderungen: Krieg und Verfolgung gibt es immer noch in der Welt, neue Techniken entwickeln sich mit kosmischer Geschwindigkeit, und viele neue ethische Fragen stellen sich. Wie werden Christinnen und Christen darauf reagieren? Glauben Sie immer noch an die Verheißungen Gottes? Wie werden sie diese neuen Fragen beantworten? Das ist es, was unseren Weg in der Zukunft bestimmt.

Wir wissen viele Antworten nicht, und es in Ordnung, etwas nicht zu wissen, denn wir sind schließlich nur Menschen. Lasst uns demütig unsere Unwissenheit bekennen und auf Gott unseren Schöpfer vertrauen. Was in unserer Macht steht, ist aufrichtig zu sein und aufrichtig Gottes Gnade zu verkünden und zu predigen, dass die Schöpfung und Erlösung nicht für Geld zu haben sind. Das war die Grundlage der Reformation vor 500 Jahren, das ist das Prinzip, das wir heute auf moderne Weise erneuern.

Gottes Gaben sind für Geld nicht zu haben. Gott gibt uns Freiheit und Gnade in Fülle. Gott kommt, um uns in unserer Zeit zu retten. Und es ist an der Zeit, die „alten Trümmer“ wieder aufzubauen und die lange verwüsteten Orte wiederherzustellen, es ist an der Zeit, Gott nach der Tradition anzubeten, aber auch mit unserem eigenen, neuen Lied. Dies ist unser Glaube, unsere Hoffnung und unser Gottesdienst. Amen. ■

(Die Predigt wurde im Eröffnungsgottesdienst der 12. Vollversammlung des Lutherischen Weltbundes in Windhuk (Namibia) im Mai 2017 gehalten)

Каноничность нашей Церкви

Die Kanonizität unserer Kirche

Ктоковы границы нашей Церкви? Что мы можем сказать о ее «каноническом» статусе и о том, как она соотносится с другими христианскими группами? Подобные вопросы особенно актуальны именно для нашей Евангелическо-Лютеранской Церкви России.

Лютеране появились в этой стране уже в XVI веке, но только в постсоветской России начался интенсивный процесс глубокой «русификации» лютеранской традиции. До революции лютеранская Церковь была, как правило, «чужой» для русских людей. Лютеранские проповедники говорили об оправдании, благодати, провозглашенном Слове и постоянной реформации в контексте, где больше ценились такие аспекты Церкви, как стабильность и предание. В первые 400 лет своей жизни в России лютеранская Церковь хорошо знала свои границы. И они почти полностью совпали с границами нерусских этносов и иностранных языков – немецкого, финского, эстонского, латышского, шведского. Другими словами, она была Церковью диаспоры.

Теперь в нашей стране другая ситуация, не только для лютеран, но для всех верующих. Больше нет преград для исповедания любой веры, но также нет и ясных определений легитимности, которые помогали бы людям ориентироваться в духовном пространстве. Именно в этой связи сегодня обсуждают «каноничность» Церкви и «каноническую территорию» определенной церковной структуры.

В лютеранских кругах не часто говорят о «каноничности», но это понятие знакомо нам из истории тех Церквей (особенно православной), в которых иерархия играет ключевую практическую и духовную роль. Учитывая специфику нашего контекста, неудивительно,

Was sind die Traditionen unserer Kirche? Was können wir über ihren „kanonischen“ Status und über ihr Verhältnis zu anderen christlichen Gruppen sagen? Derartige Fragen sind gerade für die Evangelisch-Lutherische Kirche Russlands besonders aktuell.

Die ersten Lutheraner tauchten schon im 16. Jahrhundert in diesem Land auf, aber erst im postsowjetischen Russland begann ein intensiver, tiefgreifender „Russifizierungsprozess“ der lutherischen Traditionen. Vor der Revolution war die lutherische Kirche den russischen Menschen für gewöhnlich „fremd“. Die lutherischen Prediger sprachen von Rechtfertigung, Gnade, vom verkündeten Wort und von einer ständigen Reformation in einem Kontext, in dem andere Aspekte der Kirche wie Stabilität und Tradition hoch im Kurs standen. Während der ersten 400 Jahre ihres Lebens in Russland kannte die lutherische Kirche ihre Grenzen genau. Und diese entsprachen fast vollständig den Grenzen nichtrussischer Ethnien und fremder Sprachen – Deutsch, Finnisch, Estnisch, Lettisch, Schwedisch. Mit anderen Worten: Sie war eine Diasporakirche.

Jetzt herrscht in unserem Land eine andere Situation, nicht nur für die Lutheraner, sondern für alle Gläubigen. Es gibt keine Hindernisse mehr für das Bekenntnis eines jeden Glaubens, aber auch keine klaren Bestimmungen der Rechtmäßigkeit, die den Menschen helfen könnten, sich im geistlichen Bereich zurechtzufinden. Gerade deswegen wird heute die „Kanonizität“ der Kirche und das „kanonische Gebiet“ einzelner kirchlicher Strukturen diskutiert.

In lutherischen Kreisen wird nicht oft von „Kanonizität“ gesprochen, aber der Begriff ist uns aus der Geschichte derjenigen Kirchen bekannt, in denen die Hierarchie eine praktische



Брэдн Бюркле, пастор, руководитель проекта «Образование для служения» в Евангелическо-Лютеранской Церкви России, г. Санкт-Петербург

Bradn Buerkle, Pastor, Leiter des Projekts „Bildung für den Dienst“ in der Evangelisch-Lutherischen Kirche Russlands, St. Petersburg



→ что особенно остро этот вопрос стоит в странах бывшего Советского Союза. И лютеране здесь – не исключение. В отличие от положения дел в Российской империи, где статус Евангелическо-Лютеранской Церкви был однозначно определен, сегодня на этой территории представлены различные церковные группы, которые заявляют о своей связи (в широком смысле) с протестантизмом или (в узком смысле) с лютеранством.

Только в постсоветской России начался интенсивный процесс глубокой «русификации» лютеранской традиции. До революции лютеранская Церковь была, как правило, «чуждой» для русских людей

Как нам, в Евангелическо-Лютеранской Церкви России, реагировать на эту ситуацию?

Есть искушение говорить о себе в том же духе, что и большинство христиан нашей страны. Они отстаивают свои права, ссылаясь на историю, «доказывают» свою правоту количеством имущества, большей численностью прихожан и большим влиянием в обществе по сравнению с другими христианскими группами.

Проблема в том, что как раз мы не можем позволить себе подобного. Используя любой аргумент, который основывается на истории, мы не можем указывать на нашу уникальную институциональную последовательность, ведь все наши церковные структуры были полностью уничтожены. Кроме того, наша «историчность» выглядит не очень убедительной на фоне православного большинства России, чьи традиции живут на этой территории на пять с половиной столетий дольше. Ну и, наконец, наша Церковь небольшая, и мы ни на кого не производим впечатления своей «мощью».

Сегодня в России существуют различные религиозные группы, которые выдают себя за «каноническую» лютеранскую Церковь. Именно поэтому нам стоит со всей серьезностью относиться к вопросу канонических основ нашей Церкви.

Слово «канон» изначально означает «правило». Оно используется в Церкви в двух контекстах: «каноническое право» и «канон» Писания. В первом случае это те порядки, которые регулируют взаимоотношения внутри Церкви (в том числе, в вопросах подчинения одной или другой территории определенной церковной структуре). Во втором – те книги, которые признаются «законными» для использования в Церкви. В то время как в каждой Церкви есть свое каноническое право, канон Писания (с некоторыми не очень существенными исключениями) – универсален.

Возникает вопрос: можно ли использовать критерии, которыми пользуются для выбора канонических текстов, для того, чтобы определить легитимность определенной церковной структуры? Во многом древняя Церковь уже дала ответ на этот вопрос, когда к третьей части Никейского символа веры были добавлены слова о Церкви. Там о ней говорится, как о «единой, святой, всемирной (кафолической) и апостольской». В Аугсбургском исповедании дается еще более сжатое определение, а именно: Церковь – это «собрание святых, в котором верно

преподается Евангелие и правильно отправляются Таинства».¹

Проблема в том, что эти определения более теологические, нежели практические. Когда надо было решить вопрос о каноничности конкретного текста, дела обстояли по-другому. Необходимость создания четкого («закрытого») канона Писания возникла для того, чтобы защитить Церковь от разных видов лжеучений, которые угрожали не только целостности Церкви, но и самой сути Благой вести. В этом процессе надо было сказать либо «да», либо «нет» таким книгам, как Послание Варнавы и Откровение.

Можно назвать четыре критерия, которыми ранние христиане пользовались для принятия решения о каноничности текста: 1. Имеет ли текст связь с апостолом или апостолами? 2. Все ли признают его авторитет? 3. Используется ли текст в жизни общин? 4. Сочетается ли богословие текста с богословием других книг Писания?

Отвечая на эти вопросы, Церковь определяла канон Писания, и мало кто сомневается в том, что именно Дух Святой направлял Церковь в том процессе, результатом которого стало формирование канона Нового Завета, каким мы знаем его сегодня.

Мне кажется полезным и интересным применить эти же критерии и к вопросам о каноничности Церкви. Быть может, это даст нам

¹ Аугсбургское вероисповедание VII.



und geistliche Schlüsselrolle spielt, insbesondere der orthodoxen. Wenn man die Spezifik unseres Kontextes betrachtet, nimmt es nicht wunder, dass diese Frage in den Ländern der ehemaligen Sowjetunion besonders akut ist. Und die Lutheraner sind nicht davon ausgenommen. Anders als im Russischen Reich, in dem der Status der Evangelisch-lutherischen Kirche eindeutig festgelegt war, sind heute auf diesem Gebiet verschiedene kirchliche Gruppen vertreten, die eine Verbindung (im weiteren Sinn) mit dem Protestantismus oder (im engeren Sinn) mit dem Luthertum für sich beanspruchen.

Wie sollen wir in der Evangelisch-lutherischen Kirche Russlands auf diese Situation reagieren?

Es besteht die Versuchung, von sich selber in der gleichen Manier zu reden, wie es die Mehrheit der Christen in unserem Land tut. Sie vertreten ihre Rechte, indem sie sich auf die Geschichte berufen, und „beweisen“ mithilfe der Menge an Eigentum, der größeren Anzahl an Mitgliedern und dem größeren Einfluss in der Gesellschaft im Vergleich zu anderen christlichen Gruppen, dass sie Recht haben.

Das Problem ist, dass gerade wir uns nichts dergleichen leisten können. Bei keinem Argument, das sich auf geschichtliche Gegebenheiten stützt, sind wir in der Lage, auf unsere institutionelle Sukzession zu verweisen, denn alle unsere Kirchenstrukturen waren vollständig vernichtet. Außerdem sieht unsere „Historizität“ vor dem Hintergrund der orthodoxen Mehrheit Russlands, deren Traditionen in diesem Areal schon fünf-einhalb Jahrhunderte länger lebendig sind, nicht besonders überzeugend aus. Und schließlich ist

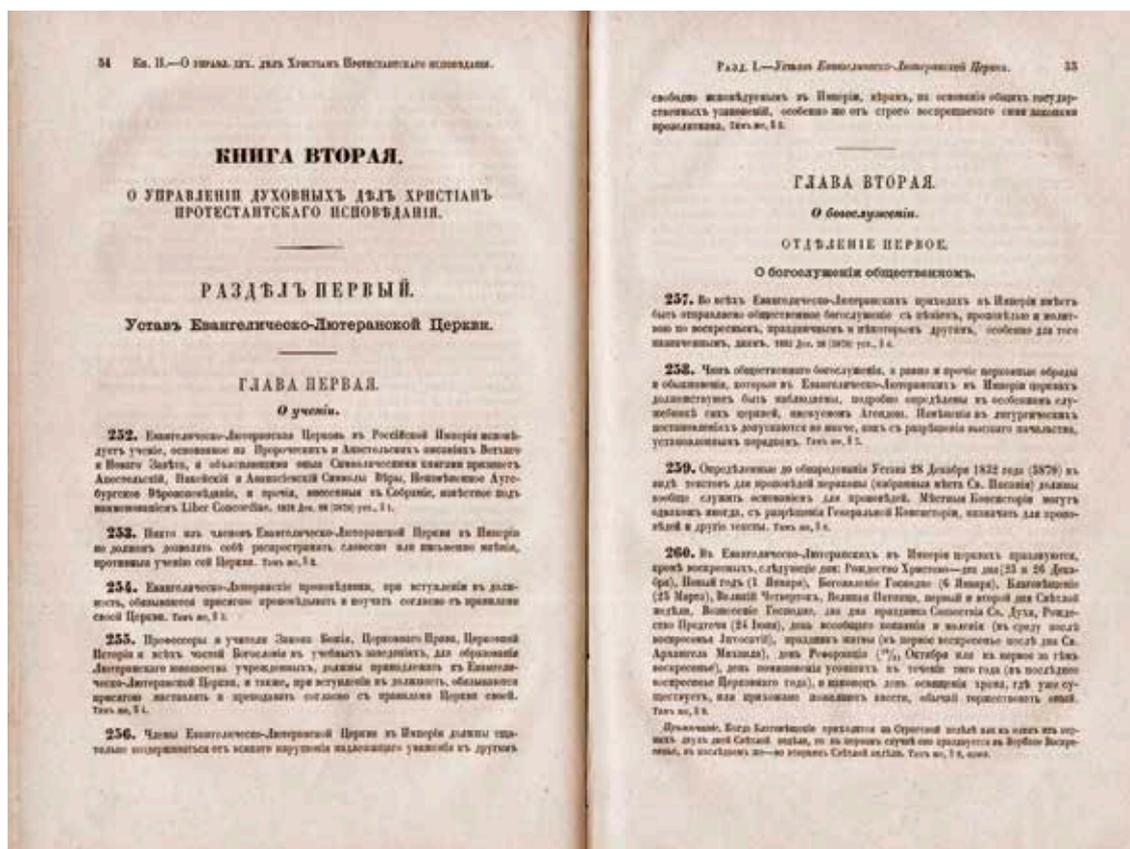
unsere Kirche eher klein, und wir können niemanden mit unserer „Stärke“ beeindrucken.

Heute gibt es in Russland unterschiedliche religiöse Gruppen, die sich als die „kanonische“ lutherische Kirche ausgeben. Gerade deshalb sollten wir die Frage nach den kanonischen Grundlagen unserer Kirche ernst nehmen.

Das Wort „Kanon“ bedeutet ursprünglich „Regel“. Es wird in der Kirche in zwei Zusammenhängen gebraucht: „Kanonisches Kirchenrecht“ und der „Kanon“ der Heiligen Schrift. Im ersten Fall geht es um die Regeln, die die Beziehungen innerhalb der Kirche ordnen (darunter auch in Fragen der Zuordnung eines bestimmten Territoriums zu einer bestimmten Kirchenstruktur). Im zweiten sind es die Bücher, die für die „rechtmäßige“ Nutzung in der Kirche anerkannt werden. Während jede Kirche ihr eigenes Kirchenrecht hat, ist der Schriftkanon (mit ein paar eher unwesentlichen Ausnahmen) universell.

Es erhebt sich die Frage, ob man die Kriterien, die bei der Auswahl der kanonischen Texte angewandt werden, auch nutzen kann, um die Rechtmäßigkeit einer bestimmten Kirchenstruktur zu bestimmen. In vieler Hinsicht hat schon die alte Kirche diese Frage beantwortet, als im dritten Teil des Nizänischen Glaubensbekenntnisses die Worte über die Kirche formuliert wurden. Dort heißt es über sie: „die eine, heilige, katholische (weltweite) und apostolische Kirche“. Im Augsburger Bekenntnis wird eine noch komprimiertere Definition gegeben, und zwar dass die Kirche „die Versammlung aller Gläubigen ist, bei denen das Evangelium rein gepredigt und

Erst im postsowjetischen Russland begann ein intensiver, tiefgreifender „Russifizierungsprozess“ der lutherischen Traditionen. Vor der Revolution war die lutherische Kirche den russischen Menschen für gewöhnlich „fremd“



Страницы Устава Евангелическо-Лютеранской Церкви в Российской Империи 1832 года

Seiten des Statuts der Evangelisch-Lutherischen Kirche im Russischen Reich aus dem Jahr 1832

→ практический результат – ориентир в вопросах легитимности многочисленных религиозных организаций в нашей стране.

Первый критерий каноничности Писания («Имеет ли текст связь с апостолом или апостолами?»), если его применить к вопросу о Церкви, – это вопрос об «апостольской преемственности». Это принцип, в соответствии с которым церковная иерархия прямо и преемственно восходит, через непрерывную череду рукоположений епископов, к поставленным Христом апостолам. Лютеране отрицают чисто институциональное понимание этой преемственности, акцентируя внимание на центральности учения апостолов (в своей самой краткой форме – «Иисус есть Господь»). Преемственность для лютеран заключается, прежде всего, в передаче этого учения из поколения в поколение. С другой стороны, многие Церкви (в том числе, многие лютеранские Церкви) высоко ценят сохранение исторической линии посвящения в сан епископа.

Что касается второго критерия, универсальности («Все ли признают авторитет текста?»), то, к сожалению, в наши дни нет ни одной христианской конфессии, которая пользовалась бы универсальным признанием. Абсолютизация этого понимания введет к признанию всех существующих Церквей неканоническими. Да и в ранней Церкви «универсальность» не понималась в абсолютном смысле. Как понять, тогда,

критерий, что Церковь должна иметь обширное признание?

Здесь есть два аспекта: во-первых, «каноническая» Церковь должна быть признана «своей», то есть признана членом международных внутриконфессиональных организаций. В нашем случае это, например, Всемирная Лютеранская Федерация. Но внутриконфессионального признания недостаточно. В нашем многоконфессиональном мире, где мы уже более 100 лет интенсивно общаемся друг с другом ради большего взаимопонимания, у христиан накопилось достаточно опыта, чтобы понимать, с кем можно иметь дело, а с кем нет той общности, которая служит основой для диалога. Поэтому еще один критерий каноничности – членство в межконфессиональных организациях и диалогах.

Немного странно применять третий критерий каноничности к Церкви («Используется ли текст в жизни общин?»). Но если переформулировать его в отношении Церкви и применить в более широком смысле, то мы увидим, что речь здесь идет о пользе той или иной церковной организации в конкретном месте. И на этот вопрос трудно дать адекватный ответ, думая только о настоящем моменте. Здесь необходимо взглянуть на Церковь в исторической перспективе.

Как известно, власти дореволюционной России оказывали расположение лютеранам в этой стране. Лютеранская Церковь была второй по величине и значимости христианской кон-

фессией в России, ведь лютеране внесли огромный вклад в укрепление российской государственности и экономики и были важной частью культуры страны. В настоящее время, после периода разрушения духовных ценностей, не только справедливость, но и здравый смысл указывают на то, что присутствие лютеран в России не только допустимо, но и желательно.

История также подсказывает и то, что максимально полезными для общества являются те религиозные организации, которые не создаются на пустом месте (ведь еще неизвестно, с какой целью были созданы такие новые организации), а строятся на исторической базе. Лютеранство также имеет здесь большое преимущество, так как остается верным традициям и в то же время следует призыву к постоянному обновлению.

Апостольская преемственность для лютеран заключается, прежде всего, в передаче апостольского учения из поколения в поколение



Визит императора Николая II в лютеранскую церковь св. Петра в Петербурге в 1901 году

Besuch von Kaiser Nikolaus II. in der lutherischen St. Petrikerche zu St. Petersburg 1901

die heiligen Sakramente laut dem Evangelium gereicht werden.“¹

Das Problem besteht darin, dass diese Definitionen eher theologischer als praktischer Art sind. Als die Frage nach der Kanonizität konkreter Texte anstand, sah die Sache anders aus. Die Notwendigkeit, einen eindeutigen („geschlossenen“) Schriftkanon zu schaffen, entstand, weil die Kirche vor verschiedenartigen Irrlehren geschützt werden musste, die nicht nur die Einheit der Kirche, sondern auch den Inhalt der Frohen Botschaft selbst bedrohten. Bei diesem Vorgang musste man zu Büchern wie dem Barnabasbrief oder der Offenbarung entweder „ja“ oder „nein“ sagen.

Man kann vier Kriterien nennen, die von den frühen Christen angewandt wurden, um über die Kanonizität eines Textes zu entscheiden: 1. Hat der Text eine Verbindung zu einem oder mehreren Aposteln? 2. Erkennen alle seine Autorität an? 3. Wird der Text im Gemeindeleben genutzt? 4. Ist die Theologie des Textes mit der Theologie der anderen Bücher der Schrift vereinbar?

Indem sie auf diese Fragen antwortete, bestimmte die Kirche den Schriftkanon, und kaum jemand zweifelt daran, dass es der Heilige Geist war, der die Kirche in diesem Prozess leitete, der in der Bildung des neutestamentlichen Kanons, wie wir ihn heute kennen, resultierte.

Es erscheint mir hilfreich und interessant, dieselben Kriterien auch auf die Frage nach der Kanonizität einer Kirche anzuwenden. Vielleicht bringt uns das ein praktisches Ergebnis – einen Orientierungspunkt in der Frage nach der Rechtmäßigkeit der vielen religiösen Einrichtungen in unserem Land.

Das erste Kanonizitätskriterium der Schrift („Hat der Text eine Verbindung zu einem oder mehreren Aposteln?“) ist, auf die Kirche angewandt, die Frage nach der „apostolischen Sukzession“. Das ist das Prinzip, nach dem die kirchliche Hierarchie direkt und sukzessiv durch eine ununterbrochene Kette von Bischofsweihen auf die von Christus eingesetzten Apostel zurückgeht. Die Lutheraner lehnen ein rein institutionelles Verständnis dieser Sukzession ab und betonen, dass die Lehre der Apostel zentral ist (in ihrer kürzesten Form lautet diese: „Jesus ist der Herr“). Die Sukzession besteht für die Lutheraner in erster Linie in der Weitergabe dieser Lehre von Generation zu Generation. Andererseits schätzen viele Kirchen (auch viele lutherische Kirchen) die Erhaltung der historischen Reihe von Einführungen ins Bischofsamt hoch.

Was das zweite Kriterium, die Universalität („Erkennen alle die Autorität des Textes an?“) betrifft, so gibt es leider heutzutage keine einzige christliche Konfession, die universelle Anerkennung genösse. Die Verabsolutierung dieses Verständnisses würde darauf hinauslaufen, alle

existenten Kirchen als nichtkanonisch zu erklären. Auch in der frühen Kirche wurde die „Universalität“ nicht absolut verstanden. Wie ist dann das Kriterium, dass eine Kirche weitgehend anerkannt sein soll, zu verstehen?

Hier gibt es zwei Aspekte: Erstens muss eine „kanonische“ Kirche von „ihrer eigenen“ anerkannt sein, also als Mitglied internationaler innerkonfessioneller Organisationen. In unserem Fall ist das beispielsweise der Lutherische Weltbund. Aber die innerkonfessionelle Anerkennung reicht nicht aus. In unserer multikonfessionellen Welt, in der wir schon über 100 Jahre intensive Gespräche miteinander führen, um einander besser zu verstehen, haben die Christen genug Erfahrungen gesammelt, um zu wissen, mit wem man zu tun haben kann, und mit wem es keine Gemeinschaft gibt, die als Grundlage für den Dialog dient. Deshalb ist ein weiteres Kriterium für die Kanonizität die Mitgliedschaft in interkonfessionellen Organisationen und Dialogen.

Etwas seltsam ist es, das dritte Kanonizitätskriterium („Wird der Text im Gemeindeleben genutzt?“) auf eine Kirche anzuwenden. Aber wenn wir es in Bezug auf die Kirche umformulieren und weiter fassen, werden wir sehen, dass es hier um die Nützlichkeit der einen oder anderen kirchlichen Organisation an einem konkreten Ort geht. Auch diese Frage ist schwer angemessen zu beantworten, wenn man nur an den gegenwärtigen Zeitpunkt denkt. Hier muss die Kirche in historischer Perspektive betrachtet werden. Wie bekannt, erwies die Obrigkeit im vorrevolutionären Russland den Lutheranern in diesem Land ihre Gunst. Die lutherische Kirche war die zweitgrößte und zweitbedeutendste christliche Konfession in Russland, denn die Lutheraner leisteten ja einen riesigen Beitrag zur Stärkung des russischen Staates und der russischen Wirtschaft und waren ein wichtiger Teil der Kultur des Landes. Zurzeit, nach einer Periode der Zerstörung geistlicher Werte, sagt uns nicht nur die Gerechtigkeit, sondern auch der gesunde Menschenverstand, dass die Präsenz von Lutheranern in Russland nicht nur akzeptabel, sondern auch wünschenswert ist.

Die Geschichte weist auch darauf hin, dass diejenigen religiösen Organisationen den größten Nutzen für die Gesellschaft bringen, welche nicht aus dem Nichts heraus gegründet (denn dann ist ja noch nicht klar, mit welchen Ziel diese neuen Organisationen geschaffen wurden), sondern auf einer historischen Basis aufgebaut werden. Das Luthertum hat auch hier einen großen Vorteil, da es den Traditionen treu bleibt und gleichzeitig Erbe (de jure und in spiritu) der lutherischen Tradition aus dem Zarenreich ist. Sein intellektueller Ansatz im Kirchenleben und seine reichhaltige musikalische und theologische Tradition können auch heute ein zwar kleines, aber wichtiges Element in der geistlichen Kultur des Landes sein.

Die apostolische Sukzession besteht für die Lutheraner in erster Linie in der Weitergabe der apostolischen Lehre von Generation zu Generation

¹ CA VII.

→ Евангелическо-Лютеранская Церковь России является наследницей (de jure и in spiritu) лютеранской традиции царской России. Ее интеллектуальный подход к церковной жизни, ее богатая музыкальная и богословская традиция и сегодня могут быть, пусть и небольшим, но важным элементом духовной культуры страны.

И, наконец, мы подходим к вопросу последовательности: «Сочетается ли богословие текста с богословием других книг Писания?». Согласно этому принципу, книги входящие в Библию не должны противоречить одна другой. Если мы переформулируем четвертый критерий для Церкви, то речь здесь также будет идти о внутренней целостности – целостности конфессии.

В течение своей 500-летней истории лютеране смогли использовать реформаторское открытие Мартина Лютера для развития очень важной ветви христианской Церкви, без которой трудно представить всю христианскую семью. В нашей Церкви есть ясность относительно вероучения, которое основано на Библии и разъяснено в документах «Книги согласия», и, кроме этого, общность (не обязательно единообразие) литургической и этической практики. Лютеране не только не противоречат самим себе, но и считают, что у них нет противоречий в центральных аспектах вероучения с другими традиционными конфессиями, что выражено в целом ряде экуменических соглашений.

Все эти аспекты в совокупности помогут нам определить канонический статус той или иной церковной организации. Мы не должны удивляться, если практически каждая из них будет выдавать себя за «истинного» представителя той или иной традиции. Но традиционное богословское мышление предлагает нам критерии для принятия адекватных решений в таких вопросах. И мы, лютеране, в конечном счете, обосновываем свое нахождение на территории нашей страны не столько историей, пользой, международным и межконфессиональным признанием и ясным вероучением, сколько тем, что мы (наряду с другими) проповедуем Евангелие Иисуса Христа.

Мы будем надеяться и молиться о том, чтобы все христиане ставили на первое место не чувство собственной важности, а реальные нужды ближних. Ведь Спаситель дал нам ответственность быть Его свидетелями, и именно для приобретения веры «было учреждено служение учения Евангелия и отправления Таинств».² Помня о том, что процесс определения каноничности текстов Писания длился относительно долго, мы должны понимать, что только время покажет, какая церковная организация действительно есть «собрание святых, в котором верно преподается Евангелие и правильно отправляются Таинства», а какая таковой не является. ■

Und schließlich kommen wir zur Frage der Kontinuität: „Ist die Theologie des Textes mit der Theologie der anderen Bücher der Schrift vereinbar?“ Laut diesem Prinzip dürfen die Bücher, die zur Bibel gehören, einander nicht widersprechen. Wenn wir dieses vierte Kriterium in Bezug auf die Kirche umformulieren, geht es hier auch um die innere Integrität der Konfession.

In ihrer 500jährigen Geschichte konnten die Lutheraner die reformatorische Entdeckung Martin Luthers für die Entwicklung eines sehr wichtigen Zweiges der christlichen Kirche nutzen, ohne den die ganze Familie der Christenheit kaum vorstellbar ist. In unserer Kirche besteht Klarheit über die Glaubenslehre, die auf der Bibel gründet und in den Dokumenten des „Konkordienbuches“ erläutert ist, und außerdem eine gemeinsame (nicht unbedingt einheitliche) liturgische und ethische Praxis. Die Lutheraner widersprechen nicht nur sich selber nicht, sondern sind auch der Ansicht, in den zentralen Aspekten der Glaubenslehre keine Widersprüche zu den anderen traditionellen Konfessionen aufzuweisen, was in einer ganzen Reihe ökumenischer Übereinkünfte Ausdruck findet.

Alle diese Aspekte zusammen können uns helfen, den kanonischen Status der einen oder anderen kirchlichen Organisation festzustellen. Wir brauchen uns nicht zu wundern, wenn praktisch jede sich als der „wahre“ Vertreter der einen oder anderen Tradition ausgibt. Aber das traditionelle theologische Denken gibt uns Kriterien für angemessene Entscheidungen in diesen Fragen an die Hand. Und wir Lutheraner begründen unsere Präsenz auf dem Gebiet unseres Landes letztendlich nicht so sehr mit der Geschichte, dem Nutzen, der internationalen und interkonfessionellen Anerkennung und der klaren Glaubenslehre wie vielmehr damit, dass wir (neben anderen) das Evangelium Jesu Christi verkündigen.

Wir werden hoffen und beten, dass alle Christen nicht das Gefühl der eigenen Bedeutsamkeit an erste Stelle setzen, sondern die realen Bedürfnisse der Mitmenschen. Denn der Heiland hat uns die Verantwortung gegeben, seine Zeugen zu sein, und gerade „damit wir solchen Glauben erlangen, hat Gott den Dienst gestiftet, der das Evangelium verkündigt und die Sakramente reicht“². Wenn wir daran denken, wie lange es gedauert hat, die Kanonizität der Schrifttexte zu bestimmen, müssen wir uns bewusst sein, dass erst die Zeit zeigen wird, welche kirchlichen Organisationen wirklich „die Versammlung der Heiligen, wo das Evangelium rein verkündigt wird und wo die Sakramente richtig verwaltet werden“ sind und welche nicht. ■

Лютеране считают, что у них нет противоречий в центральных аспектах вероучения с другими традиционными конфессиями

Die Lutheraner sind der Ansicht, in den zentralen Aspekten der Glaubenslehre keine Widersprüche zu den anderen traditionellen Konfessionen aufzuweisen

² Аугсбургское вероисповедание. V

² CA V

Пять веков московских лютеран

Fünf Jahrhunderte der Lutheraner in Moskau

Нервый лютеранский приход появился в Московском царстве еще в XVI веке, но столь привычный и полюбившийся москвичам собор свв. Петра и Павла на Ивановской горке в нынешних формах существует только с 1905 года. История здания и общины наполнена драматическими потрясениями и примерами удивительного самопожертвования.

Лютеранская община свв. Петра и Павла возникла в 1620-е годы и с тех пор неоднократно меняла место своей «постоянной прописки». В первой половине XVII века богослужения проводились в частных домах в районе современной Покровки. Местность была заселена иноземцами. Существует версия, что «Поганые пруды» (нынешние Чистые) или «Поганая лужа» обрели свое название как раз из-за компактного проживания заморских гостей. Слово «поганый» (от лат. „paganus“) означало в те времена «религиозно нечистый», «языческий». И применительно к этой местности было якобы связано с балтами-иноверцами, проживавшими там и, предположительно, поклонявшимися языческим богам.

В 1650-е годы всех иностранцев принудительно выселили в Немецкую слободу. Зарубежным специалистам стали нарезать земли вдоль нынешней Бауманской улицы. Во второй половине XVII века поселение насчитывало пару сотен домиков.

Автор книг о Московии, дипломат Яков Рейтенфельс оставил следующее описание района: «Из предместий главное – Иноземская слобода или Кокуй, отстоящая от последнего городского окопа лишь на расстоянии небольшого поля, с постройками также деревянными, возведенными по правилам и образцам немецким; здесь немцы живут отдельно от русских и посещают

Дие erste lutherische Gemeinde im Moskauer Reich entstand schon im 16. Jahrhundert, aber die St. Petri- und Paulikathedrale auf der Iwanowskaja-Höhe, die die Moskauer so gut kennen und liebgewonnen haben, existiert erst seit 1905. Die Geschichte des Gebäudes und der Gemeinde ist voller dramatischer Erschütterungen und Beispiele für erstaunliche Selbstaufopferung.

Die lutherische St. Petri- und Pauligemeinde entstand in den 1620er Jahren und hat seitdem mehrfach ihren offiziellen Standort gewechselt. In der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts wurden die Gottesdienste in Privathäusern in der Gegend der heutigen Pokrowka-Straße abgehalten. Das Gebiet war von Ausländern besiedelt. Laut einer Version wurden die „Poganyje Prudy“ bzw. „Poganaja Lusha“ (im heutigen Verständnis „schlechte/schmutzige Teiche“ bzw. „schlechte/schmutzige Pfütze“, A.d.Ü.), heute „Tschistyje Prudy“ („saubere Teiche“) gerade wegen der kompakten Besiedlung durch Gäste aus fernen Ländern so benannt. Das Wort „poganyj“ (von lat. „paganus“) bedeutete damals „religiös unrein“, „heidnisch“. Hinsichtlich dieser Gegend war das auf die andersgläubigen Balten bezogen, die dort wohnten und vermeintlich heidnische Götter anbeteten.

In den 1650er Jahren wurden alle Ausländer zwangsweise in die Deutsche Siedlung umgesiedelt. Fachleuten aus dem Ausland wurden von da an Grundstücke entlang der heutigen Baumannstraße zugeteilt. In der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts bestand die Siedlung aus ca. zweihundert Häuschen.

Jakob Reitenfels, Diplomat und Verfasser von Büchern über den Moskauer Staat, hinterließ folgende Beschreibung des Gebiets: „Die wichtigste der Vorstädte ist die Ausländische Siedlung oder Kokuj, nur die Länge eines kleinen Feldes vom letzten Stadtgraben entfernt, ebenfalls mit hölzernen Bauten, errichtet nach deutschen Regeln und Vorbildern;



Павел Гнилорыбов, краевед, писатель, член Совета Вольного исторического общества, г. Москва

Pawel Gnilyoribow, Landeskundler, Schriftsteller, Ratsmitglied des Freien Historikervereins, Moskau



Лютеранская община свв. Петра и Павла возникла в 1620-е годы и с тех пор неоднократно меняла место своей постоянной «прописки»

→ три лютеранских церкви, две кальвинистских, одну голландскую и одну англиканскую, кои не имеют, однако, колоколов. Управляются они не выборными из их среды начальниками, но подчинены придворному суду».

В похожих нотах рассказывает о Немецкой слободе и автор трактата «Современное состояние великой России или Московии», чешский католический священник Иржи Давид: «Немецкая слобода, или Кукуй, называемая так от протекающей здесь речки, более опрятная и нарядная, чем другие. Живут здесь одни только немцы, много в ней красивых каменных палат, выстроенных немцами и голландцами недавно для своего жилья. Остальные строения деревянные, но достаточно просторные. Едва ли найдешь здесь дом без сада, притом сады цветущие, плодоносные и красивые. Садоводство здесь ввели немцы».

«Немцами» не знавшие иностранных языков москвичи называли всех приехавших из-за границы, национальный состав жителей Немецкой слободы был представлен не только уроженцами германских земель. Переход из католичества или протестантизма в православие позволял продвигаться по служебной лестнице, но никто не заставлял иностранцев отречься от своей веры – они свободно исповедовали ее в целом ряде кирх и костелов.

Старокирочный переулочек в прежние времена мог похвастать двумя кирхами, лютеранской и католической. Лютеранская церковь свв. Петра и Павла ведет свое родословие с 1620-х годов, в камне ее возвели к середине 1690-х годов. Эту кирху называли «офицерской», ее посещали преимущественно военные. В 1812 году храм пострадал от пожара, его решили не возобновлять на

прежнем месте, и лютеранская община обзавелась участком в районе Старосадского переулочка.

Открывать католическую церковь российским «немцам» долго не разрешали. Еще в 1582 году Иван Грозный довольно любезно принял иезуитского посла Антонио Поссевино, но на все его увещания о насаждении католицизма отвечал однозначно и твердо: «Римлянам, Венецианам и Цесаревой области торговым людям в Московское государство приезжать и торговать повольно и попам с ними их веры ездить воля безо всякого возбранения, только им учения своего русским людям не плодить и костелов им в государстве Московском не ставить».

Если пройти мимо Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ), занимающего целый квартал в районе улицы Радио, следует обратить внимание на высокую ветросиловую установку. Она стоит на месте старейшей лютеранской кирхи Немецкой слободы. Еще в конце XVI века в ней молились пленники, захваченные в ходе Ливонской войны. Кирху освятили в честь св. Михаила. Церкви покровительствовал Борис Годунов, о чем свидетельствует пастор Мартин Бер: «Складочная сумма была столь значительна, что Немецкие прихожане, воздвигнув Божий храм, могли на остатки ее содержать, кроме прежних пасторов, полоненных вместе с ними в Ливонии, еще двух проповедников... Немцы плакали от умиления, что дожили в Москве, по милости Божьей, до столь счастливого времени».

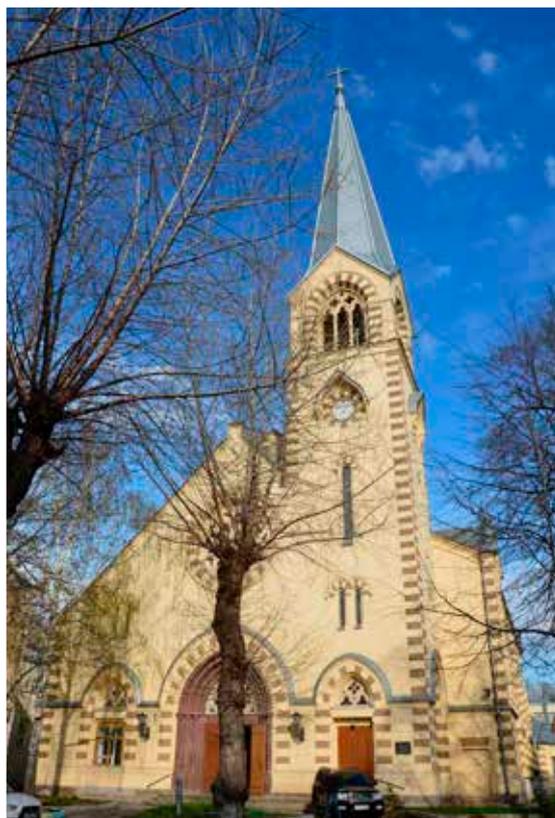
В этой кирхе в 1602 году нашел упокоение датский королевич Иоганн фон Шлезвиг-Гольштейн, приехавший свататься к дочери Бориса Годунова Ксении и внезапно умерший в Московии. Церковь стала основой для первого русского театра – пастор Иоганн Готфрид Грегори разыгрывал с молодыми прихожанами сценки на религиозные темы. Царь Алексей Михайлович приказал возвести «Комедийную хоромину» в дворцовом селе Преображенском, и в 1672 году юные иноземцы разыграли перед царем спектакль «Артаксерово действо» по книге Есфирь. В 1735 году в кирхе похоронили российского государственного деятеля, сподвижника Петра I Якова Брюса. Церковь разрушили до основания в 1928 году.

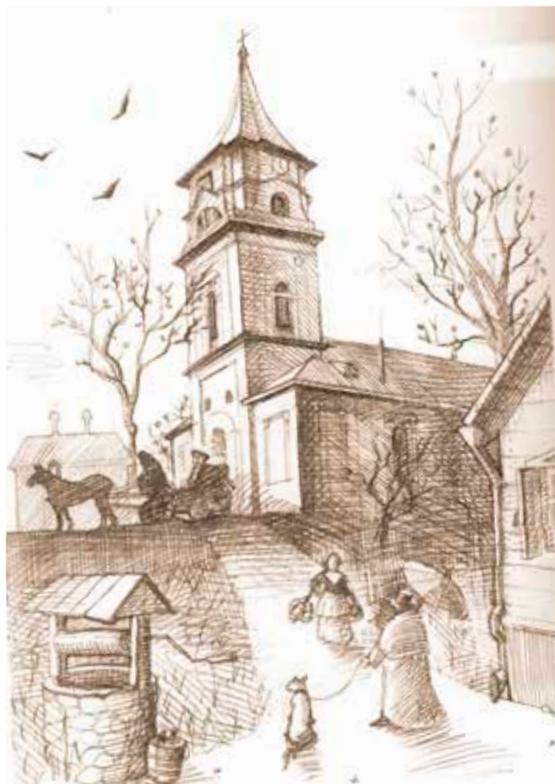
А какова судьба общины свв. Петра и Павла? Немецкая слобода постепенно обрусела и потеряла свою идентичность, растворившись в подступающей Москве. Члены общины решили вернуться в центр Москвы, что и сделали в 1810-е годы, когда их старая кирха пострадала от пожара. В конце XVIII столетия на месте современного собора в Старосадском переулочке находилась городская усадьба Ивана Лопухина. Сгоревшую в огне «великого пожара» в сентябре 1812 года усадьбу выкупает московская лютеранская община.

В 1818 году ее члены закладывают первое здание кирхи на новом месте. В закладке новой церкви принял участие прусский король Фридрих Вильгельм III. Шарлотта Прусская, его дочь, станет императрицей Александрой Федоровной,

Новоселье в церкви свв. Петра и Павла справили в 1905 году. Один из ярусом шпиля украсили часами, которые в советское время попали на здание ФСБ на Лубянской площади. Сам шпиль был «срезан» в конце 1950-х годов и восстановлен лишь в 2010 году...

Der Einzug in die neue St. Petri-und-Paulikirche fand 1905 statt. Eines der Stockwerke im Spitzturm war mit einer Uhr geschmückt, die in der Sowjetzeit an das KGB-Gebäude am Lubjanka-Platz geriet. Die Turmspitze selbst wurde Ende der 1950er Jahre „abgeschnitten“ und erst 2010 wiederhergestellt...





Старейшей лютеранской церковью Немецкой слободы была кирха св. Михаила. Еще в конце XVI века в ней молились пленники, захваченные в ходе Ливонской войны.

Иллюстрация Андрея Сергункина к книге Павла Гнилорыбова и Михаила Бондаренко «Пять веков московских лютеран. Укоренившиеся», Москва, 2017

Die älteste lutherische Kirche der Deutschen Siedlung war die St. Michaeliskirche. Schon Ende des 16. Jahrhunderts beteten dort Kriegsgefangene aus dem Livländers Krieg.

Illustration von Andrej Sergunkin aus dem Buch von Pawel Gnilorybow und Michail Bondarenko „Fünf Jahrhunderte der Lutheraner in Moskau. Die Eingewurzelten“, Moskau, 2017

hier leben die Deutschen getrennt von den Russen und besuchen drei lutherische, zwei calvinistische, eine holländische und eine anglikanische Kirche, welche jedoch keine Glocken haben. Sie werden nicht von selbstgewählten Oberhäuptern geleitet, sondern sind dem Hofgericht untergeordnet.“

In ähnlichen Tönen erzählt auch der Verfasser des Traktats „Der heutige Zustand Großrusslands oder Moskowiens“, der tschechische katholische Priester Jiří David: „Die Deutsche Siedlung, oder Kukuj, wie sie nach dem hindurchfließenden Fluss heißt, ist reinlicher und schmuckvoller als die anderen. Hier leben ausschließlich Deutsche, es gibt viele schöne steinerne Häuser, die von Deutschen und Holländern erst vor kurzem zur eigenen Wohnung errichtet wurden. Die übrigen Bauten sind aus Holz, aber recht geräumig. Man findet hier kaum ein Haus ohne Garten, wobei die Gärten blühend, fruchtbar und schön sind. Der Gartenbau wurde hier von den Deutschen eingeführt.“

Als „Deutsche“ bezeichneten die nicht fremdsprachenkundigen Moskauer alle Ankömmlinge aus dem Ausland, die ethnische Zusammensetzung der Deutschen Siedlung machten nicht nur Menschen aus, die aus deutschen Ländern stammten. Der Übertritt aus dem Katholizismus oder Protestantismus zur Orthodoxie ermöglichte eine bessere Karriere, aber niemand zwang die Ausländer, ihren Glauben zu verleugnen – sie bekannten ihn frei in einer ganzen Reihe von evangelischen und katholischen Kirchen.

Die Altkirchengasse konnte seinerzeit mit zwei westlichen Kirchen prangen, einer lutherischen und einer katholischen. Die lutherische St. Petri- und Paulikirche geht auf die 1620er Jahre zurück, als Steinbau wurde sie Mitte der 1690er Jahre errichtet. Diese Kirche wurde „Offizierskirche“ genannt und hauptsächlich von Militärs besucht. Im Jahr

1812 erlitt das Gotteshaus einen Brand, und man beschloss, es nicht am alten Ort wieder zu errichten, sondern die lutherische Gemeinde erwarb ein Grundstück im Gebiet der Starosadskaja-Gasse.

Eine katholische Kirche zu eröffnen wurde den Russland-„Deutschen“ lange nicht erlaubt. Schon 1582 empfing Iwan der Schreckliche recht freundlich den Jesuitenbotschafter Antonio Possevino, aber auf alle seine Ermahnungen über den Aufbau des Katholizismus antwortete er eindeutig und bestimmt: „Römer, Venezianer und Handelsleute aus dem Gebiet Caesars haben die Freiheit, ohne jegliches Hindernis in den Moskauer Staat zu kommen, frei Handel zu treiben und Priester ihres Glaubens mit sich zu führen, nur nicht ihre Lehre unter den russischen Menschen zu verbreiten und nicht ihre Kirchen im Moskauer Staat zu errichten.“

Wer am Zentralen Aerohydrodynamischen Institut vorbeigeht, das ein ganzes Quartal im Bereich der Radiostraße einnimmt, sollte auf die hoch aufragende Windkraftanlage achten. Sie befindet sich am Standort der ältesten lutherischen Kirche der Deutschen Siedlung. Schon Ende des 16. Jahrhunderts beteten dort Kriegsgefangene aus dem Livländers Krieg. Die Kirche war dem Hl. Michael gewidmet. Boris Godunow förderte die Kirche, was Pastor Martinus Bär bezeugt: „Der Gesamtbetrag war so bedeutend, dass die deutschen Gemeindeglieder, nachdem sie das Gotteshaus errichtet hatten, mit dessen Rest außer den vorigen Pastoren, die zusammen mit ihnen in Livland gefangengenommen worden waren, noch zwei Prediger unterhalten konnten ... Die Deutschen weinten vor Rührung, dass sie in Moskau durch Gottes Barmherzigkeit noch eine so glückliche Zeit erleben durften.“

In dieser Kirche fand 1602 der dänische Königssohn Johann von Schleswig-Holstein seine letzte Ruhe, der gekommen war, um um Boris Godunows Tochter Xenia zu werben, und dann unerwartet im Moskauer Land verstorben war. Die Kirche wurde zur Grundlage für das erste russische Theater: Pastor Johann Gottfried Gregory spielte mit jungen Gemeindegliedern Szenen zu religiösen Themen. Zar Alexei Michailowitsch ordnete an, ein Komödienhaus in der Hofsiedlung Preobraschenskoje zu errichten, und im Jahr 1672 führten junge Ausländer vor dem Zaren das auf dem Buch Esther beruhende Stück „Artaxerxes-Spiel“ auf. Im Jahr 1735 wurde in der Kirche Jakob (James) Bruce, russischer Staatsmann und Mitstreiter Peters I., beerdigt. Die Kirche wurde 1928 vollständig zerstört.

Die lutherische St. Petri- und Pauligemeinde entstand in den 1620er Jahren und hat seitdem mehrfach ihren offiziellen Standort gewechselt

→

В 1843 году Ференц Лист играет на органе церкви свв. Петра и Павла во время своих гастролей в Москве. Венгерский композитор произвел неизгладимое впечатление на московские умы

Община кафедрального собора свв. Петра и Павла в Москве празднует день свв. Апостолов Петра и Павла в июне 2017 года

Die Gemeinde der St. Petri-und-Paulikathedrale in Moskau feiert den Tag der Apostel Petrus und Paulus im Juni 2017

женой Николая I. Здание являло собой перестроенную усадьбу и выделялось стройным классицистическим фронтоном.

В 1843 году Ференц Лист играет на органе церкви свв. Петра и Павла во время своих гастролей в Москве. Венгерский композитор произвел неизгладимое впечатление на московские умы. О его визите пишет композитор и театральный деятель Алексей Верстовский: «Лист Москву свел с ума, играет везде и для всех. В публичных и частных концертах». Листа слушают и Александр Герцен, отметивший в дневнике: «Лист, которого слушая, иногда навертывается слеза. Поразительный талант!».

Старое здание храма, приведенное в порядок в 1819 году, постепенно ветшает и не вмещает огромного количества прихожан, растут и формируются диаспоры выходцев из прибалтийских стран. Лютеранская община приглашает для строительства новой кирхи архитектора Виктора Коссова. В строительстве кирхи отделился и Артур Лолейт, «рыцарь железобетона», много работавший с новым материалом и писавший научные работы о сводах Монье. Чуть раньше, в 1890-е годы, Фёдор Шехтель выстроил во дворе церкви капеллу для отпевания умерших.

Новоселье справили в 1905 году. Один из ярусов шпиля украсили часами, которые в советское время попали на здание ФСБ на Лубянской площади. Сам шпиль был «срезан» в конце 1950-х годов и восстановлен лишь в 2010 году.

В начале XX столетия в Москве насчитывалось порядка 17 тысяч лютеран (из них около 14 тысяч этнических немцев). Богослужения в церкви свв. Петра и Павла проходили на немецком, эстонском и латышском языках. В начале XX века в церковном совете кирхи числились очень богатый промышленник Андреас Кноп и нотоиздатель Карл Гутхейль. Их особняки располагались совсем рядом, в Колпачном переулке (церковный двор сохранил московскую традицию пересекать пространство, не пользуясь переулками, и сейчас из Старосадского легко попасть в Колпачный). Сохранялись и музыкальные традиции – в 1913 году в храме исполняли рахманиновские «Колокола», а в 1918 году здесь слушали «Реквием» Моцарта.

В советское время зданию пришлось нелегко. Сначала его переоборудовали под кинотеатр «Арктика», потом – под студию «Диафильм». Исторический орган конца XIX века в 1941 году был отправлен в Новосибирск, где его следы теряются. Нынешний орган раньше стоял в снесенной церкви св. Михаила, а в советскую эпоху он успел «поработать» в крематории Донского кладбища. В 1990-е – 2010-е годы в соборе были проведены реставрационные работы, и сейчас кирха на Ивановской горке вновь стала центром духовной жизни московских лютеран – кафедральным собором Евангелическо-Лютеранской Церкви Европейской части России. ■



Und wie ging es der St. Petri- und Pauligemeinde? Die Deutsche Siedlung wurde langsam immer russischer und verlor ihre Identität, da sie sich im wachsenden Moskau auflöste. Die Gemeindeglieder beschlossen, ins Zentrum Moskaus zurückzukehren, was sie in den 1810er Jahren auch taten, als ihre alte Kirche einen Brand erlitten hatte. Ende des 18. Jahrhunderts befand sich am Standort der heutigen Kathedrale in der Starosadskaja-Gasse das städtische Anwesen von Iwan Lopuchin. Das Anwesen brannte beim großen Moskauer Brand im September 1812 nieder und wurde von der Moskauer lutherischen Gemeinde aufgekauft.

Im Jahr 1818 legten ihre Mitglieder den Grund für das erste Kirchengebäude am neuen Ort. An der Grundlegung der neuen Kirche nahm der preußische König Friedrich Wilhelm III. teil. Charlotte von Preußen, seine Tochter, wurde später zur Zarin Alexandra Fjodorowna, Gattin von Nikolai I. Das Gebäude war ein Umbau des Anwesens und zeichnete sich durch den schlanken klassizistischen Giebel aus.

Im Jahr 1843 spielt Ferencz Liszt während seiner Gastspiele in Moskau auf der Orgel der St. Petri- und Paulikirche. Der ungarische Komponist beeindruckte die Moskauer Geister tief. Über seinen Besuch schreibt der Komponist und Bühnenschaffende Alexei Werstowskij: „Liszt hat Moskau um den Verstand gebracht, er spielt überall und für alle. In öffentlichen und privaten Konzerten.“ Auch Alexander Herzen hört Liszt an und vermerkt in seinem Tagebuch: „Beim Hören von Liszt kommt einem manchmal eine Träne. Ein erstaunliches Talent!“

Das alte Kirchengebäude, das 1819 hergerichtet wurde, verfällt allmählich und fasst nicht mehr die riesige Menge an Gemeindegliedern; die Diaspora aus den baltischen Ländern wächst und nimmt Form an. Die lutherische Gemeinde beauftragt den Architekten Viktor Kossow mit dem Bau einer neuen Kirche. Auch Arthur Loleit, der „Stahlbeton-Ritter“, der viel mit dem neuen Material gearbeitet und wissenschaftliche Arbeiten über Moniergewölbe geschrieben hatte, leistete seinen Beitrag zum Bau der Kirche. Kurz vorher, in den 1890er Jahren, hatte Fjodor Schechtel im Hof der Kirche eine Kapelle für Trauerfeiern errichtet.

Der Einzug ins neue Gebäude fand 1905 statt. Eines der Stockwerke im Spitzturm war mit einer Uhr geschmückt, die in der Sowjetzeit an das KGB-Gebäude am Lubjanka-Platz geriet. Die Turmspitze selbst wurde Ende der 1950er Jahre „abgeschnitten“ und erst 2010 wieder hergestellt.

Anfang des 20. Jahrhunderts zählte Moskau ca. 17 000 Lutheraner (davon ca. 14 000 ethnische Deutsche). Gottesdienste in der St. Petri- und Paulikirche wurden auf Deutsch, Estnisch und Lettisch gehalten. Anfang des 20. Jahrhunderts gehörten der sehr wohlhabende Industrielle Andreas Knoop und der Notenverleger Karl Gutheil zum Kirchenvorstand der Kirche. Ihre Villen lagen direkt in der Nachbarschaft in der Kolpatschnyj-Gasse (der Kirchhof hat die Moskauer Tradition bewahrt, den Raum ohne Quergassen zu überbrücken, und jetzt ist es leicht, durch ihn von der Starosadskaja-Straße in die parallele Kolpatschnyj-Gasse zu gelangen). Auch Musiktraditionen blieben erhalten: 1913 wurden die „Glocken“ von Rachmaninow in der Kirche aufgeführt und 1918 das „Requiem“ von Mozart.

In der Sowjetzeit hatte das Gebäude es schwer. Zuerst wurde es zum Kino „Arktika“ umgebaut, dann zum Studio „Diafilm“. Die historische Orgel vom Ende des 19. Jahrhunderts wurde 1941 nach Nowosibirsk geschickt, wo ihre Spur sich verliert. Die heutige Orgel befand sich früher in der abgerissenen St. Michaeliskirche und hat in der Sowjetzeit im Krematorium des Donskoje-Friedhofs „gearbeitet“. In den 1990er und 2010er Jahren wurden in der Kirche Restaurierungsarbeiten durchgeführt, und jetzt ist die Kirche auf der Iwanowskaja-Höhe wieder zum Zentrum des geistlichen Lebens der Moskauer Lutheraner geworden – zur Kathedralkirche der Evangelisch-Lutherischen Kirche Europäisches Russland. ■

Введенское кладбище в Москве – одно из немногих напоминаний о том, что лютеране XVIII-XIX веков считали Москву своим родным городом. Здесь сохранились могилы прихожан общины и пасторов. Сегодня община свв. Петра и Павла взяла их под свою опеку

Der Wwedenskij Friedhof in Moskau ist einer der wenigen Erinnerungen daran, dass die Lutheraner des 18.-19. Jahrhunderts Moskau für ihre Heimatstadt hielten. Hier befinden sich die Gräber der evangelischen Gemeindeglieder und der Pastoren. Heute betreuet die St. Petri- und-Pauligemeinde diese Gräber



Основана на вере наших предков

Из истории Евангелическо-Лютеранской Церкви в Грузии



Ирина Солей, пастор Евангелическо-Лютеранской Церкви в Грузии, г. Тбилиси

Irina Solej, Pastorin der Evangelisch-Lutherischen Kirche in Georgien, Tbilisi

В 2017 году Евангелическо-Лютеранская Церковь в Грузии и на Южном Кавказе отмечает два знаменательных юбилея – 500-летие Реформации Мартина Лютера и 200-летие переселения швабов из Вюртемберга на Кавказ. Для нас эти два юбилея неразрывно связаны друг с другом, потому что именно швабы принесли лютеранство в Грузию и Азербайджан.

Переселение швабов на Кавказ 200 лет назад, основание колоний и формирование религиозной жизни на новых землях

Конец XVIII века и начало XIX века в Вюртемберге были отмечены появлением и развитием религиозного сепаратизма, в основе которого лежал пиетизм (благочестие). Пиетисты считали своей главной обязанностью жить по совести перед Богом. Они собирались в группах по домам и проводили часы духовного возрождения – в молитве, в изучении Святого Писания, в размышлениях о христианском образе жизни. Примером для них были первые христианские общины, описанные в Деяниях апостолов, и они мечтали о «гармонии», в которой будет всё общее: как имущество, так и молитвенная жизнь.

Общины находились в ожидании близкого пришествия Христа и должным образом готовились к нему. Во многих группах, помимо Святого Писания, большим авторитетом пользовались проповеди и пророчества тех, кто был исполнен, по их мнению, Святым Духом. Не имея своей целью идти против Церкви и властей, эти группы, тем не менее, неминуемо вступали в конфликт с ними. Богослужения и церковная практика официальной Церкви казалась им слишком «сухой» и лишенной непосредственного общения с Богом.



Последней каплей, переполнившей чашу терпения пиетистов, были изменения в сборнике хоралов в 1791 году и введение с 1809 года новой литургии, предпринятых церковными властями. Пиетисты стали бойкотировать богослужения и принимать Причастие по домам. Также и детей стали крестить дома и не пускать на уроки религии в школах. Власти отвечали штрафами и тюремными заключениями. В людях зрело стремление покинуть свою страну, которую они называли «грешным Вавилоном», и двинуться «навстречу Господу», пришествие Которого должно было состояться на «земле святой», в Иерусалиме, по предсказаниям, в 1836 году.

В то же время российский царь Александр I издал 20 февраля 1804 года свой Манифест о переселении и предоставил швабам земли вдоль берегов Черного и Азовского морей, в Крыму и на Кавказе. Последовав призыву императора, в период с 1816 по 1822 год на восток, в общей сложности, эмигрировало более 30 тысяч человек.

Первыми на Кавказ отправились в сентябре 1816 года швабы из Швайкхайма (городок недалеко от Штутгарта), руководимые виноградарем Георгом Фридрихом Фуксом. Колонна из почти 40 семей пустилась в путь на речных суденышках

В людях зрело стремление двинуться «навстречу Господу», пришествие Которого должно было состояться на «земле святой», в Иерусалиме, по предсказаниям, в 1836 году

Gegründet auf dem Glauben unserer Vorfahren

Aus der Geschichte der Evangelisch-Lutherischen Kirche in Georgien

Im Jahr 2017 feiert die Evangelisch-Lutherische Kirche in Georgien und im Südkaukasus zwei bemerkenswerte Jubiläen: 500 Jahre seit der Reformation Martin Luthers und 200 Jahre seit dem Übersiedeln von Schwaben aus Württemberg in den Kaukasus. Für uns sind diese beiden Jubiläen untrennbar miteinander verbunden, denn diese Schwaben waren es, die das Luthertum nach Georgien und Aserbaidschan brachten.

Ansiedlung von Schwaben im Kaukasus vor 200 Jahren, Gründung von Kolonien und Gestaltung des religiösen Lebens auf dem neuen Grund und Boden

Das ausgehende 18. und das beginnende 19. Jahrhundert waren in Württemberg gekennzeichnet von Aufkommen und Entwicklung eines religiösen Separatismus, dem der Pietismus (Frömmigkeit) zu Grunde lag. Die Pietisten hielten es für ihre Hauptpflicht, vor Gott nach ihrem Gewissen zu leben. Sie versammelten sich in Hauskreisen und veranstalteten Erbauungsstunden, die sie im Gebet, im Studium der Heiligen Schrift und im Nachdenken über eine christliche Lebensführung verbrachten. Vorbild für sie waren die in der Apostelgeschichte beschriebenen urchristlichen Gemeinden, und die Pietisten wünschten sich eine „Harmonie“, in der alles Gemeingut sein sollte: wie der Besitz, so auch das Gebetsleben.

Die Gemeinden befanden sich in der Naherwartung des Kommens Christi und bereiteten sich gebührend darauf vor. In vielen Gruppen wurden außer der Heiligen Schrift auch Predigten und Prophetien von ihrer Meinung nach geisterfüllten Menschen hoch geschätzt. Ohne die Absicht zu haben, gegen die Kirche oder die Staatsgewalt vorzugehen, gerieten diese Gruppen dennoch unausweichlich in Konflikte mit ihnen. Die Gottesdienste und die kirchliche Praxis der offiziellen Kirche erschienen ihnen zu „trocken“, darin fehlte ihnen die direkte Gemeinschaft mit Gott.

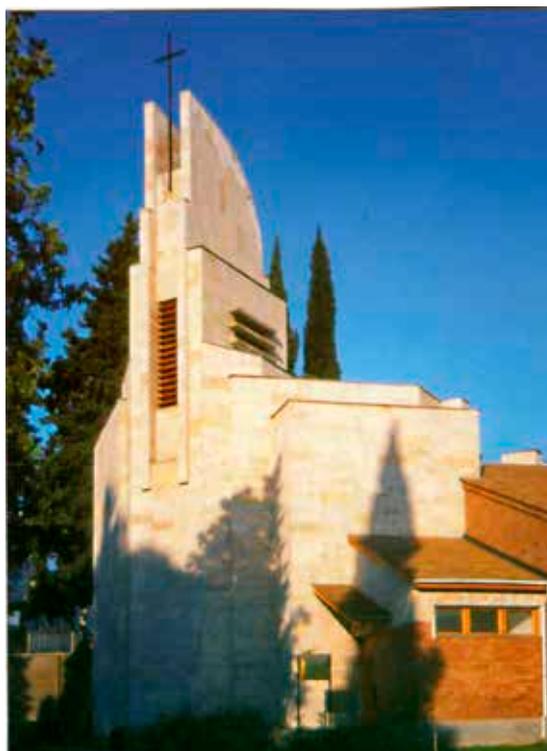
Der Tropfen, der das Geduldsfass der Pietisten zum Überlaufen brachte, waren Änderungen im Gesangbuch im Jahr 1791 und die Einführung einer neuen Liturgie im Jahr 1809 durch die kirchliche

Obrigkeit. Die Pietisten begannen Gottesdienste zu boykottieren und das Abendmahl in den Häusern zu feiern. Auch begannen sie, die Kinder zu Hause zu taufen und vom Religionsunterricht an den Schulen zurückzuhalten. Die Behörden antworteten mit Geldbußen und Haftstrafen. In den Menschen reifte das Bestreben heran, ihr Land zu verlassen, das sie das „sündige Babylon“ nannten, und „dem Herrn entgegen“ aufzubrechen, dessen Kommen im „Heiligen Land“, in Jerusalem, stattfinden sollte, und zwar laut Prophezeiungen im Jahr 1836.

Gleichzeitig brachte Zar Alexander I. am 20. Februar 1804 sein Manifest zur Übersiedlung heraus und stellte den Schwaben Land entlang der Küsten des Schwarzen und Asowschen Meeres, auf der Krim und im Kaukasus zur Verfügung. Insgesamt über 30 000 Personen folgten dem Aufruf des Imperators und wanderten von 1816 bis 1822 gen Osten aus.

Als erste brachen im September 1816 Schwaben aus Schwaikheim (einer Kleinstadt in der Nähe von Stuttgart) unter der Leitung des Winzers Georg Friedrich Fuchs in den Kaukasus auf. Eine Kolonne

In den Menschen reifte das Bestreben heran, „dem Herrn entgegen“ aufzubrechen, dessen Kommen im „Heiligen Land“, in Jerusalem, stattfinden sollte, und zwar laut Prophezeiungen im Jahr 1836



Церковь Примирения в Тбилиси была построена в 1995-1997 годах на месте бывшего немецкого кладбища на средства семьи Хуммель и на пожертвования друзей

Die Versöhnungskirche in Tbilisi wurde 1995-1997 am Ort des ehemaligen deutschen Friedhofs aus Mitteln der Familie Hummel sowie aus Spendengeldern von Freunden gebaut

→ по Дунаю из Ульма до Измаила на Черном море – этот маршрут стал обычным для последующих переселенцев. После обязательного карантина их путь лежал дальше, через Херсон и Таганрог к Тифлису, куда они прибыли в сентябре 1817 года. Число прибывших равнялось 178. Зимой 1816/1817 года были основаны «братские гармонии переселения детей Божьих» и в других местах Вюртемберга, и началась большая волна эмиграции. Общее число прибывших в 1817 году в Грузию немцев лютеранского вероисповедания составляло около семи тысяч человек (1400 семей). Разумеется, не все вышедшие из Вюртемберга достигали конечной цели: эпидемии, невероятные лишения и трудности пути уносили множество жизней.

Большую поддержку немецким переселенцам оказал губернатор Закавказья, генерал-лейтенант Алексей Ермолов, который стремился улучшить сельское хозяйство и через умение и трудолюбие колонистов мотивировать местное население. Так были основаны первые швабские поселения в Грузии и Азербайджане: Александерсдорф (ныне Дидубе, Тбилиси), Елизабеталь (Асурети), Катариненфельд (Болниси), Мариенфельд (Сартичала), Петерсдорф (на берегу реки Иори), Ной-Тифлис, Анненфельд (Шамхор/Азербайджан) и Еленендорф (Гей Гель/Азербайджан). Позже стали появляться дочерние колонии.

На колонистов, поселившихся на Кавказе, распространялся ряд привилегий: освобождение от налогов на десять лет и вечное освобождение от военной службы; десятилетний срок для покрытия казенного долга, безвозмездное пользование землей в 60 десятин, 300 рублей

для хозяйственных нужд. Ремесленников поселили в пригороде Тбилиси, для других же колоний источником существования и дохода должны были стать земледелие, виноградарство, животноводство. Пройдя через многие испытания, колонии достигли своего расцвета во второй половине XIX века. Значительный вклад внесли немцы в развитие промышленности, архитектуры и культуры Грузии.

Защита свободы вероисповедания была основным условием и важнейшим аспектом для развития немецких колоний на Кавказе. Лютеранские общины, вдохновленные пиелистскими идеями и принесшие с собой традиции независимости от Церкви, самостоятельно выбирали духовных учителей, которые выполняли функции пасторов. Они собирались по домам, молились и, в основном, занимались изучением книги Апокалипсиса. По воскресеньям и праздникам проводились богослужения; детей и молодежь обучали Катехизису.

Сепаратистские настроения были особенно сильны в Катариненфельде, пока в 1827 году сюда из города Шуши (Азербайджан) не прибыл базельский миссионер Иоганн-Бернхард Зальтет. Он быстро заслужил признание колонистов и местного руководства. При нем церковная жизнь колонистов обрела организованный характер; началось назначение пасторов во все колонии. Была введена должность оберпастора, которым в августе того же года стал Зальтет. По его инициативе в Грузии был созван Синод немецких колонистов, который решал все вопросы религиозной и духовной жизни колонистов. 3-4 января 1828 года состоялось торжественное заседание Синода, на котором был принят Церковный устав. В феврале 1828 года в Тбилиси началось строительство небольшой деревянной церкви, которая торжественно открылась в феврале 1834 года. На ее месте была затем построена большая каменная церковь свв. Петра и Павла, освященная в 1897 году.

Во второй половине XIX века во всех лютеранских поселениях имелся молитвенный дом или «кирха». Грузинские лютеране отличались особой образованностью, и подтверждением этому может служить количество выписанных ими журналов и газет. Во всех поселениях было обязательным двухклассное обучение, общее же обучение было восьмиклассным. Все хорошо знали местные языки: русский, грузинский, азербайджанский и армянский.

Советский период

В 1921 году Грузия, а в 1922 году Азербайджан были советизированы и в 1924 году, вместе с другими республиками, вошли в состав СССР. 8 апреля 1929 года был издан Декрет о национализации церкви и церковного имущества, фактически объявивший курс на полную ликвидацию всех религиозных организаций.

До 1979 года в Грузию возвратились 2073 депортированных немца. К ним относились довольно сдержанно, и получить новую прописку и квартиру, а также работу им было весьма нелегко



Церковь свв. Петра и Павла в Тбилиси была закрыта в 1931 году и разобрана в 1946 году руками немецких военнопленных

Die St. Petri- und Paulikirche in Tbilisi wurde im Jahr 1931 geschlossen und 1946 durch deutsche Kriegsgefangene abgetragen

von fast 40 Familien machte sich auf kleinen Flussschiffen auf den Weg die Donau hinab von Ulm bis nach Ismajil am Schwarzen Meer – dieser Weg wurde zur Norm für die nachfolgenden Übersiedler. Nach einer vorgeschriebenen Quarantäne ging ihr Weg weiter über Cherson und Taganrog nach Tiflis, wo sie im September 1817 ankamen. Die Zahl der Angekommenen betrug 178. Im Winter 1816/1817 wurden auch an anderen Orten in Württemberg „brüderliche Harmonien der Kinder Gottes“ gegründet, und es begann eine große Auswanderungswelle. Die Gesamtzahl der 1817 in Georgien angekommenen Deutschen lutherischen Bekenntnisses betrug ca. 7000 Personen (1400 Familien). Selbstverständlich erreichten nicht alle, die aus Württemberg aufbrachen, ihr Endziel: Epidemien, unvorstellbare Entbehrungen und Schwierigkeiten auf dem Weg forderten viele Menschenleben.

Die deutschen Übersiedler wurden sehr vom Gouverneur des Transkaukasus Generalleutnant Alexei Jermolow unterstützt, der danach strebte, die Landwirtschaft zu verbessern und durch die Fertigkeiten und den Fleiß der Kolonisten auch die einheimische Bevölkerung zu motivieren. So wurden die ersten schwäbischen Siedlungen in Georgien und Aserbaidshan gegründet: Alexandersdorf (heute Didube, Tbilisi), Elisabeththal (Asureti), Katharinenfeld (Bolnisi), Marienfeld (Sartitschala), Petersdorf (am Ufer des Flusses Iori), Neu-Tiflis, Annenfeld (Schamchor, Aserbaidshan) und Helenendorf (Göyğöl, Aserbaidshan). Später entstanden Tochterkolonien.

Für die Kolonisten, die sich im Kaukasus niedergelassen hatten, galt eine Reihe von Privilegien: zehn Jahre Steuerbefreiung und ewige Befreiung vom Wehrdienst; eine 10-Jahresfrist für die Begleichung der Schulden beim Staat, unentgeltliche Nutzung von 60 Desjatinen (ca. 60 ha) Land, 300 Rubel für Haushaltsbedürfnisse. Die Handwerker wurden in einer Vorstadt von Tbilisi angesiedelt, für die anderen Kolonien sollten Ackerbau, Weinbau und Viehzucht zur Existenz- und Einkommensquelle werden. Nach vielen schweren Prüfungen erreichten die Kolonien in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts ihre Blütezeit. Die Deutschen leisteten einen bedeutenden Beitrag zur Entwicklung der Industrie, Architektur und Kultur Georgiens.

Der Schutz der Bekenntnisfreiheit war eine Grundbedingung und der wichtigste Aspekt für die Entwicklung der deutschen Kolonien im Kaukasus. Die von pietistischen Ideen inspirierten lutherischen Gemeinden, welche ihre Traditionen der Unabhängigkeit von der Kirche mitgebracht hatten, suchten sich selbständig ihre geistlichen Lehrer aus, die die Funktion von Pastoren ausübten. Sie versammelten sich in den Häusern, beteten und befassten sich hauptsächlich mit dem Studium der Apokalypse. Sonn- und feiertags fanden Gottesdienste statt; Kindern und Jugendlichen wurde der Katechismus beigebracht.

Die separatistischen Stimmungen waren in Katharinenfeld besonders stark, bis im Jahr 1827 der Basler Missionar Johann-Bernhard Saltet auf dem Weg aus Schuscha (Aserbaidshan) dort eintraf. Er verdiente



Осенью 1992 года профессор теологии Саарбрюккенского университета д-р Герт Хуммель (1933-2004) узнал о существовании лютеранской общины в Тбилиси. Он стал приезжать два раза в год, проводить службы, совершать Таинства, в общей сложности, им было крещено 250 человек. Впоследствии Герт Хуммель стал первым епископом ЕЛЦГ (1999-2004)

Im Herbst 1992 erfuhr der Theologieprofessor Dr. Gert Hummel aus der Universität Saarbrücken von der Existenz einer lutherischen Gemeinde in Tbilisi. Er begann zweimal im Jahr dorthin zu fahren, Gottesdienste zu halten, die Sakramente zu vollziehen – insgesamt wurden 250 Personen von ihm getauft. Später wurde Gert Hummel zum ersten Bischof der ELKG (1999-2004)

sich schnell die Anerkennung der Kolonisten und der örtlichen Obrigkeit. Zu seiner Zeit bekam das Kirchenleben der Kolonisten einen organisierten Charakter; die Ernennung von Pastoren für alle Kolonien begann. Das Amt eines Oberpastors wurde eingeführt, welches Saltet im August desselben Jahres einnahm. Auf seine Initiative hin wurde in Georgien eine Synode der deutschen Kolonisten geschaffen, die alle Fragen des religiösen und geistlichen Lebens der Kolonisten behandelte. Am 3.-4. Januar 1828 fand eine feierliche Sitzung der Synode statt, bei der die Kirchensatzung verabschiedet wurde. Im Februar 1828 begann in Tbilisi der Bau einer kleinen hölzernen Kirche, die im Februar 1834 feierlich eröffnet wurde. Später wurde sie durch die große steinerne St. Petri- und Paulikirche ersetzt, die 1897 eingeweiht wurde.

In der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts gab es in jeder lutherischen Siedlung ein Gebetshaus oder eine Kirche. Die georgischen Lutheraner zeichneten sich durch eine besonders hohe Volksbildung aus, was durch die Menge der von ihnen abonnierten Zeitschriften und Zeitungen bestätigt wird. In allen Siedlungen war eine zweiklassige Schulbildung Pflicht, die gesamte Schulbildung bestand aus acht Klassen. Alle beherrschten die am Ort gesprochenen Sprachen gut: Russisch, Georgisch, Aserbaidshanisch und Armenisch.

Die Sowjetzeit

Georgien wurde 1921 sowjetisiert und Aserbaidshan 1922; 1924 wurden sie mit anderen Republiken zusammen in die UdSSR integriert. Am 8. April



В мае 2017 года на городской стене в г. Ульме была установлена памятная доска, посвященная немецким колонистам из Вюртемберга на Кавказе, в Причерноморье и в Крыму и изображающая их маршрут из Ульма в Российскую империю и места поселений

Im Mai 2017 wurde an der Stadtmauer in Ulm eine Gedenktafel enthüllt, die den deutschen Kolonisten aus Württemberg im Kaukasus, im Schwarzmeergebiet und auf der Krim gewidmet ist und ihren Weg von Ulm ins Russische Reich, wie auch die Orte ihrer Siedlungen darstellt



→ В 1931 году была закрыта церковь свв. Петра и Павла в Тбилиси (в 1946 году она была разобрана руками немецких военнопленных). Пастор Рихард Майер был арестован и в феврале 1933 года расстрелян. Это был последний лютеранский пастор в Грузии в советский период. Служба в церкви Катариненфельда велась непрерывно до 1929 года. В 1928 году состоялась последняя конфирмация девушек и юношей. Лютеранские традиции мало-помалу утрачивались в колониях. Церкви переоборудовались в спортивные залы, как это было в Катариненфельде и Еленендорфе, или в кинотеатры, как в Елизаветтале, или в складские помещения, как в Анненфельде и Мариенфельде. Во многих местах они были просто разрушены или превратились со временем в развалины.

После закрытия церквей и исчезновения пасторов некоторое время церковная жизнь в общинах поддерживалась женщинами, которые собирали у себя в домах верующих (мужчинам это было делать намного опаснее). Сталинский террор и большая чистка 1935-1937 годов привели, однако, к постепенному прекращению всяких попыток религиозных собраний, ибо это было очень рискованно. Так выросло целое поколение немцев в отрыве от духовной практики.

Нападение фашистской Германии 22 июня 1941 года стало причиной выселения немцев: по Указу Государственного комитета обороны от 28 августа 1941 года – из Поволжья и по Указу от 8 октября 1941 года – из Закавказья. Всего было депортировано: из Грузинской ССР – 23 580 человек, из Азербайджанской ССР – 22 741 человек и из Армянской ССР – 212 человек. По грубым подсчетам, из 1,2 миллиона немцев, проживавших в СССР до начала войны, 300-400 тыс., то есть одна треть, погибли в результате депортации.

Для депортированных было два режима: трудовая армия и спецпоселение. Духовная жизнь в трудармии была практически невозможна, но есть рассказы о том, что верующие люди умудрялись как-то собираться для молитвы. На спецпоселении дело обстояло немного лучше и, несмотря на комендантуру, удавалось всё-таки организовывать молитвенные кружки. Так, под пеплом тлели искры лютеранской веры, тщательно прятались и сохранялись Библии и сборники песен. Только после смерти Сталина в 1953 году лютеране впервые отважились собираться вместе и открыто исповедовать свою веру. Это были небольшие братские общины пиетистского направления, во множестве возникшие в местах ссылки в Сибири и Казахстане. В основном, богослужения и библейские часы вели люди недуховного звания.

В декабре 1955 года вышел Указ Верховного совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». После этого была отменена унижительная для них комендантура. Однако не был отменен Указ 1948 года о запрете возвращения немцев, высланных из Украины, Черноморского побережья, Кавказа и Приволжья, в свои родные места.

Лишь в конце 1950-х годов в Целинограде пастор Бахманн смог зарегистрировать первую лютеранскую общину. После развенчания сталинского культа в 1956 году были введены некоторые послабления на возвращение немцев в определенные регионы. До 1979 года в Грузию возвратились 2073 депортированных немца. Хотя они и были уже реабилитированы, к ним относились довольно сдержанно, и получить новую прописку и квартиру, а также работу им было весьма нелегко. Неудивительно, что многие скрывали свое немецкое происхождение, и целое поколение немцев выросло без знания и практики немецкого языка.

Последним пристанищем общины в Тбилиси, перед обретением собственного церковного здания, был полуразрушенный театральный зал в парке Арто, в котором собиралось до 200 человек

1929 wurde das Dekret über die Verstaatlichung der Kirchen und des kirchlichen Eigentums erlassen, welches faktisch einen Kurs der vollständigen Liquidierung aller religiösen Einrichtungen einleitete.

Im Jahr 1931 wurde die St. Petri- und Paulikirche in Tbilisi geschlossen (1946 wurde sie durch deutsche Kriegsgefangene abgetragen). Pastor Richard Mayer wurde verhaftet und im Februar 1933 erschossen. Er war der letzte lutherische Pastor in Georgien zur Sowjetzeit. In Katharinenfeld fanden bis 1929 regelmäßig Gottesdienste statt. Im Jahr 1928 fand die letzte Konfirmation von Mädchen und Jungen statt. Die lutherischen Traditionen gingen in den Kolonien allmählich verloren. Die Kirchen wurden zu Turnhallen umgebaut wie in Katharinenfeld und Helenendorf, oder zu Kinos, wie in Elisabethtal, oder zu Lagerhallen wie in Annenfeld und Marienfeld. An vielen Orten wurden sie einfach zerstört oder verfielen mit der Zeit.

Nach der Schließung der Kirchen und dem Verschwinden der Pastoren wurde das kirchliche Leben in den Gemeinden einige Zeit von Frauen weitergeführt, die die Gläubigen bei sich zu Hause versammelten (für Männer war es deutlich gefährlicher, dies zu tun). Der Terror Stalins und die großen Säuberungen von 1935-1937 führten jedoch zur allmählichen Einstellung aller Versuche, religiöse Versammlungen abzuhalten, denn dies war sehr riskant. So wuchs eine ganze Generation von Deutschen ohne Verbindung zu geistlichen Praktiken auf.

Der Angriff Nazideutschlands am 22. Juni 1941 war der Grund für die Zwangsumsiedlung der Deutschen: Aufgrund einer Anordnung des Staatlichen Verteidigungskomitees vom 28. August 1941 wurden sie aus dem Wolgagebiet umgesiedelt und auf eine Anordnung vom 8. Oktober 1941 aus dem Transkaukasus. Insgesamt wurden aus der georgischen SSR 23 580 Personen, aus der SSR Aserbaidschan 22 741 Personen und aus der Armenischen SSR 212 Personen deportiert. Schätzungsweise 300 000-400 000, also rund ein Drittel der 1,2 Millionen Deutschen,

die vor Kriegsbeginn in der UdSSR wohnten, kamen durch die Deportation ums Leben.

Für die Deportierten gab es zwei Verfahrensweisen: Arbeitsarmee und Spezialsiedlungen. In der Arbeitsarmee war geistliches Leben praktisch unmöglich, aber es gibt Berichte darüber, dass Gläubige es dennoch irgendwie schafften, sich zum Gebet zu versammeln. In den Spezialsiedlungen war die Lage etwas besser, und trotz der Kommandantur gelang es, Gebetskreise zu organisieren. So glühten die Funken des lutherischen Glaubens unter der Asche weiter, Bibeln und Gesangbücher wurden sorgfältig versteckt und aufbewahrt. Erst nach dem Tod Stalins im Jahr 1953 trauten sich die Lutheraner erstmals wieder, sich zu versammeln und ihren Glauben offen zu bekennen. Das waren kleine, pietistisch ausgerichtete Brüdergemeinden, von denen an den Verbannungsorten in Sibirien und Kasachstan viele entstanden. Hauptsächlich wurden die Gottesdienste und Bibelstunden von Menschen ohne geistlichen Rang abgehalten.

Im Dezember 1955 erschien eine Anordnung des Obersten Sowjets der UdSSR „über die Aufhebung der Einschränkungen in der Rechtslage der in Spezialsiedlungen befindlichen Deutschen und ihrer Familienmitglieder“. Daraufhin wurde die erniedrigende Kommandantur dort abgeschafft. Die Anordnung von 1948 über das Heimkehrverbot für aus der Ukraine, von der Schwarzmeerküste, aus dem Kaukasus und aus dem Wolgagebiet umgesiedelte Deutsche wurde jedoch nicht aufgehoben.

Erst Ende der 1950er Jahre konnte Pastor Bachmann in Zelinograd die erste lutherische Gemeinde registrieren lassen. Nach der Entstalinisierung im Jahr 1956 wurden einige Erleichterungen für die Rückkehr von Deutschen in bestimmte Gebiete eingeführt. Bis 1979 kehrten 2071 deportierte Deutsche nach Georgien zurück. Obwohl sie schon rehabilitiert waren, stand man ihnen recht skeptisch gegenüber, und es war durchaus nicht leicht für sie, sich neu anzumelden und eine Wohnung und Arbeit zu bekommen. Kein Wunder, dass viele ihre deutsche

Die letzte Unterkunft der Gemeinde in Tbilisi vor dem Erwerb des eigenen Kirchengebäudes war ein halb zerstörter Theatersaal im Arto-Park, in dem sich bis zu 200 Personen versammelten



Сбор урожая в колонии Еленендорф в 1920-е годы

Ernte in der Siedlung Elenendorf in den 1920-er Jahren



Возрождение Церкви после перестройки

Возрождение лютеранской Церкви в Грузии началось в эру перестройки, в 1991 году – ровно через 50 лет после депортации немцев. В августе 1991 года была основана Ассоциация немцев Грузии «Айнунг», в которую вошли почти 1500 лиц немецкого происхождения. Люди надеялись получить материальную помощь из Германии или содействие в оформлении документов на выезд, так как экономическое положение Грузии в то время было ужасающим. У многих еще были живы воспоминания о лютеранской Церкви, и возникло желание возродить общину. Уже в сентябре 1991 года собралась группа из 30 человек, и был приглашен адвентистский проповедник Иоганн Драйлинг. Часто приходилось переходить из одного помещения в другое. Хоралы переписывали от руки. Был избран церковный совет, секретарем которого стал бывший инженер-электрик Гарри Азиков. После отъезда Драйлингов в Германию в 1993 году он принял на себя служение проповедника. Впоследствии, пройдя заочный курс в Теологической семинарии в Новосаратовке, Гарри Азиков был ординирован в пасторы.

Осенью 1992 года профессор теологии Сарбрюкенского университета д-р Герт Хуммель, много лет посещавший Тбилисский государственный университет по линии партнерства и обмена студентами, узнал о существовании лютеранской общины в Тбилиси. Он стал приезжать два раза в год, проводить службы, совершать Таинства, в общей сложности, им было крещено 250 человек. Последним пристанищем общины в Тбилиси, перед обретением собственного церковного здания, был полуразрушенный театраль- ный зал в парке Арто, в котором, несмотря на ужасные условия, собиралось до 200 человек. Появились общины в Рустави, Болниси, Гардабани.

Радость и благодарность людей подвигли Герта и Христиану Хуммель после выхода на пенсию переселиться в Грузию и на свои средства и на пожертвования друзей построить в Тбилиси

церковь с прилегающим общинным центром и домом пастора. Участок земли был предоставлен правительством Грузии на месте бывшего немецкого кладбища, на котором располагались спортивная площадка и плавательный бассейн. 25 сентября 1995 года был заложен первый камень в строительство церкви Примирения, а 26 октября 1997 года она была освящена. Среди гостей присутствовал президент Грузии Эдуард Шеварднадзе.

В Рустави после многолетних скитаний по школам и частным квартирам был куплен участок земли с домом на снос, и была построена и освящена 28 ноября 1999 года церковь Мира. На Адвент 2002 года была освящена чудом сохранившаяся и отреставрированная лютеранская церковь св. Иоанна в Сухуми. В Болниси маленькая община собиралась сначала в доме Юлии Добровольской-Майер, пока не арендовала здание «Дома немецкой культуры». А позже в другом месте была построена церковь св. Павла. В Гардабани община собиралась сперва в доме семьи Ирмы Андريس, в настоящее время – в доме нынешнего председателя совета общины. Также в доме председателя совета общины собирается с 2003 года община в Боржоме.

3 июля 1999 года пастор Герт Хуммель провел первое учредительное заседание Синода Евангелическо-Лютеранской Церкви в Грузии (ЕЛЦГ), на котором он был избран епископом ЕЛЦГ. Его введение в должность епископа состоялось 28 ноября 1999 года. Так была возрождена из пепла и руин, подобно птице Феникс, наша лютеранская Церковь в Грузии, которая была основана на сохраненной вере наших предков, укреплена нашей верой и будет сохранена верой наших потомков.

Сегодняшний день: вызовы современности и надежды на будущее

В настоящее время регулярные лютеранские богослужения ЕЛЦГ проводятся в Тбилиси, Баку, Рустави, Гардабани, Болниси, Боржоме

Присутствие ЕЛЦГ в общественной жизни Грузии относительно слабо. Лютеранам сложно быть признанными как Церковь на фоне претендующей на исключительное положение Грузинской Православной Церкви



Постановка пьесы «Лютер в Грузии» (написанной епископом Хансом-Иоахимом Кидерленом) в церкви Примирения в Тбилиси в 2015 году

Das Theaterstück „Luther in Georgien“ (geschrieben vom Bischof Hans-Joachim Kiderlen) in der Versöhnungskirche in Tbilisi im Jahr 2015

Herkunft verheimlichten und eine ganze Generation von Deutschen ohne Kenntnisse und Praxis der deutschen Sprache aufwuchs.

Wiedergeburt der Kirche nach der Perestroika

Die Wiedergeburt der lutherischen Kirche in Georgien begann in der Zeit der Perestroika, und zwar 1991 – genau 50 Jahre nach der Deportation der Deutschen. Im August 1991 wurde die Assoziation der Deutschen Georgiens „Einung“ gegründet, zu der fast 1500 Personen deutscher Herkunft gehörten. Die Menschen hofften, materielle Hilfe aus Deutschland oder Unterstützung beim Ausfertigen der Ausreisedokumente zu erhalten, da die Wirtschaftslage Georgiens damals entsetzlich war. Viele hatten noch lebendige Erinnerungen an die lutherische Kirche, und es kam der Wunsch auf, die Gemeinde wiedererstehen zu lassen. Schon im September 1991 versammelte sich eine Gruppe von 30 Personen, und der Adventistenprediger Johann Dreiling wurde eingeladen. Häufig mussten die Räumlichkeiten gewechselt werden. Die Kirchenlieder wurden von Hand abgeschrieben. Ein Kirchenvorstand wurde gewählt, dessen Vorsitzender der Elektroingenieur Harri Asikow war. Nach der Ausreise der Dreilings nach Deutschland im Jahr 1993 übernahm er den Predigerdienst. In der Folge absolvierte Harri Asikow ein Fernstudium am Theologischen Seminar in Nowosaratowka und wurde zum Pastor ordiniert.

Im Herbst 1992 erfuhr der Theologieprofessor Dr. Gert Hummel aus der Universität Saarbrücken, der viele Jahre lang auf Partnerschafts- und Studentenaustauschbasis die staatliche Universität Tbilisi besucht hatte, von der Existenz einer lutherischen Gemeinde in Tbilisi. Er begann zweimal im Jahr dorthin zu fahren, Gottesdienste zu halten, die Sakramente zu vollziehen – insgesamt wurden 250 Personen von ihm getauft. Die letzte Unterkunft der Gemeinde in Tbilisi vor dem Erwerb des eigenen Kirchengebäudes war ein halb zerstörter Theatersaal im Arto-Park, in dem sich trotz der katastrophalen Bedingungen bis zu 200 Personen versammelten. Auch in Rustawi, Bolnisi und Gardabani entstanden Gemeinden.

Die Freude und Dankbarkeit der Menschen motivierten Gert und Christiane Hummel, nach ihrer Pensionierung nach Georgien umzuziehen und auf eigene Kosten sowie aus Spendengeldern von Freunden eine Kirche inklusive Gemeindezentrum und Pfarrhaus in Tbilisi zu bauen. Das Grundstück wurde von der Regierung Georgiens am Ort des ehemaligen deutschen Friedhofs zur Verfügung gestellt, auf dem sich ein Sportplatz und ein Schwimmbad befanden. Am 25. September 1995 wurde der Grundstein für den Bau der Versöhnungskirche gelegt, und am 26. Oktober 1997 wurde sie eingeweiht. Unter den Gästen war Georgiens Präsident Eduard Schewardnadse.

In Rustawi wurde, nachdem die Gemeinde jahrelang ständig ihre Unterkünfte in Schulen und

Privatwohnungen wechseln musste, ein Grundstück mit einem abzureißenden Haus erworben, die Friedenskirche gebaut und am 28. November 1999 eingeweiht. Zum Advent 2002 wurde die durch ein Wunder erhalten gebliebene und jetzt restaurierte lutherische St. Johanniskirche in Suchumi eingeweiht. In Bolnisi versammelte sich die kleine Gemeinde zunächst im Haus von Julia Dobrowolskaja-Mayer, bevor sie das Gebäude des „Hauses der deutschen Kultur“ mietete. Und später wurde an einer anderen Stelle die St. Paulikirche errichtet. In Gardabani versammelte sich die Gemeinde zuerst im Haus der Familie von Irma Andris, jetzt im Haus des heutigen Kirchenvorstandsvorsitzenden. Ebenfalls im Haus des Kirchenvorstandsvorsitzenden trifft sich seit 2003 die Gemeinde in Borshomi.

Am 3. Juli 1999 veranstaltete Pastor Gert Hummel die erste Gründungssitzung der Synode der Evangelisch-Lutherischen Kirche in Georgien (ELKG), bei der er zum Bischof der ELKG gewählt wurde. Seine Amtseinführung als Bischof fand am 28. November 1999 statt. So wurde unsere lutherische Kirche in Georgien wie ein Phönix aus Asche und Ruinen neu geboren, gegründet auf dem erhalten gebliebenen Glauben unserer Vorfahren, gestärkt von unserem Glauben, und sie wird durch den Glauben unserer Nachkommen erhalten bleiben.

Heute: Herausforderungen der Zeit und Hoffnungen für die Zukunft

Zurzeit werden in Tbilisi, Baku, Rustawi, Gardabani, Bolnisi, Borshomi und Suchumi regelmäßig lutherische Gottesdienste gehalten,



Die ELKG ist im gesellschaftlichen Leben von Georgiern relativ schwach vertreten. Es ist schwierig für die Lutheraner, vor dem Hintergrund der Georgisch-Orthodoxen Kirche, die Anspruch auf eine Sonderstellung erhebt, als Kirche anerkannt zu werden



Подрастающее поколение грузинских лютеран. Конец 1990-х годов

Die heranwachsende Generation der georgischen Lutheraner. Ende 1990-er Jahre

→ и Сухуми, реже в Асурети и в Ереване. Всего в ЕЛЦГ насчитывается 750 прихожан и работают три пастора-мужчины и три пастора-женщины. Число членов общины немецкого происхождения, составлявших ядро Церкви, уменьшается, и контингент людей, выражающих готовность взять на себя ответственность в Церкви и в своих общинах, пополняется за счет людей другого происхождения из более молодого поколения. Этот факт указывает на сложную фазу в переходе «немецкой церкви» к грузинской евангелическо-лютеранской Церкви, то есть ко всё большему отдалению от немецких корней, при условии сохранения своей двухсотлетней истории и своей идентичности.

Переходное время ставит перед ЕЛЦГ многие вызовы. Стремление увеличить финансовую ответственность прихожан в общинах, в Церкви и в Дiakонической службе привело пока лишь к начальным успехам. Медленно растущие поступления из церковных денег (членские взносы), из взносов на расходы организуемых Церковью летних лагерей и семинаров, а также поступления от оплаты услуг Дiakонической службы не являются пока еще убедительной основой для самофинансирования. Поэтому ЕЛЦГ по-прежнему зависит от поступления финансовых средств из Германии.

Церковь ищет свое место в грузинском обществе, однако, несмотря на все усилия, присутствие ЕЛЦГ в общественной жизни Грузии относительно слабо. Лютеранам сложно быть признанными как Церковь на фоне претендующей на исключительное положение Грузинской Православной Церкви. Теологические и церковно-исторические различия, наше «рациональное» богослужение, хоралы, изучение Библии, демократическая структура, социальная деятельность наталкиваются на непонимание и даже отторжение. Однако эти отличительные черты оказывают свое влияние на общество, а диаконическая работа и служение ближнему – особенно, в Грузии – выражают наши убеждения и являются сердцевинной нашей лютеранской веры.

Вызов для лютеранской Церкви сейчас и в будущем состоит в следующем: представить свой профиль «образованной», просвещенной веры и воспитать в членах Церкви общественно-социальную ответственность в обществе и для общества. ЕЛЦГ заслуживает достойного места в ряду христианских конфессий Грузии, которые должны с уважением относиться к многообразию содержания и формы вероисповедания. Реформация Мартина Лютера как фактор реформ и обновления Церкви, государства и общества остается актуальной и сегодня. ■

(По материалам юбилейного издания «200-летие Евангелическо-лютеранской церкви в Грузии и на Южном Кавказе», 2017)

seltener in Asureti und in Jerewan. Insgesamt zählt die ELKG 750 Kirchenbesucher, es sind drei Pastoren und drei Pastorinnen tätig. Die Zahl der Gemeindeglieder deutscher Herkunft, welche den Kern der Kirche ausmachen, sinkt, und das Kontingent von Personen, die die Bereitschaft ausdrücken, Verantwortung in der Kirche und in ihren Gemeinden zu übernehmen, wird durch Menschen anderer Herkunft aus der jüngeren Generation ergänzt. Diese Tatsache weist auf eine schwierige Phase im Übergang der „deutschen Kirche“ zu einer georgischen evangelisch-lutherischen Kirche hin, also zu einer immer weiteren Entfernung von den deutschen Wurzeln bei gleichzeitiger Erhaltung der zweihundertjährigen Geschichte und der eigenen Identität.

Diese Übergangszeit bringt für die ELKG viele Herausforderungen mit sich. Das Bestreben, die finanzielle Verantwortung der Kirchenbesucher in den Gemeinden, in der Kirche und im diakonischen Dienst zu erhöhen, hat bisher nur Ansätze von Erfolgen gebracht. Die langsam wachsenden Einkünfte aus Kirchengeld (Mitgliedsbeiträgen), Kostenbeiträgen für die Teilnahme an kirchlichen Sommerfreizeiten und Seminaren sowie aus der Bezahlung von Dienstleistungen des Diakonischen Dienstes sind bisher keine überzeugende Grundlage für eine Selbstfinanzierung. Deshalb ist die ELKG weiterhin von aus Deutschland kommenden Finanzmitteln abhängig.

Die Kirche sucht ihren Platz in der georgischen Gesellschaft, aber trotz aller Anstrengungen ist die ELKG im gesellschaftlichen Leben von Georgien relativ schwach vertreten. Es ist schwierig für die Lutheraner, vor dem Hintergrund der Georgisch-Orthodoxen Kirche, die Anspruch auf eine Sonderstellung erhebt, als Kirche anerkannt zu werden. Theologische und kirchengeschichtliche Unterschiede, unser „rationaler“ Gottesdienst, die Kirchenlieder, das Bibelstudium, die demokratische Struktur und die soziale Tätigkeit stoßen auf Unverständnis und sogar auf Ablehnung. Diese Eigenheiten haben jedoch Einfluss auf die Gesellschaft, und die diakonische Arbeit und der Dienst am Nächsten drücken – besonders in Georgien – unsere Überzeugungen aus und sind das Herzstück unseres lutherischen Glaubens.

Die Herausforderung für die lutherische Kirche jetzt und in Zukunft besteht in Folgendem: ihr Profil eines „gebildeten“, aufgeklärten Glaubens zu vertreten und die Mitglieder der Kirche zu einer gesellschaftlich-sozialen Verantwortung in und für die Gesellschaft zu erziehen. Die ELKG verdient einen würdigen Platz in der Reihe der christlichen Konfessionen Georgiens, welche die Vielfalt der Bekenntnisse in Form und Inhalt mit Achtung betrachten sollten. Martin Luthers Reformation als Faktor für Reformen und Erneuerungen von Kirche, Staat und Gesellschaft bleibt auch heute aktuell. ■

(Nach Materialien der Jubiläumsveröffentlichung „200 Jahre Evangelisch-Lutherische Kirche in Georgien und im südlichen Kaukasus“, 2017)

Учение Кальвина на берегах Волги

Об истории реформатских общин в Российской империи

Евангелическо-реформатские христиане, наряду с приверженцами евангелическо-лютеранского вероисповедания, относятся к традиционным протестантским конфессиям. Реформаты появились в России одновременно с лютеранами, первые упоминания о них – в Москве, Архангельске, Ярославле и Вологде – относятся к концу XVI века. Среди приглашенных в начале XVIII века Петром I иностранных специалистов было немало реформатов – голландцев, французов, немцев. Их число затем пополнили реформаты из немецких колонистов, прибывших в Россию в последней трети XVIII – начале XIX века. Новые реформатские общины возникли в Санкт-Петербурге, на Волге, на юге России. Организационно они не были объединены в Церковь, русское правительство воспринимало их как своеобразный придаток лютеранской Церкви. По изданному в 1832 году закону Российской империи о Евангелическо-Лютеранской Церкви в России дела реформатских общин рассматривались на особом заседании лютеранской консистории, куда по этому поводу специально приглашались реформатские пасторы.

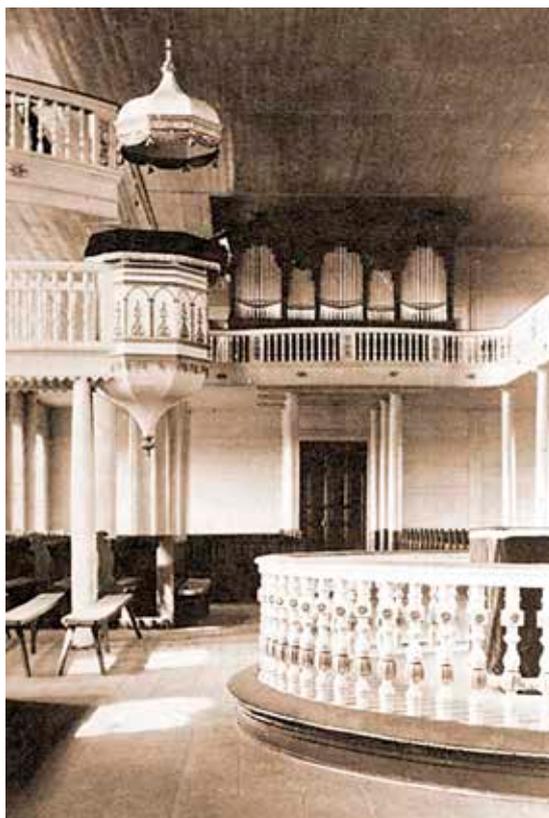
О вероисповедании реформатов

Реформатское вероисповедание, как и лютеранское, ведет свое начало из эпохи Реформации. Его зачинателем является цюрихский реформатор Ульрих Цвингли (1484-1531), современник Мартина Лютера (1483-1546). После ранней гибели Цвингли дальнейшее развитие реформатской Церкви связано с получившим впоследствии широкую известность женеvским реформатором Жаном Кальвином (1509-1564). По его имени реформатскую Церковь называют

еще кальвинистской. В принципиальных вопросах швейцарские реформаторы были едины с Лютером: 1. Священное Писание – главный авторитет для Церкви. 2. Первейшее значение Иисуса Христа – Спасителя, свою крестную смертью искупившего людские грехи. 3. Христианин оправдывается верою, а не совершенными под влиянием мотивов внешней религиозности «добрыми делами». 4. Законы, предписания и обычаи, «созданные Церкви людьми», то есть не опирающиеся на свидетельства Писания, не имеют значения.



Тамара Н. Таценко,
к.и.н., ст. науч.
сопр. Санкт-Петербургского
института истории РАН, г. Санкт-Петербург



Интерьер реформатской церкви в колонии Норка на Волге. 1912 год

Реформатские общины в России были двух типов. Во-первых, это общины в крупных городах. Ко второму типу относились общины немецких крестьян-колонистов на Волге и на юге Российской империи

→ К расколу между швейцарским лагерем реформации (Цвингли, Кальвин) и немецкими реформаторами вокруг Лютера привел богословский спор о Причастии, начавшийся еще между Лютером и Цвингли, а затем продолженный их последователями. Единые в том, что все христиане принимают Причастие под обоими видами – хлебом и вином – приверженцы Цвингли и Кальвина, с одной стороны, и сторонники Лютера, с другой стороны, расходились в вопросе о том, как, каким образом Христос присутствует в Причастии. Этот вопрос был очень важен и имел принципиальное значение, ибо речь шла о Таинстве, имеющем душеспасительный характер. Лютер страстно отстаивал убеждение о реальном, телесном присутствии Тела и Крови Христа в элементах Причастия – хлебе и вине.

Цвингли, а затем Кальвин говорили о духовном присутствии Христа в Таинстве, доступном для верующих причастников. Дискуссии о Причастии между протестантскими теологами обоих направлений длились в течение всего XVI века, порой принимая драматический характер, но противоречие осталось непреодоленным, и образовавшийся раскол привел к образованию двух конфессий: лютеранской и реформатской.

В общинах реформатской конфессии сложился своеобразный обряд проведения таинства Причастия. Его оформление точно соответствовало тому, как описывается Тайная Вечеря в Евангелии, которую совершил и завещал ученикам Сам Иисус Христос: литург и причастники собирались вокруг большого стола, для Причастия использовались не гости, но преломляемый хлеб, чашу с вином и хлеб каждый принимал в собственные руки. Вводные слова Причастия, восходящие к словам Христа, литург произносил за общим столом,

лицом к причастникам, а не спиной к ним, стоя у алтаря, как это практикуется в католической и лютеранской Церквях.

В стремлении отказаться от созданных людьми обычаев католической Церкви и строить церковную жизнь строго по нормам древних христианских общин реформаты стали следовать радикальному принципу: должно быть устранено всё, что не установлено описанием в Библии. Поэтому в реформатских церквях были убраны алтари, кресты, распятия, свечи, драгоценные чаши. Считалось, что они своей роскошью и внешним блеском только отвлекают прихожан от сосредоточения на Слове Божьем и молитве. Для Причастия использовались самые простые сосуды. В храме допускался лишь простой стол для Причастия, на котором лежала Библия. Священнослужители отказались от богатого облачения, в богослужении первое время не употребляли даже орган. Вместо пения слышались только совместно произносимые речитативом псалмы.

В отношении изображений реформаты руководствовались ветхозаветными заповедями Моисея против идолопоклонства (Втор. 4,15–18), которые стали основополагающими для устройства их богослужебных помещений. В соответствии с ними из церкви были вынесены все картины, иконы, скульптуры, а фрески на сводах и стенах забелены и закрашены. Так сложился тот облик реформатских храмов, каким мы знаем его и сегодня: светлое обширное помещение без росписей, картин, распятий и свечей, простой стол с лежащей на нем Библией и выделяющейся в строгом пространстве кафедрой для пастора, как бы делающей акцент на важности проповедования Слова Божья.

В реформатской общине от христианина ожидали активную деятельность по распространению Евангелия и жизнь в строгом соответствии с христианскими заповедями. Достижению «святости жизни» должны были способствовать различные служения в общинах: старост, проповедников, учителей, дьяконов. Были введены требования обязательного посещения богослужений и молитвенных собраний, помощи нуждающимся, нравственного совершенствования и специальной подготовки к Причастию. Для отлынивающих и склонных к пороку прихожан составили систему наказаний. Эти меры так называемого «церковного дисциплинирования (Kirchenzucht)» стали характерной приметой общин и церковью реформатского вероисповедания. Они способствовали формированию особого благочестия, деятельной поддержки слабых и личной ответственности у христиан-реформатов.

В середине – второй половине XVI века реформатское вероисповедание распространилось в Швейцарии (Цюрих, Берн, Базель, Женева), Нидерландах, Франции (гугеноты), Англии и Шотландии (пресвитериане), Польше, Венгрии. Носителям этого вероисповедания нередко

Михаэль Босс
«Пастор Штеркель
и богослужение
в Норке»



приходилось испытать путь мученичества, например, во Франции, где они были в меньшинстве, или на Британских островах в период католической реакции. Кострами их путь сопровождался и в Нидерландах, когда реформатам пришлось отстаивать свою веру в войне с испанскими захватчиками.

В Германии преобладающим вероисповеданием Реформации стало лютеранство, но и здесь в некоторых княжествах на западе страны с середины XVI века распространяются идеи кальвинизма. Первым принявшим реформатство было курфюршество Пфальцское (1563 год). Вскоре к нему присоединились небольшие графства в среднем и нижнем течении Рейна. В конце XVI – начале XVII века в реформатское вероисповедание переходят более крупные государства: княжество Ангальт (1597 год) и ландграфство Гессен-Кассель (1605 год). В 1613 году реформатство принимает курфюрст Бранденбургский. Примечательно, что все перешедшие в реформатскую конфессию немецкие княжества ранее были лютеранскими. Их князья и теологи, принявшие решение о смене вероисповедания, объясняли этот шаг необходимостью в соответствии с Библией улучшить и довести до конца преобразования в догматике и церковной организации, которые были начаты, но, как они считали, не исполнены в полной мере Лютером и его последователями. Главным вероисповедальным документом немецких реформатов стал Гейдельбергский катехизис, принятый в Пфальце в 1563 году.

Общины реформатов-колонистов

Реформатские общины в России были двух типов. Во-первых, это общины в крупных городах, таких как, например, Санкт-Петербург, Москва, Одесса, состоявшие, главным образом, из представителей интеллигенции (врачей, учителей, ученых, людей искусства), чиновников, предпринимателей, купцов. Ко второму типу относились общины немецких крестьян-колонистов на Волге и на юге Российской империи. В 1865 году число жителей в основанных в 1760-х годах немецких колониях на Волге достигало 170 тысяч. Большинство из них исповедовало лютеранство, число реформатов составляло примерно 40 тысяч. В основном, они жили в Саратовской губернии на правом холмистом берегу Волги в колониях Норка, Бальцер (Голый Карамыш), Мессер (Усть-Золиха). Это были крупные реформатские общины, каждая из которых включала в себя несколько филиальных приходов.

Вторым большим ареалом расселения немецких колонистов был юг Российской империи: в первые годы XIX века немецкие колонии во множестве возникли в Херсонской, Екатеринославской губерниях, Крыму и Бессарабии. К 1865 году общая численность колонистов в этих районах доходила до 130 тысяч. Реформаты среди



Здание реформатской церкви в г. Одессе было построено в 1896 году по проекту арх. Виктора Шретера и принадлежало местной евангелическо-реформатской общине. В самом здании церкви был приют для безработных гувернанток и бонн. Совместно с лютеранской общиной реформатская община построила и содержала в Одессе евангелическую городскую больницу на 150 коек – нынешнюю туберкулезную больницу. В советское время церковь была закрыта и перестроена в кукольный театр. Сегодня здание передано в собственность Евангельской пресвитерианской церкви

них составляли меньшинство: около 4 тысяч в колониях Нейдорф, Глюксталь, Кассель, Рорбах-Вормс севернее Одессы¹, к реформатам относились и франкоязычные швейцарцы из колонии Шабо в Приднестровье.

Колонисты-реформаты пришли в Россию, главным образом, из Пфальца, Гессена, Бадена, Эльзаса, а также из Швейцарии. Это порой угадывалось и в названиях колоний. Их общины в большинстве своем не имели собственных пасторов-реформатов, а, как правило, окормлялись пасторами-лютеранами, которые в богослужении и обычаях старались соблюдать правила реформатской конфессии. Однако когда в 1832 году в России был принят закон о Евангелическо-Лютеранской Церкви и был утвержден соответствующий чин богослужения, то его пытались в некоторых местах навязать и реформатам, не имевшим своей общероссийской церковной организации. В результате кое-где, например, в вышеназванных реформатских колониях к северу от Одессы возникли острые конфликты, приведшие к обособлению здесь ряда реформатских общин.

¹ Здесь и выше статистические данные приведены по исследованию: Dalton H. *Geschichte der Reformierten Kirche in Rußland: Kirchenhistorische Studie*. Gotha, 1865. S. 200, 219, 224, 233-234.

Реформаты относились к Причастию очень серьезно, оно происходило редко: четыре раза в год или два-три раза в год. К нему готовились загодя, накануне постились и совершали специальное богослужение с покаянием и молитвой



Мать пастора Дальтона сделала выговор сыну за то, что тот привел ее на показавшееся ей католическим лютеранское богослужение в церковь с пышным алтарем, распятием и горящими свечами, где священнослужитель молится у алтаря, повернувшись спиной к общине

Несмотря на все трудности, реформатам в немецких колониях удалось сохранить свою конфессиональную идентичность вплоть до разрушения церковной жизни в Советской России в начале 1930-х годов. Описание церковной жизни реформатов-колонистов середины XIX века, представленное в ранее цитировавшейся книге 1865 года Г. Дальтона, и свидетельства из воспоминаний Эдит Эмильевны Мютель², отец которой, будучи лютеранским пастором, служил в реформатских колониях на Волге в 1927-1934 годах, почти совпадают. Характерно, что Эдит Мютель, в ту пору девочке, привыкшей прежде к лютеранским обычаям, особенно бросались в глаза различия двух конфессий в церковной жизни.

Церкви реформатов-колонистов обычно были весьма велики, в Норке, по описанию Эдит Мютель, на богослужение собиралось до 2,5 тысяч человек. Светлое с большими окнами церковное помещение не имело алтаря, в передней части церкви стоял большой стол с ограждением вокруг него, стена позади стола часто была украшена резным орнаментом по дереву (см. фото). Любовь к подобному единственному в церкви украшению отмечал еще и Г. Дальтон в 1865 году. Все остальные стены и своды не имели никаких картин или росписей. В церкви не было ни крестов, ни распятий, ни свечей. На белой скатерти стола лежала только Библия. Во многих церквях имелся орган.

Молитвы или вводные слова к Таинству Причастия пастор всегда говорил, но никогда не пел, при этом он стоял лицом к прихожанам, тем более что алтарь всё равно отсутствовал. Во время Причастия колонисты-реформаты парами подходили к алтарю и получали от пастора преломляемый надвое хлеб, а затем чашу с вином, каждый в собственные руки. Вкушение причастных элементов сопровождалось словами: „Das gesegnete Brot ist die Gemeinschaft des Leibes Christi (Благословенный хлеб есть единство (единение) с Телом Христовым)“. „Der gesegnete Kelch ist die Gemeinschaft des Blutes Christi (Благословенная чаша есть единство (единение) с Кровью Христовой)“³. В этих характерных для реформатской литургии словах подчеркивается то, что присутствие Христа не привязано телесно к элементам Причастия, Спаситель присутствует в таинстве духовно, объединяя верующих причастников в незримое единство с Собой.

Реформаты относились к Причастию очень серьезно, оно происходило редко: четыре раза в год (Г. Дальтон) или два-три раза в год (Э. Мютель). К нему готовились загодя, накануне постились и совершали специальное богослужение с покаянием и молитвой. Э. Мютель отмечает особое благочестие реформатов: помимо богослужений у них несколько раз в неделю проводились молитвенные собрания, на которых также пели хоралы и толковали Библию. Перерыв делался только на время сельскохозяйственной страды. Большое внимание уделялось образованию детей,

2 Мютель Э. Я помню: Из Петрограда в Петербург через Поволжье и Сибирь – судьба дочери пастора. Санкт-Петербург, 2015.

3 Dalton H. *Geschichte der Reformierten Kirche in Rußland ...* S. 237.

Мало кто из посетителей легендарной «Пышечной на Желябова» (сегодня на ул. Большой Конюшенной) в Петербурге задумывается о том, что находится в бывшем здании реформатской церкви. Французская реформатская церковь была построена в 1839-1840 годах по проекту архитектора Г.А. Боссе для французо-немецкой общины. И перестроена в 1858 году в стиле неоренессанс по проекту арх. Ю.О. Дютеля после получения немецкой частью общины участка для собственного здания. С 1937 года в здании размещается Городской шахматный клуб. Позже там появилась и знаменитая «Пышечная»



все они должны были научиться читать. В каждой крупной колонии действовали по несколько начальных школ. Религиозные уроки дети проходили по Гейдельбергскому катехизису.

Городские реформатские общины

Совсем другой образ жизни был в городских реформатских общинах. Они состояли по большей части из людей интеллигентных профессий разных национальностей, имели космополитический характер и по своему духу и деятельности были не замкнуты, как колонисты, но открыты окружающему миру. Особенно многочисленны были реформаты в Санкт-Петербурге, здесь как нигде в другом городе России существовали целых три общины с собственными церквями: голландская (109 прихожан), французская (800 прихожан) и немецкая (4000 прихожан).⁴ Средства позволяли им приглашать дипломированных реформатских пасторов с родины. Желающих служить в столице Российской империи было достаточно, и у общин всегда был выбор.

Так в пасторы немецкой реформатской общины в Санкт-Петербурге в 1858 году был избран Герман Дальтон из Оффенбаха близ Франкфурта, который затем прослужил в городе на Неве 30 лет. Будучи необычайно активным и деятельным человеком, Дальтон оставил глубокий след не только в жизни реформатских, но и лютеранских общин города. Его книги по истории реформатов в России, а также интереснейшие воспоминания о жизни в Петербурге до сих пор являются важнейшим источником для исследователей.

При Дальтоне было построено большое здание немецкой реформатской церкви на Мойке (1862-1865). И хотя внешне церковь в романском стиле с высокой башней и шпилем ничем не отличалась от других церквей западных вероисповеданий, ее «лишенное всяких украшений, картин и образов, высокое, голое и светлое зало»⁵ в полной мере служило выражением конфессиональной идентичности реформатов.

Живя в условиях диаспоры и потому постоянно подчеркивая, что лютеранские и реформатские общины – «братья из общего дома Реформации», пастор Дальтон, тем не менее, был зорким хранителем вероисповедального своеобразия реформатов. Поэтому он с большим пониманием описывает шок своей матери от посещения воскресной службы в лютеранской церкви Св. Петра на Невском проспекте. Она сделала выговор сыну за то, что тот привел ее на показавшееся ей католическим богослужение в церковь с пышным алтарем, распятием и горящими свечами, где

священнослужитель молится у алтаря, повернувшись спиной к общине, как будто Христос находится не в центре молящихся прихожан, но как бы «прикреплен к распятию».⁶

Воспитанию в духе реформатских религиозных традиций служило и основанное в 1817 году в Петербурге Училище при реформатских церквях, постановкой образования оно обязано тогдашнему пастору реформатской общины и знаменитому педагогу Иоганну Муральту (1780-1850). Со временем учебное заведение стало знаменитой гимназией, открытой для детей состоятельных родителей различных религий.

В соответствии с присущим в особой мере реформатам стремлением выражать свою веру в активной деятельности на пользу ближнему пастор Дальтон стал инициатором и руководителем многих совместных душепопечительских и благотворительных проектов лютеранских и реформатских общин Санкт-Петербурга. В сборе средств на эти цели он не знал себе равных.

Об этом повествуют воспоминания современника о проповедях Дальтона, которые «были всегда прекрасно построены и вообще могли служить образцами богословской учености, причем они были начинены остроумными, меткими сравнениями и уместными цитатами из различных областей. Дальтон несомненно хорошо знал человеческую душу и, в частности, специфическую душу своих прихожан – почти исключительно людей очень зажиточных, а то и богатейших <...>. К их кошельку он часто и обращался с особой настойчивостью, стараясь возбудить в них жалость ко всем тем, о ком уже заботились разные зависевшие от церкви богоугодные учреждения».⁷

И безуспешно – пожертвования, собиравшиеся в одной немецкой реформатской общине на какой-либо очередной проект, по воспоминаниям современников, порой были сопоставимы с суммой, собранной во всех 13 лютеранских общинах Санкт-Петербурга вместе взятых!

К таким общим проектам относился, например, Евангелический госпиталь (1859 год), Евангелическая городская миссия – учреждение по религиозно-нравственному попечению лиц протестантских вероисповеданий (1875 год), Евангелический приют для стариков (кон. 1870-х годов), Евангелический дом отдыха для детей в Парголово (1881 год) и др.

К сожалению, преемник Германа Дальтона, пастор Эрнст Гельдерблом оказался последним священнослужителем в немецкой реформатской общине Санкт-Петербурга (1889-1918). После революции 1917 года община рассеялась, а церковь была окончательно закрыта в 1930 году и затем перестроена. Сегодня в России нет общин – продолжателей немецкой реформатской традиции. ■

4 В скобках приведены данные по численности каждой общины на 1912 г. по изданию: *Amburger E. Geschichte des Protestantismus in Russland. Stuttgart, 1961. S. 128.*

5 *Бенуа А. Мои воспоминания. Кн. I-III. Москва, 1990, с. 549.*

6 *Dalton H. Lebenserinnerungen. Bd. II. Berlin, 1907. S. 125-126.*

7 *Бенуа А. Мои воспоминания. Кн. I-III. Москва, 1990, с. 550.*

Пожертвования, собиравшиеся в одной немецкой реформатской общине на какой-либо очередной проект порой были сопоставимы с суммой, собранной во всех 13 лютеранских общинах Санкт-Петербурга вместе взятых

Филипп Меланхтон – оружейник Реформации



Павел Крылов, пастор, настоятель
Сквирицкого прихода Церкви Ингрии,
к.и.н., мл. науч. сотр. Санкт-Петербургского
института истории РАН, г. Санкт-Петербург

В эпоху средневековья считалось правильным и похвальным, когда дети наследуют и продолжают дело своих родителей. Можно вспомнить знаменитую поэму XIII века «Крестьянин Гельмбрехт» Вернера Садовника, в которой отец убеждает своего неразумного сына, что родившемуся крестьянином лучше всего крестьянствовать. Неповиновение установленному порядку и невниманию к отцовскому наставлению приводит сына в итоге на виселицу.

Отцом будущего церковного реформатора был Георг Шварцэрдт, мастер-оружейник на службе у рейнского пфальцграфа Филиппа I (1476-1508). Про его родившегося в 1497 году сына Филиппа, который еще в 1509 году во время учебы в латинской школе в Пфорцхайме перевел свое родовое имя на греческий и стал «Меланхтоном», нельзя в полной мере сказать, что он был подобен персонажу нравоучительной поэмы. Его роль в Реформации, его место рядом с Мартином Лютером, с которым он познакомился в 1518 году, сродни

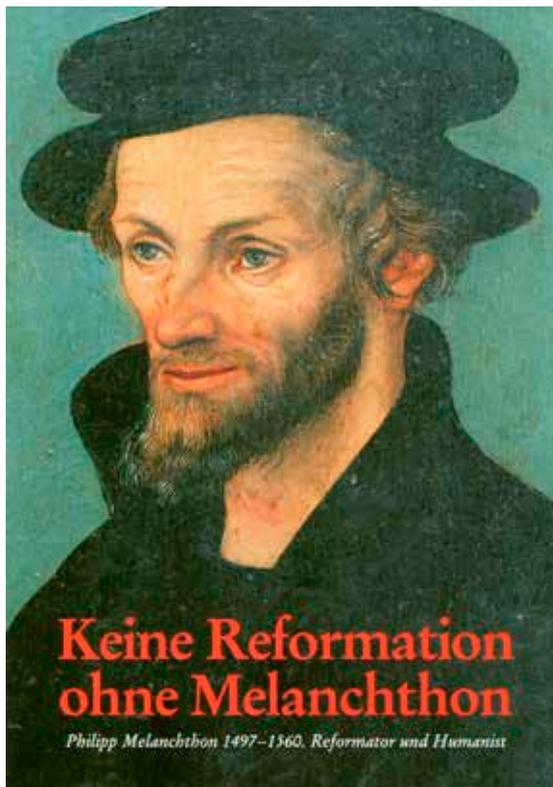
роли оружейника при рыцарском дворе. Только оружием его была риторика, грамотная письменная речь, диалектика – то есть искусство ведения дискуссии, в которой участники, подобно умелым фехтовальщикам, разили друг друга отточенными тезисами и контртезисами, вовремя вынимая нужные цитаты из Священного Писания, греческих философов и канонов церковных соборов. Всем вышеперечисленным Меланхтон овладел в степени, которую можно считать близкой к совершенству, в университетах Гейдельберга и Тюбингена, где учился в 1510-е годы.

Филипп Меланхтон был племянником прославленного немецкого ученого Иоганна Рейхлина. Дядя стал знаменит тем, что одним из первых в латинской Европе одолел древнееврейский язык и смог читать Пятикнижие на том языке, на котором оно было обетовано Моисею. Племянник пошел по дядиным стопам и после окончания учебы по протекции своего знаменитого родственника (что делать, семейственность в среде интеллигенции существовала уже тогда) в 1518 году в возрасте 21 года получил место преподавателя греческого языка в университете Виттенберга, где властителем умов уже успел стать Мартин Лютер.

Знания и умение их показать аудитории во время богословского диспута считались сродни оружию рыцаря во время турнира, и немало было таких, кто использовал их исключительно для того, чтобы почувствовать вкус победы, а также получить популярность среди потенциальных учеников. Это было не только почетно, но и выгодно, потому что в те времена чаще всего ученики платили мэтру из своего кармана. Но Меланхтон был не таким, по крайней мере, не совсем таким. У него были иные, более высокие цели. В защите нуждалось понимание Библии, вновь открытое Лютером.

Меланхтон был совершенно захвачен проповедью своего неистового коллеги, другом которого он вскоре стал. На него пала трудная для любого другого задача привести идеи освобождения христианской Церкви в некую простую и доступную для понимания всех форму. Но этот скромный и методичный профессор был, как будто, специально создан для такой работы.

В 1530 году он составляет для рейхстага в Аугсбурге *Confessio Augustana* – Аугсбургское вероисповедание, чтобы представить ее в наиболее логичной и доступной форме для императора Карла V, имперских чинов и делегатов. В качестве дополнения прилагалась «Апология» – отдельный трактат, истолковывающий не только правомерность, но и спасительность тех выводов, которые делал из чтения Евангелия Мартин Лютер.



«Без Меланхтона нет Реформации. Филипп Меланхтон 1497-1650. Реформатор и гуманист». Открытка, выпущенная немецким издательством fromann-holzboog (Штутгарт-Бад Канштат), приглашает узнать о 230 новых публикациях о Реформации



Лукас Кранах Младший «Мартин Лютер и Филипп Меланхтон». 1540 год

В течение своей жизни Меланхтон пришел к пониманию, что даже добрые устремления могут быть превращены человеком в повод для соперничества, а это приводит к вражде и распрям, в которых не рождается истина, но пробуждаются гнев и греховная ненависть. Еще чаще, впрочем, поводом для соперничества становятся какие-то частности, не имеющие никакого значения в деле спасения души. Понимание привело Филиппа Меланхтона к мысли об адиафоре, принцип которой был сформулирован в 1547 году. **Разница в церковном обиходе, в некоторых несущественных с библейской точки зрения взглядах не может и не должна омрачать единство в главном – в понимании того, что спасение дается только по вере, только милостью Божьей, только Писанием, которое эту милость возвещает, только во Христе.**

Любовь и стремление к миру и согласию – лучшее оружие духовной брани, которое этот оружейник Реформации выковал в своих сочинениях, служащих ему памятником, а нам – руководством и примером в том, как нам искать единения со Христом и с нашими ближними.

После смерти Лютера в 1547 году, оставшись без духовной поддержки друга и видя успехи католиков в религиозных войнах, Меланхтон начинает склоняться к идее компромисса с Римом. Он становится синергистом, осторожно допуская соучастие свободной воли человека в деле спасения. Возможно, здесь на него мог повлиять Эразм Роттердамский, последовательный оппонент Лютера по вопросу о свободе воли и ярчайший представитель Северного Возрождения. Попытка компромисса провалилась: правоверные лютеране незамедлительно осудили Меланхтона, а католикам предложенная уступка показалась слишком малой.

Но авторитет ученого был настолько велик, что он, несмотря ни на что, оставался до самой своей смерти в 1560 году одним из самых известных богословов Европы. В этом качестве, он, как и в любом другом, отличался скромной самооценкой и почтением к той божественной дисциплине, в которой он работал.

«Лучше нам восхищаться тайнами Божества, – писал Меланхтон, – чем исследовать их. Более того, нельзя исследовать этот предмет, не подвергаясь большой опасности, как это и испытывали на себе даже святые люди... Стало быть, нет такой причины, по которой мы должны так тщательно трудиться над каждой из возвышенных тем, таких, как "Бог", "единство и триединство Бога", "тайна творения" и "способ воплощения". Чего, спрашиваю я вас, достигли схоласты за много веков изучения этих тем?... Однако, я не думаю, что могу назвать христианином человека, который пребывает в невежестве относительно главных фактов, а именно: "силы греха", "закона" и "благодати". Ибо через эти вещи познается Христос, а знать Христа – значит знать его благоденствия, а не рассуждать о его природе и способах воплощения... Ибо иначе вы не узнаете, для чего Христос облекся во плоть и был пригвожден ко кресту. Какую пользу приносит простое знание истории о Нем?... Христос был дан нам как лекарство, и если воспользоваться языком Писания, как лекарство спасающее».

Филипп Меланхтон – ученый, преподаватель, богослов остается до сегодняшнего дня одним из самых уважаемых лютеранских церковных учителей. Почти всю свою жизнь он оставался в тени Лютера, но такое положение его нисколько не тяготило. В его лице дело реформы обрело один из самых блестящих умов. От благодарных современников Меланхтон получил почетное прозвище «Учитель Германии». ■

Любовь и стремление к миру и согласию – лучшее оружие духовной брани, которое этот оружейник Реформации выковал в своих сочинениях, служащих ему памятником

Библия из спичечного коробка

Одним из важных дел Реформации является перевод Библии на родной язык. Ко Дню Реформации, который празднуется 31 октября, а в этом году будет особенным – 500-летним юбилеем, мы предлагаем вам сделать сувенир: миниатюрную «Библию» из спичечного коробка!

Для этого вам понадобятся: пустой спичечный коробок, ножницы и клей, лист тонкого цветного картона (или бумаги) 10,5 x 6 см, белая бумага, карандаши.

Обернуть коробок цветным картоном 10,5 x 6 см и приклеить его к крышке короба. Вырезать по трафарету крест, при желании раскрасить и наклеить посередине на «обложку Библии».

Вырезать «свиток», свернуть его и вложить в коробок. Вместо предложенного библейского отрывка на «свитке» можно также использовать любой другой, или, например, какую-нибудь цитату Мартина Лютера.



**Слово Твое – светильник ноге моей
и свет стезе моей.
(Пс. 118,105)**



Библейский пирог на День урожая

Осень – время собирать плоды. Не только собирать, но и вкушать их, а также праздновать сбор урожая! В этом номере мы расскажем, как испечь ко Дню урожая настоящий библейский пирог.

Для этого, прежде всего, вам понадобится Библия. И сначала в разных историях из Ветхого и Нового Завета мы найдем все ингредиенты для нашего пирога. Также помимо стакана и столовой ложки для измерения объема, миксера, большой миски и формы для выпечки диаметром 28 см вам понадобятся:

Третья книга Царств (4,21-22) и из нее **5,5 стакана муки**. «Соломон владел всеми царствами от реки Евфрата до земли Филистимской и до пределов Египта. Они приносили дары и служили Соломону во все дни жизни его. Продовольствие Соломона на каждый день составляли: тридцать коров муки пшеничной и шестьдесят коров прочей муки».

Книга Пророка Исаии (7,22) и из нее **1,5 стакана растительного масла или сливочного масла**. Корова и две козы, которые будут у каждого, будут давать столько молока, что вся семья сможет есть масло...

Книга Пророка Иеремии (17,11) и из нее **6 яиц**. Кто приобретает богатство неправдою, тот подобен куропатке, которая садится на яйца. Которых не несла.

Книга Пророка Иеремии (24,2) и из нее **2 стакана инжира**. «Одна корзина была со смоквами весьма хорошими, каковы бывают смоквы ранние, а другая корзина – со смоквами весьма худыми, которых по негодности их нельзя есть».

Исход (3,8) и отсюда **1,5 стакана меда**. Моисей обещал вывести израильтян из Египта в страну, где течет молоко и мед.

Книга Притчей (30,33) и из нее **4 стакана молока**. Каждое действие имеет следствие: «как сбивание молока производит масло, ... так и возбуждение гнева производит ссору».

Первая книга Царств (30,12) и из нее **2 стакана изюма**. Люди Давида нашли египтянина, на которого напали разбойники и он три дня подряд



ничего не ел и не пил. Они дали ему хлеба, воды, часть связки смокв и две связки изюма.

Числа (17,8) и отсюда **1 ст. ложка миндаля**. Моисей собирает по поручению Бога двенадцать жезлов от начальников колен Израилевых. «На другой день вошел Моисей в скинию откровения, и вот, жезл Ааронов, от дома Левиина, расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали».

Левит (2,13) и из нее **щепотка соли**. «Всякое приношение твое хлебное соли солью».

Откровение (18,13) и отсюда **3 ст. ложки корицы**. Жители Вавилона были наказаны за свое безбожие. И их товары, среди которых были корица и другие пряности, больше никто не покупал.

Пакетик пекарского порошка в Библии не упоминается, но вам он всё-таки понадобится тоже.

А теперь за дело! Разогреваете духовку до 200 °С. Смешиваете сначала все твердые ингредиенты. Затем добавляете все остальные – молоко, яйца, масло и мед. Размешиваете массу и получаете густое тесто. Форму для выпечки смазываете жиром, посыпаете мукой и наполняете тестом. Пирог выпекаете в течение 75-80 минут. С помощью тонкой деревянной палочки вы можете проверить, готов ли он: проткните пирог, если тесто приклеивается к палочке, пирог еще не готов. Готовый пирог можно украсить, например, посыпав сахарной пудрой.

Приятного аппетита!

<http://www.kidsworld.de>

«Праздник религиозной радости и братского согласия»

Юбилей Реформации в церкви св. Петра в Петербурге в 1817 и 1917 годах



Анна Лисицына, участница хора общины св. Анны и св. Петра, г. Санкт-Петербург

Anna Lisizyna, Chorsängerin der St. Annen- und Petrigemeinde, St. Petersburg

«Трогательное зрелище представляли лютеране, у подножия алтаря прижимавшие реформатского проповедника к груди»

Накануне 500-летия Реформации стоит вспомнить, как юбилейные даты отмечались в прошлом. Дореволюционные источники и архивные документы позволили узнать, какие торжества проходили в главном лютеранском храме российской столицы – церкви св. Петра, сегодняшнем кафедральном соборе свв. Петра и Павла – в октябре 1817 и 1917 года.

Празднование 300-летия Реформации (1817 год)

В связи с 300-летием Реформации были сделаны соответствующие распоряжения Александра I. Первоначально монарх хотел, чтобы все протестантские общины столицы праздновали этот день сообща. Однако стало ясно, что самая крупная церковь, Петрикирхе, с трудом вмещает даже собственную общину, и от совместного празднования отказались.

4 сентября 1817 года вышел царский указ, разрешавший провести торжества во всех лютеранских приходах России. Юбилей предписывалось отметить без лишних наружных церемоний, внутри храмов и так, чтобы в проповедях не затрагивалось спорных суждений о преимуществах одной христианской Церкви перед другой и не допускалось «неприличных выражений» в отношении других вероисповеданий.

Что касается Петрикирхе, то в преддверии празднования в храме был проведен ремонт интерьера и починка органа. Речь, разумеется, не о нынешней церкви: тогда еще на ее месте стояло барочное здание, к началу XIX века уже порядком обветшавшее. Помимо ремонтных работ, к юбилею было приурочено основание сиротского дома, для которого выбрали место на Малой Конюшенной улице, на границе с участком шведской церкви.

В отношении собственно празднований церковный совет выработал программу мероприятий, текст которой составил церковный старшина Ф. Аделунг.

Юбилей отмечали в течение трех дней – с 19 (31) по 21 октября (2 ноября). Сделанная пасторами подборка хоралов была издана в виде отдельной брошюры. За неделю до праздника тексты можно было получить за добровольное пожертвование в конвент-зале, а в дни праздничных богослужений их раздавали в церкви. Полученные средства шли в фонд создаваемого сиротского дома. Кроме того, на протяжении всех трех дней у входа в церковь осуществлялся сбор пожертвований в пользу нового богоугодного заведения.

К началу богослужения в День Реформации



Брошюра с текстами хоралов на юбилей Реформации в 1817 году

Broschüre mit den Liedtexten zur Jubiläumsfeier der Reformation 1817

„Fest der religiösen Freude und der brüderlichen Eintracht“

Das Reformationsjubiläum in der Petrikerche zu St. Petersburg 1817 und 1917

Aute, wenn die 500-Jahrfeier der Reformation vor der Tür steht, ist es gut, sich daran zu erinnern, wie die Jubiläumsdaten in der Vergangenheit begangen wurden. Mit Hilfe von vorrevolutionären Quellen und Dokumenten aus den Archiven konnten wir erfahren, was für Feierlichkeiten in der lutherischen Hauptkirche der russischen Hauptstadt, der St. Petrikerche und heutigen St. Petri- und Paulikathedrale, im Oktober 1817 und 1917 stattfanden.

Feier des 300-jährigen Reformationsfestes (1817)

Im Zusammenhang mit der Feier des 300-jährigen Gedenktages der Reformation wurden die entsprechenden Anordnungen des Kaisers Alexander I. getroffen. Der Monarch hatte den Wunsch geäußert, alle evangelischen Gemeinden der Hauptstadt den ersten Tag des Jubelfestes gemeinschaftlich feiern zu lassen, aber da selbst die Petrikerche als größte kaum die eigene Gemeinde fasste, sah die Oberbehörde von einer gemeinsamen Feier ab.

Am 4. September 1817 erfolgte ein Kaiserlicher Befehl, der die Erlaubnis der Feier in allen lutherischen Gemeinden Russlands beinhaltete. Die Feier sollte auf eine angemessene Weise mit Anstand und Würde begangen werden, nämlich „dass die besagte Feier in den Kirchen veranstaltet werde und die Prediger in ihren Predigten alle Berührung streitiger Behauptungen über den Vorzug einer christlichen Kirche vor den anderen, sowie alle anstößigen Ausdrücke in Beziehung auf andere Glaubensgenossen vermeiden mögen“.

Um die Petrikerche würdig auf das 300-jährige Jubelfest vorzubereiten, fand eine Innenrenovierung der Kirche und eine Reparatur der Orgel statt. Es ging dabei natürlich nicht um die jetzige Kirche – damals stand an ihrer Stelle noch ein Barockgebäude, welches Anfang des 19. Jahrhunderts schon etwas baufällig war. Neben den Reparaturarbeiten wurde die Gründung eines Waisenhauses mit dem Jubiläum verbunden. Als den passendsten Platz für dessen Einrichtung hatte man einen leeren Raum an der Kleinen Stallhofstraße, an der Grenze des Grundstücks der schwedischen Kirche, ausgewählt.

Der Kirchenrat entwarf das Programm für die

Feier, welches von Kirchenältesten F. von Adelong zusammengestellt wurde.

Die Jubiläumsfeier dauerte drei Tage – vom 19. (31.) bis zum 21. Oktober (2. November). Für die an diesen Tagen zu haltenden besondere Gottesdienste wurde von den Predigern eine Auswahl von Liedern angegeben und auf Kosten des Kirchenrats abgedruckt. Diese Lieder waren acht Tage lang vor dem Fest in dem Konvents-Zimmer gegen eine freiwillige Vergütung erhältlich und wurden an den Tagen der Feier in der Kirche verteilt. Der Spendenbetrag wurde in den Fonds einer neugegründeten Wohlfahrtseinrichtung eingezahlt. An allen drei Tagen der Feier wurden an den Kirchentüren Sammlungen zugunsten des zu stiftenden Waisenhauses abgehalten.

Am eigentlichen Jahrestag der Jubiläumsfeier am 19./31. Oktober war die Kirche „so feierlich wie möglich“ geschmückt. Die Feier begann mit einem von Trompeten und Pauken begleiteten Lied. Pastor Hieronimus Heinrich Hamelmann hielt eine kurze Rede, dann sang die Gemeinde das lutherische Lied „Ein feste Burg ist unser Gott“. Die Jubiläumspredigt hielt Pastor Johann Friedrich August Volborth. Nach Abschluss des Gottesdienstes zogen der Kirchenvorstand, die Prediger und die Schüler und Lehrer in einer Prozession aus der Kirche zu der Stelle, an der der Grundstein des neuen Waisenhauses gelegt werden sollte. Dem vom Schülerchor gesungenen Lied „Nun danket alle Gott“ und einem Gebet des Pastors Hamelmann folgte die Grundsteinlegung, worauf ein

„Es war ein so rührendes Bild, da die Lutheraner am Fuße des Altares den reformierten Prediger an die Brust drückten“

Церковь св. Петра со стороны Невского проспекта (ок. 1900 года)

Blick auf die Petrikerche vom Newski Prospekt (um 1900)



Праздник пришелся на небольшой промежуток времени между Февральской и Октябрьской революциями. Ни до, ни после такое торжество состояться бы не смогло

19 (31) октября церковь была украшена «максимально возможным образом». Праздник открыли песнопения в сопровождении тромбонов и литавр. Пастор Иероним Генрих Гамельман произнес короткую речь, затем община исполнила знаменитый хорал Лютера “Ein feste Burg ist unser Gott”. Проповедь прочитал пастор Иоганн Фридрих Аугуст Фольборт. После богослужения процессия из членов церковного совета, пасторов, учителей и учеников Петришуле направилась на место закладки первого камня сиротского дома. Ученический хор спел хорал “Nun danket alle Gott”, пастор Гамельман произнес молитву, после чего состоялась торжественная закладка, вслед за которой пастор Фольборт прочел благодарственную молитву, а хор исполнил “Lobe den Herrn, meine Seele”. На церемонии присутствовало бесчисленное множество зрителей.

На второй день празднований, в субботу, 20 октября (1 ноября), было намечено совместное богослужение с участием проповедников всех протестантских общин города. Для его проведения была, по общему решению, выбрана Петрикирхе – как самая крупная протестантская церковь Петербурга, к тому же расположенная в самом центре.

Перед началом богослужения консисториальный советник Буссе, проповедник церкви св. Екатерины на Васильевском острове, прочитал молитву. Реформатский пастор Иоганн Муральт произнес проповедь, разъяснив благодетельные последствия Реформации, и обращение к соотечественникам. В знак братской любви и единства проповедники вместе причастились. В конце богослужения пастор Муральт удостоился изъявлений благодарности: «Трогательное зрелище представляли лютеране, у подножия алтаря прижимавшие реформатского проповедника к груди».

Наконец, в воскресенье 21 октября было проведено богослужение в обычном формате, но с акцентом на юбилей. Хоралы также выбирались из вышеупомянутой брошюры и исполнялись в сопровождении тромбонов и литавр. Молитву и речь прочел пастор Фольборт. После проповеди пастора Гамельмана была совершена литургия Причастия. Так завершился «праздник религиозной радости и братского согласия».



Праздничная листовка к 400-летию Реформации для евангелическо-лютеранских общин в Российской империи

Festschrift zum 400-jährigen Reformationsfest für die evangelisch-lutherischen Gemeinden im Russischen Reich

Празднование 400-летия Реформации (1917 год)

Если в 1817 году подготовке и самому празднованию юбилея Реформации уделялось много времени и внимания, то сто лет спустя ситуация кардинально изменилась. В условиях военного времени и гонений на всё немецкое возникали сомнения: следует ли вообще отмечать 400-летие Реформации? Однако после Февральской революции в положении немцев наметились улучшения, и в июне 1917 года конференция Евангелическо-Лютеранской Церкви ответила на указанный вопрос: «Непременно!».

Петрикирхе в эти времена приходилось преодолевать много трудностей. Церковный совет был озабочен обстановкой в стране и критическим финансовым положением общины, но нашел возможность выделить средства на праздник – приглашение вокального и духового квартетов, издание текстов хоралов и украшение алтаря цветами (впрочем, торговец затем согласился предоставить их бесплатно).

Торжества ограничились одним днем – 18 (31) октября. На утреннем богослужении с приветствием выступил пастор Теодор Фридрих Виллигероде, речи произнесли пасторы Карл Вальтер и Вильгельм Ойген Леонхард Кентман. Проповедь Карла Вальтера начиналась так: «На очень трудное время пришелся 400-летний юбилей Реформации. Не торжественный тон и не сияние торжества присуще нам в эти дни. Тихо и серьезно мы, дети Реформации, идем своим путем, склонив голову под тяжелой ношей. <...> Так хочет Бог: под натиском бурь нашего времени Церковь Реформации должна с Божьей помощью не разрушиться, но выстоять».

В Петришуле прошли торжества для молодежи, а вечером в Петрикирхе состоялся праздник с участием всех евангелических общин Петербурга. Задолго до начала богослужения церковь была полна. Один за другим выступили пасторы Альберт Мазинг из церкви св. Марии, пастор Фришфельд из церкви св. Михаила, пастор Галлер из церкви св. Анны и Виллигероде. Генерал-суперинтендент Артур Мальмгрен завершил торжество молитвой и благословением.

Несмотря на все социальные потрясения, российским лютеранам удалось достойно отметить свой праздник. Бог устроил так, что он пришелся на небольшой промежуток времени между Февральской и Октябрьской революциями. Ни до, ни после такое торжество состояться бы не смогло: с начала Первой мировой войны в 1914 году до Февральской революции запрещалось использование немецкого языка, подвергались гонениям пасторы, притеснялись прихожане... А сразу после 400-летия Реформации произошла Октябрьская революция, и лишь небольшой отрезок времени между двумя Революциями предоставил возможность отпраздновать юбилей Реформации.

В 2017 году Реформация отмечает уже 500-летие, и нельзя не радоваться, что традиции лютеранства в России возродились и укрепляются. ■

Dankgebet des Pastors Volborth und das vom Chor gesungene „Lobe den Herrn, meine Seele“ die Feier beschlossen. Die Zeremonie fand in Gegenwart einer unzählbaren Menge von Zuschauern statt.

Am zweiten Tag der Reformationsfeier, Sonnabend den 20. Oktober, wurde nach dem gemeinsam gefassten Beschluss ein gemeinschaftlicher Gottesdienst mit allen evangelischen Predigern der Stadt veranstaltet. Der Gottesdienst wurde in der St. Petri-Kirche als der größten hiesigen Kirche gehalten, die außerdem zentral gelegen ist.

Konsistorialrat Busse (Prediger der Katharinenkirche auf der Wassili-Insel) sprach das Gebet, mit dem der Gottesdienst begann. Pastor Johann von Muralt von der deutsch-reformierten Kirche hielt die Festpredigt, in welcher er darüber sprach, was wir dem Reformationswerk zu verdanken haben, und eine Ansprache an seine Amtsbrüder. Zur feierlichen Besiegelung ihrer brüderlichen Liebe und Einigkeit feierten die Prediger gemeinschaftlich das heilige Abendmahl. Nach Abschluss des Gottesdienstes wurde ein Dank an Pastor Muralt ausgesprochen: „Es war ein so rührendes Bild, da die Lutheraner am Fuße des Altares den reformierten Prediger an die Brust drückten“.

Schließlich, am dritten Tag, Sonntag, dem 21. Oktober, wurde ein regulärer Gottesdienst mit Berücksichtigung der Feier in der Kirche gehalten. Auch die an diesem Tag zu singenden Lieder wurden aus der eigens abgedruckten Sammlung ausgewählt und mit Trompeten und Pauken begleitet. Pastor Volborth hielt ein Gebet und eine Ansprache. Die Predigt wurde von Pastor Hamelmann gehalten, danach wurde das heilige Abendmahl ausgeteilt. Damit war das „Fest der religiösen Freude und der brüderlichen Eintracht“ beendet.

Feier des 400-jährigen Reformationsfestes (1917)

Während im Jahr 1817 der Vorbereitung und der eigentlichen Feier des Reformationsjubiläums viel Zeit und Aufmerksamkeit gewidmet wurde, hatte sich die Situation hundert Jahre später grundlegend verändert. Jetzt, in der Kriegszeit, als alles Deutsche verfolgt wurde, kamen Zweifel auf, ob man überhaupt 400 Jahre Reformation feiern sollte. Nach der Februarrevolution war jedoch eine Verbesserung der Lage der Deutschen auszumachen, und als im Juni 1917 während der Konferenz die Frage gestellt wurde, ob man unter den gegebenen Umständen das Reformationsfest feiern wollte, da lautete einmütig die Antwort: „Dennoch“.

Die Petri-Kirche musste damals viele Schwierigkeiten überwinden. Der Kirchenvorstand war besorgt um die Situation im Land und die kritische Finanzlage der Gemeinde, aber er bewilligte die erforderliche Summe für Vokalquartett, Posaunenquartett und Blumenschmuck des Altarraums (übrigens stellte der Blumenhändler den Schmuck zum Fest gratis).

Im ersten Festgottesdienst am Vormittag hielt zunächst Pastor Theodor Friedrich Willigerode eine



Пастор Карл Вальтер (1866-1933) произнес проповедь на торжественном богослужении в честь 400-летия Реформации

Pastor Karl Walter (1866-1933) predigte im Festgottesdienst zum 400. Gedenktage der Reformation

Ansprache vom Altar, die erste Festrede hielt Pastor Karl Friedrich Walter, die zweite Pastor Wilhelm Eugen Leonhard Kentmann. Die Predigt von Pastor Walter begann mit den Worten: „Mitten in eine unsagbar schwere Zeit fällt der 400. Gedenktage der Reformation. Nicht Jubelton umrauscht uns und nicht Festesglanz umleuchtet uns. Still und ernst ziehen wir Kinder der Reformation unsere Straße, gebeugt das Haupt unter schwerer Last. <...> Unter den Stürmen der Zeit soll, wills Gott, die Kirche der Reformation nicht zerbrechen, sondern ausharren“.

Am Nachmittag des Festtages fanden in dem Saal der Petrischule Feiern für die Jugend statt. Der Abend des Festtages in der Petri-Kirche war einer gemeinsamer Feier aller deutschen evangelischen Gemeinden Petersburgs gewidmet. Lange bevor der Gottesdienst um 8 Uhr begann, war die große Kirche bis auf den letzten Platz gefüllt. Vier Festredner traten nacheinander auf: Pastor Masing von St. Marien, Pastor Frischfeldt von St. Michaelis, Pastor Haller von St. Annen und Pastor Willigerode. Generalsuperintendent Malmgren schloss die Feier mit Gebet und Segen.

Trotz aller sozialen Erschütterungen gelang es den Lutheranern Russlands, ihr Fest würdig zu feiern. Gott der Herr hat es so gefügt, dass der Tag des Reformationsfestes gerade auf den einzigen kurz bemessenen Zeitraum zwischen Februar- und Oktoberrevolution fiel. Weder vorher noch ganz kurz nachher hätte eine solche Feier stattfinden können. Vorher, von 1914 bis zur Februarrevolution, wirkten noch das Verbot der deutschen Sprache, die Verbannung von Pastoren, Unterdrückung der Gemeindeglieder u. ä. nach. Gleich nachher entbrannte die Oktoberrevolution, und nur die ganz kleine Zeitspanne zwischen den beiden Revolutionen gab die Möglichkeit zu einer Feier.

Im Jahr 2017 feiert die Reformation nun schon ihr 500jähriges Jubiläum, und wir können uns nur freuen, dass die Traditionen des Luthertums in Russland wiedererstanden sind und neu Fuß fassen. ■

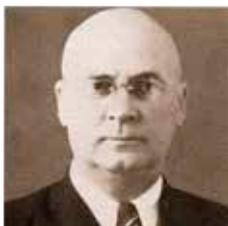
Der Tag des Reformationsfestes fiel gerade auf den einzigen kurz bemessenen Zeitraum zwischen Februar- und Oktoberrevolution. Weder vorher noch ganz kurz nachher hätte eine solche Feier stattfinden können

60 лет назад произошло важное событие, которое в те годы казалось невозможным: летом 1957 года была официально зарегистрирована евангелическо-лютеранская община в г. Акмолинске (Казахстан). В конце 1930-х годов структура Евангелическо-Лютеранской Церкви в СССР была разрушена окончательно. Церковная жизнь развивалась только в частной сфере, нелегально, в том числе в местах депортаций и лагерях – лютеранская Церковь существовала в пении и молитве.

На Пятидесятницу 1955 года пастор Евгений Бахманн провел первое домашнее богослужение в Акмолинске (сегодняшнем городе Астане). А на первый Адвент в том же году там был освящен молитвенный дом вместе с квартирой пастора. Официальная регистрация этой общины (1957) в период хрущевской оттепели была началом не только лютеранской Церкви в Казахстане, но и первой ласточкой возрождения Евангелическо-Лютеранской Церкви в России, Украине, Казахстане и Средней Азии.

Пастор Евгений Бахманн (1904-1993) был выпускником Семинарии проповедников в Ленинграде, там же в 1930-34 годах он служил пастором в церкви св. Анны. Но родился он и провел свое детство вдали от этих мест. Родина пастора Бахманна – немецкая колония Вормс в Херсонской губернии, сегодня – с. Виноградное Березовского р-на Одесской области. Его детские воспоминания о семье перекидывают мостик из Казахстана и Ленинграда в жизнь немецких колоний на Украине. Ниже мы публикуем главу из книги „Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen. Evangelischer Teil“ («Церкви и религиозная жизнь российских немцев. Евангелическая часть»), вышедшей в 1978 году в Штутгарте.

Кюстер-учитель



Евгений Бахманн
Jewgenij Bachmann

То, что кюстер-учитель был в центре церковной жизни евангелическо-лютеранских и евангелическо-реформатских общин, зачастую упускают из виду, тем не менее, это было именно так. Каковы были его обязанности в общине? Кюстер-учитель был, как это следует из двойного названия его должности, кюстером и учителем в одном лице.

Как кюстер он был заместителем пастора и должен был в его отсутствие вести богослужение мирским чином и при этом руководить пением общины и играть на органе или фисгармонии. Пастор, который зачастую должен был окормлять очень большой церковный округ со многими общинами-филиалами, мог уделять отдельным общинам совсем немного времени, не говоря уже о том, чтобы завязывать личные контакты с прихожанами. Кюстер же, наоборот, был ответственным только за одну сельскую общину и был знаком с каждым прихожанином по отдельности и знал о каждом, «где у того жмет ботинок».

Кроме богослужения он был ответственен за Крещение и погребение, за конфирмационные занятия, так же как и за уроки религии и хор. Конфирмация, праздник Святого Причастия,

венчание и некоторые другие священнодействия могли совершаться только пастором. Летом кюстер вел воскресную школу со школьниками, зимой – по воскресеньям «детскую учебу», которую конфирмированные должны были посещать в течение трех лет после их конфирмации. К каждому уроку они должны были переписывать что-то из Нового Завета и предъявлять написанное кюстеру. Это было нужно для того, чтобы они не разучились писать. Кто регулярно посещал три года подряд «детскую учебу», на выпуске получал от пастора в подарок Новый Завет. За прогул «детской учебы» налагался «штраф» по 10 копеек за урок. Так каждого духовно сопровождали с детства до совершеннолетия, с наступлением которого он начинал организовывать свою религиозную и церковную жизнь по собственному усмотрению.

Как учитель кюстер – получивший хорошее педагогическое образование, в котором особенно важную роль играли уроки религии, пение, музыка и немецкий язык, – был руководителем (ректором) начальной школы, которую каждый ребенок должен был посещать с 7 до 15 лет, поэтому среди немцев практически не было неграмотных. Выпуск из школы совпадал с конфирмацией. Кюстер-учитель преподавал в школе, прежде всего, уроки религии <...> и немецкий язык, но также и другие предметы <...>

В деревенской школе в Вормсе (Одесская обл.), в которой мой отец Иоганн Бахманн был руководителем и в которую я ходил, кроме него были еще два учителя (они обязательно должны были быть холостыми): немец и русский; последний преподавал русский язык во всех классах. Возможно, одновременно его должность была задумана для контроля со стороны правительства, но он всегда был хорошим коллегой немецкого учителя. <...>



Село Виноградное в Одесской области – бывшая немецкая колония Вормс – в наши дни

Siedlung Wynohradne im Gebiet Odessa, die ehemalige deutsche Siedlung Worms – heutzutage

Vor 60 Jahren fand ein wichtiges, zu jener Zeit unmöglich erscheinendes Ereignis statt: Im Sommer 1957 wurde offiziell die evangelisch-lutherische Gemeinde in der Stadt Akmolinsk (Kasachstan) registriert. Ende der 1930er Jahre war die Struktur der Evangelisch-lutherischen Kirche in der UdSSR endgültig zerstört worden. Das kirchliche Leben entwickelte sich nur im privaten Bereich weiter – illegal, auch an den Orten der Deportation und in den Lagern –, die lutherische Kirche existierte in Gesang und Gebet.

Zu Pfingsten 1955 hielt Pastor Jewgenij Bachmann den ersten Hausgottesdienst in Akmolinsk (heute Astana). Und zum ersten Advent desselben Jahres dort wurde das Gebetshaus zusammen mit der Pastorenwohnung eingeweiht. Die offizielle Registrierung dieser Gemeinde (1957) in der Zeit des „Taufwitters“ unter Chruschtschow war nicht nur der Anfang der lutherischen Kirche in Kasachstan, sondern auch der erste Vorboten der Wiedergeburt der Evangelisch-Lutherischen Kirche in Russland und anderen Staaten.

Pastor Jewgenij Bachmann (1904-1993) hatte das Predigerseminar in Leningrad absolviert und dort auch von 1930-1934 als Pastor in der St. Annenkirche Dienst getan. Aber geboren und aufgewachsen war er weit von dieser Gegend. Die Heimat von Pastor Bachmann war die deutsche Kolonie Worms im Gouvernement Cherson, heute ukrainische Siedlung Wynohradne im Rayon Beresiwka, Gebiet Odessa. Seine Kindheitserinnerungen an die Familie schlagen eine Brücke zum Leben der deutschen Kolonien in der Ukraine. Weiter unten veröffentlichen wir ein Kapitel aus dem 1978 in Stuttgart erschienenen Buch „Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen. Evangelischer Teil“.

Der Küster-Lehrer

Dass der Küsterlehrer der eigentliche Mittelpunkt des kirchlichen Lebens der evangelisch-lutherischen und evangelisch-reformierten Gemeinden war, wird meist übersehen; dennoch ist dem so. Was waren seine Aufgaben in der Gemeinde? Der Küsterlehrer war, wie schon die Doppelbezeichnung andeutet, Küster und Lehrer in einer Person.

Als Küster war er der Stellvertreter des Pastors und hatte in dessen Abwesenheit den Lesegottesdienst abzuhalten und dabei den Gemeindegesang zu leiten und die Orgel oder das Harmonium zu spielen. Der Pastor, der oftmals ein sehr großes Kirchspiel mit vielen Filialgemeinden geistlich zu betreuen hatte, konnte sich nur wenig mit den einzelnen Gemeinden beschäftigen, geschweige denn persönliche Kontakte mit den einzelnen Gemeindegliedern anknüpfen. Der Küster dagegen war nur für

eine kirchliche Dorfgemeinde verantwortlich und kannte jedes einzelne Gemeindeglied und wusste auch von jedem, „wo ihn der Schuh drückte“.

Außer für den Gottesdienst war er zuständig für Taufe und Begräbnis, für den Konfirmandenunterricht wie auch für den Religionsunterricht und den Sängerkorps. Konfirmation, Feier des Heiligen Abendmahls, Trauung und einige andere geistliche Handlungen durften nur vom Pastor vollzogen werden. Im Sommer hielt der Küster die „Sonntagsschule“ mit den Schulkindern, im Winter allsonntäglich die „Kinderlehre“, die die Konfirmanden drei Jahre lang nach ihrer Konfirmation besuchen mussten. Zu jeder „Kinderlehre“ mussten sie aus dem Neuen Testament abschreiben und das Geschriebene dem Küster vorlegen. Dadurch sollte verhütet werden, dass sie das Schreiben verlernen. Wer die „Kinderlehre“ drei Jahre hindurch regelmäßig besucht hatte, erhielt vom Pastor bei seiner Entlassung ein Neues Testament geschenkt. Nichterscheinen zur „Kinderlehre“ wurde jeweils mit 10 Kopeken „Strafe“ belegt. So wurde der Mensch von seiner Kindheit an bis zu seinem 18. Lebensjahr geistlich betreut, ehe er aus eigener Einsicht sein religiöses und kirchliches Leben ordnete.

Als Lehrer war der Küster, der eine gute pädagogische Bildung erhalten hatte, in der Religionsunterricht, Gesang, Musik und deutsche Sprache eine besonders wichtige Rolle spielten, der Leiter (Rektor) der Elementarschule, die jedes Kind vom 7. bis 15. Lebensjahr besuchen musste, so dass es praktisch unter den Deutschen keine Analphabeten gab. Schulentlassung und Konfirmation fielen zusammen („aus der Schule kommen“). Der Küsterlehrer erteilte in der Schule vor allem den Religionsunterricht <...> und deutsche Sprache, aber auch andere Fächer <...>

In der Dorfschule in Worms (Gebiet Odessa), an der mein Vater, Johann Bachmann, als Schulleiter wirkte und ich „in die Schule ging“, waren außer ihm noch zwei Lehrer (sie mussten ledig sein) angestellt:



→ Как была организована частная и служебная жизнь кюстера-учителя? Я бы хотел описать это на примере биографии моего отца, кюстера-учителя Иоганна Бахманна.

Как кюстер-учитель он работал во многих немецких деревнях, но дольше всего – в Вормсе, где я родился и вырос, притом сначала в евангелическо-реформатской общине, а некоторое время спустя в течение семи лет в евангелическо-лютеранской общине этой же деревни. Мой отец был прирожденным педагогом, о чем я смог вынести суждение уже потом, когда я сам был учителем. Как-то я подслушивал у двери класса, в котором он преподавал самым маленьким библейскую историю. Я подслушивал затаив дыхание! Так по-детски просто и всё же настолько увлекательно он рассказывал тихо сидевшим там содержание истории – своими словами, но вместе с тем опираясь на библейский текст. Я чувствовал, как он сам был вовлечен в это всей душой и с по-детски радостной верой. <...>

Наша семья была большой, а зарплата кюстера – маленькой; моя мама умела экономно вести хозяйство, поэтому все были сыты и хорошо одеты. Огород и маленькое «хозяйство» были хорошим и необходимым подспорьем. «Сельским хозяйством» мой отец не занимался, но у него были «золотые руки», и он разбирался в любом ремесле. В свое свободное время он был увлеченным столяром, но он был также и «часовщиком», и ему приносили все нуждающиеся в починке часы деревни, механизм которых он снова приводил в действие.

Однако душой и телом он оставался преданным своей должности кюстера и учителя и отдавал этой работе много времени и сил. С большой ответственностью он готовился к урокам в школе. Проповедь для богослужения он запоминал, громко читая ее вслух. В субботу и ранним воскресным утром он разучивал на органе выбранные для богослужения хоралы; безо всяких помех, без мучительных пауз и в священной тишине должна была проходить молитва. На стене его кабинета висела в рамке грамота Петербургской Консистории за усердие и верность, Министерство народного просвещения в качестве признания его учительской деятельности наградило его медалью, а правительством он

был объявлен «почетным гражданином». Своим каллиграфическим почерком с большой аккуратностью и точностью он вел церковные книги, так как кюстер-учитель в некоторых деревнях также должен был выполнять обязанности деревенского писца, ему и здесь пригодился его красивый почерк. <...>

Низкая зарплата и многодетная семья принуждали кюстера-учителя ко многим ограничениям в повседневной жизни. Будучи ребенком, я замечал мало или вообще не замечал внутренних и внешних проблем, с которыми мой отец должен был справляться; мое детство было беззаботным, солнечным и радостным, но когда я стал старше, я заметил, что жизнь кюстера-учителя – далеко не рай! Иногда зимними вечерами отец садился за фисгармонию, и дети пели вместе с родителями «Песню о бедном сельском учителе». Было что-то унылое в этой простой песенке, так что даже иногда во время пения глаза становились влажными, а голос дрожал.

Когда в 1922-23 годах кюстеры должны были принять решение: кюстер или учитель! – мой отец без промедления сделал выбор в пользу теперь очень ненадежной профессии кюстера. Издевки и недоброжелательное отношение со стороны атеистических органов власти были неизбежны. После того как в 1930-е годы были закрыты все церкви, мой отец был вынужден перебиваться на разных работах <...>

Из Вартеланд¹, куда в 1943 году были вывезены этнические немцы из Украины, он вместе с моей матерью был депортирован на Крайний Север европейской России (республика Коми), где мой отец умер от истощения (читай: голода!) на 81-ом году жизни, несмотря на то, что их якобы «обеспечивали» в доме для инвалидов. В сильный мороз и вьюгу его мертвое тело в ящике было отнесено двумя мужчинами на возвышенность в тайге, где «гроб» был закопан без Божьего Слова, без молитвы, без единого звука. Он, который проводил в последний путь сотни людей и предал их земле со Словом Божьим и с пением общины, должен был оставить этот мир без чьего-либо сопровождения и участия! Но я верю, что он не был один! <...>

Мы же не забудем тех, которые учили нас Божьему Слову и потом должны были умереть в одиночестве и беспомощности, в голоде и нищете, никем не оплаканные. Звезды божественных обетований не переставали нам светить и в самые темные времена; их свет будет освещать путь сынам человеческим и в будущем и свидетельствовать нам о верности Бога, ибо так звучит слово пророка Исаии (30,20): «И даст вам Господь хлеб в горести и воду в нужде; и учителя твои уже не будут скрываться, и глаза твои будут видеть учителей твоих». ■

(Перевод Елены Дякивой)

¹ Вартеланд – провинция Третьего рейха, образованная в 1939 году на оккупированной территории западной Польши между Силезией и Пруссией. Название получила по имени реки Варты.

Лютеранская церковь в колонии Вормс была закрыта в 1923 году. Ее здание теперь используется как православная церковь св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, где ведутся богослужения с 1993 года

Die lutherische Kirche in der Siedlung Worms wurde 1923 geschlossen. Ihr Gebäude wird heute als orthodoxe Apostel-und-Evangelist-Johannes-Kirche genutzt, wo seit 1993 die Gottesdienste abgehalten werden



ein Deutscher und ein Russe; letzterer unterrichtete die russische Sprache in allen Klassen. Vielleicht war er zugleich als Regierungskontrolle gedacht, aber er war stets ein guter Kollege der deutschen Lehrer. <...>

Wie war nun das private und amtliche Leben des Küsterlehrers gestaltet? Ich möchte dies am Lebenslauf meines Vaters, des Küsterlehrers Johann Bachmann, schildern.

Als Küsterlehrer war er in vielen deutschen Dörfern tätig, in Worms, wo ich geboren und aufgewachsen bin, am längsten, und zwar zuerst an der evangelisch-reformierten Gemeinde und etwas später, sieben Jahre an der evangelisch-lutherischen Gemeinde desselben Dorfes. Mein Vater war ein geborener Pädagoge, was ich erst später, als ich selbst Lehrer war, beurteilen konnte. Einst lauschte ich an der Tür der Klasse, in der er den Kleinsten Biblische Geschichte vortrug. Ich lauschte mit angehaltenem Atem! So kindlich einfach und doch so spannend erzählte er den still Dasitzenden mit eigenen Worten, und doch zugleich den biblischen Wortlaut berücksichtigend, den Inhalt der Geschichte. Ich fühlte, wie er selbst mit ganzem Herzen und kindlich frohem Glauben bei der Sache war. <...>

Unsere Familie war groß, das Gehalt eines Küsters aber klein; meine Mutter verstand es, sparsam zu wirtschaften, und so wurden alle satt und waren auch gut gekleidet. Gemüsegarten und eine kleine „Wirtschaft“ waren eine gute und notwendige Nachhilfe. „Landwirtschaft“ betrieb mein Vater nicht, aber er hatte „goldene Hände“ und verstand sich auf jegliches Handwerk. In seiner Freizeit war er ein leidenschaftlicher Tischler, aber er war auch „Uhrmacher“, und man brachte ihm sämtliche reparaturbedürftigen Uhren des Dorfes, die er wieder in Gang setzte.

Dennoch blieb er mit Leib und Seele seinem Küster- und Lehramt ergeben und verwandte auf diese Arbeit viel Zeit und Fleiß. Mit großer Gewissenhaftigkeit bereitete er sich für die Schulstunden vor. Die Lesepredigt zum Gottesdienst prägte er sich durch lautes Lesen ein. Am Samstag und sonntagsfrüh übte er auf der Orgel die für den Gottesdienst vorgesehenen Choräle; ungestört, ohne peinliche Pausen und in heiliger Stille sollte die Andacht verlaufen. An der Wand seines Arbeitszimmers hing eingerahmt ein Zeugnis des Petersburger Generalkonsistoriums für Fleiß und Treue, vom Ministerium für Volksaufklärung wurde ihm als Anerkennung für seine Lehrtätigkeit eine Medaille verliehen, und von der Regierung wurde er zum Ehrenbürger (potschotnyj grashdanin) ernannt. Mit seiner kalligraphischen Handschrift führte er mit größter Sauberkeit und Genauigkeit die Kirchenbücher, und da der Küsterlehrer in manchen Dörfern auch das Amt des Dorfschreibers zu versehen hatte, kam ihm auch hier seine schöne Handschrift zugute. <...>

Das niedrige Gehalt und die vielköpfige Familie zwangen den Küsterlehrer zu manchen Einschränkungen in der Lebensführung. Ich habe als Kind wenig oder nichts von den inneren und äußeren Schwierigkeiten, mit denen mein Vater fertig werden musste, gemerkt; meine Kindheit war sorglos, sonnig und froh, aber als älter wurde, merkte ich, dass das



Leben eines Küsterlehrers bei weitem nicht eitel Sonnenschein ist! An manchen Winterabenden setzte sich Vater ans Harmonium und die Kinder sangen mit den Eltern „Das Lied vom armen Dorfschulmeisterlein“. Es war etwas Wehmütiges in diesem einfachen Liedchen, so dass manchmal beim Singen die Augen feucht wurden und die Stimme stockte.

Als in den Jahren 1922/23 die Küster sich entscheiden mussten: Küster oder Lehrer! hat sich mein Vater ohne Zögern für den nun sehr unsicheren Beruf des Küsters entschieden. Schikanen und böswillige Unterstellungen blieben nicht aus von Seiten der atheistischen Behörden. Nachdem in den dreißiger Jahren alle Kirchen geschlossen worden waren, musste sich mein Vater mit verschiedenen Arbeiten durchschlagen. <...>

Aus dem Wartheland, wohin die Deutschen 1943 aus der Ukraine evakuiert worden waren, wurden er und meine Mutter in den hohen Norden des europäischen Russland (Komi Republik) verschleppt, wo mein Vater an Unterernährung (sprich: Hunger!) im einundachtzigsten Lebensjahr starb, obwohl sie in einem Invalidenheim „versorgt“ werden sollten! Bei großer Kälte und Schneegestöber wurde sein Leichnam von zwei Männern in einem Kasten auf eine Anhöhe in der Taiga gebracht, wo der „Sarg“ ohne Gottes Wort, ohne Gebet, ohne Sang und Klang bestattet wurde. Er, der Hunderte zur letzten Ruhe geleitet und sie unter Gottes Wort und dem Gesang der Gemeinde der Erde übergeben hatte, musste ohne menschliches Geleit und Anteilnahme das Irdische verlassen! Aber ich glaube, er war nicht allein! <...>

Wir aber wollen die nicht vergessen, die uns Gottes Wort gelehrt haben und dann in Einsamkeit und Verlassenheit, in Hunger und Elend, von niemand beweint, sterben mussten. Die Sterne der göttlichen Verheißungen haben auch in den dunkelsten Zeiten unserer nicht aufgehört zu leuchten; ihr Licht wird auch in Zukunft den Weg der Menschenkinder beleuchten und uns der Treue Gottes gewiss machen, denn also lautet das Wort des Propheten Jesajas (Kap. 30,20): „Der Herr wird euch in Trübsal Brot und in Ängsten Wasser geben. Und deine Lehrer werden sich nicht mehr verbergen müssen: sondern deine Augen werden deine Lehrer sehen.“ ■

Пастор Евгений Бахманн с двумя парами, идущими под венец, в Акмолинске

Pastor Jewgenij Bachmann mit zwei Brautpaaren in Akmolinsk

«Здесь не откажут пришлецу...»

Протестантизм в русской поэзии



Антон Тихомиров, пастор, д-р теол.,
ректор Теологической Семинарии Евангелическо-
Лютеранской Церкви, г. Санкт-Петербург

На первый взгляд это может даже показаться странным, но тема протестантизма довольно значима для русской поэзии. Образ Мартина Лютера и его историческое значение, а также жизнь евангелической Церкви, прежде всего, жизнь богослужебная, нередко становились источниками вдохновения для великих русских поэтов.

Исторические описания фигуры Лютера

Прежде всего, в русской поэзии нашла свое отражение собственно фигура великого реформатора. Среди целого ряда его упоминаний я выбрал три, которые кажутся мне наиболее показательными.

Во-первых, написанное в 1902 или 1903 г. стихотворение Николая Гумилева (1886-1921 гг.) «Молодой францисканец». В нем речь идет о юном монахе, которому опостылела безрадостная жизнь в монастыре, а также мудрость древних книг, которые он обязан изучать. Юноша совершает побег, но оказывается пойман и приведен (ни много, ни мало!) к суду великого инквизитора и многих кардиналов. На этом суде, уже зная о своей предстоящей казни, он держит дерзкую обвинительную речь. Среди прочего в ней есть и такие слова: «И смерть моя новых бойцов привлечет, // Сообщников дерзких, могучих; // Настанет и вашим несчастьям черед! // Над вами собираются тучи! //

Я слышал: в далеких германских лесах, // Где всё еще глухо и дико, // Поднялся один благородный монах, // Правдивую злобой великий. //

Любовию к жизни в нем сердце горит! // Он юности ведает цену! // Блаженство небес он людям не сулит // Земному блаженству в замену!»

Очевидно, что на тот момент автор стихотворения сам является еще наивным гимназистом, который без особой охоты изучает «мудрость древних книг». Кроме того, как известно, юный Николай Гумилев симпатизировал левым движениям. Но в любом случае, сколь бы примитивным ни был пафос этого стихотворения, мы видим, что образ Мартина Лютера может ассоциироваться с юностью и бунтом, выступать символом прорыва к новому.

Кратко Лютера упоминает Валерий Брюсов (1873-1924 гг.) в стихотворении «Фонарики», написанном в 1904 году. Поэт сравнивает историю человечества с садом, в котором развешаны различные светильники, символизирующие отдельные столетия. Вот несколько строчек из него: «Век Данте – блеск таинственный, зловеще золотой... // Лазурное сияние, о Леонардо, твой!.. // Большая лампа Лютера – луч, устремленный вниз... // Две маленькие звездочки, век суетных маркиз.»

Разгадывать творения символизма – дело довольно неблагодарное. Но можно обратить внимание на несколько примечательных моментов. Во-первых, свет Лютера не лишен формы, у него есть определенный источник. Во-вторых, этот источник весьма прозаичен: не таинственная свеча или лампада, а простая лампа. В-третьих, речь идет о большой лампе, то есть о ярком свете. Но, в-четвертых, этот свет устремлен вниз, то есть не способен озарить собой окружающее пространство. Завершает всё многоточие. Так создается весьма сложный и, добавлю, по-своему точный образ реформатора, который вполне заставляет задуматься нас и сегодня.

Третье упоминание Лютера – это, конечно, короткое стихотворение Осипа Мандельштама (1891-1938 гг.) «Здесь я стою – я не могу иначе», написанное в 1913 году.

Сначала, однако, нужно напомнить о важном обстоятельстве. Рожденный и выросший в еврейской семье поэт был в 1911 году крещен в методистской церкви г. Выборга. Некоторые

комментаторы видят в крещении исключительно практический шаг, позволивший Мандельштаму поступить в университет, другие говорят о его внутреннем духовном повороте к христианству. Выбор конфессии также является поводом для дискуссии, от которой, однако, мы здесь воздержимся. Как бы то ни было, факт остается фактом: один из самых великих русских поэтов был по своему вероисповеданию протестантом, но – не лютеранином. Рассматриваемое нами стихотворение написано уже после Крещения. Звучит оно так:

«Hier stehe ich – ich kann nicht anders...

“Здесь я стою – я не могу иначе”, // Не просветлеет темная гора – // И кряжистого Лютера незрячий // Витают дух над куполом Петра.»

Истолковать этот текст трудно. Знаменитые слова, если учитывать эпиграф, приводятся дважды. Причем, русский перевод точен и в смысловом, и в метрическом плане. Образ горы имеет, скорее всего, библейское происхождение. Некоторые комментаторы полагают, что речь идет о Фаворе. Но, на мой взгляд, уместнее было бы видеть здесь Сион в контексте Ис. 60, 1-4, где речь идет о славе Господней, которая должна воссиять над ним. Затем бросается в глаза причудливый контраст между «кряжистым Лютером» и куполом собора св. Петра, изяществом которого поэт не раз восхищался. При этом дух Лютера остается незрячим. В любом случае, стихотворение и предложенный в нем образ реформатора оставляет после себя как минимум двойственное впечатление. Сегодня эта двойственность и, так сказать, «призрачность» усиливаются и нашим знанием о том, что вынесенные в эпиграф и ставшие заглавием стихотворения слова Лютеру отнюдь не принадлежат, а приписаны ему его современниками.

Критическое восприятие протестантизма

Теперь мы можем перейти к поэтическим описаниям встреч с современным для авторов стихов протестантизмом. Их довольно много и перечислить все попросту невозможно. В любом случае среди таких описаний преобладают написанные в критическом духе. Забегая вперед, можно сказать, что эта критика имеет вполне определенный характер: протестантизм воспринимается как нечто выхолощенное, лишённое подлинной жизненности. В самом простом и смягченном варианте речь идет о, своего рода, чрезмерно вылизанной и упорядоченной буржуазности. Самым ярким – хотя и отнюдь не единственным – примером являются известные строки Николая Гумилёва:

«Чтоб войти не во всем открытый, // Протестантский, прибранный рай, // А туда, где разбойник, мытарь // И блудница крикнут: вставай!» («Я и Вы», 1917 год).

Не только на фоне двух последних строчек, но и в общем контексте стихотворения «протестантский прибранный рай», находясь в одном ряду с нотариусами и врачами – приметами буржуазной благоустроенности, а также рыцарем на картине, который любит звезды – образом пустого романтизма, иронически противопоставляется бурной, подчеркнута приземленной и полной приключений жизни поэта.

Однако в других поэтических текстах такая протестантская выхолощенность может быть описана и куда более резко. Вспомним стихотворение Осипа Мандельштама «Лютеранин»:

«Я на прогулке похороны встретил // Близ протестантской кирки, в воскресенье. // Рассеянный прохожий, я заметил // Тех прихожан суровое волнение. //

В поэтических описаниях встреч с современным для авторов стихов протестантизмом он воспринимается как нечто выхолощенное, лишённое подлинной жизненности



Немецкая реформатская церковь (построена в 1862-1865 годах по проекту арх. Г.А. Боссе) в Петрограде могла быть описана Николаем Гумилёвым в стихотворении «Евангелическая церковь»



Чужая речь не достигала слуха, // И только
упряжь тонкая сияла, // Да мостовая праздни-
чая глухо // Ленивые подковы отражала. //

А в эластичном сумраке кареты, // Куда печаль
забилась, лицемерка, // Без слов, без слез, ску-
пая на приветы, // Осенних роз мелькнула бутон-
ьерка. //

Тянулись иностранцы лентой черной, // И шли
пешком заплаканные дамы, // Румянец под вуа-
лью, и упорно // Над ними кучер правил вдаль,
упрямый. //

Кто б ни был ты, покойный лютеранин, – //
Тебя легко и просто хоронили. // Был взор слезой
приличной затуманен, // И сдержанно колокола
звонили. //

И думал я: витийствовать не надо. // Мы
не пророки, даже не предтечи, // Не любим рай,
не боимся ада, // И в полдень матовый горим,
как свечи.»

Стихотворение написано в 1912 году и опубли-
ковано в сборнике «Камень». Обращает на себя
внимание, что сразу за ним в сборнике стоят сти-
хотворения: «Айя-София» и «Notre-Dame». Эти
два здания у Мандельштама можно рассматривать
как символы двух величайших ветвей христиан-
ства: православия и католичества. Соответственно,
место стихотворения «Лютеранин» вряд ли слу-
чайно. Однако в этом произведении поэт рассма-
тривает как раз не прекрасное церковное здание,
а траурную процессию, которая церковное здание
покинула. Уже само по себе это весьма характерно.

Отчуждение, – на мой взгляд, именно это
слово является ключевым для понимания смысла
данного стихотворения. Мотив отчуждения
прослеживается на всех уровнях текста и во
множестве его образов: церковное священно-
действие, совершающееся вне церковных стен;
погребение, которое проходит в воскресный

день; процессия иностранцев, которые гово-
рят между собой на чужом языке, да еще едва
слышно; даже печаль и слезы участников слиш-
ком «приличны», чтобы быть подлинными.

Всё это сопровождается одним из самых поэ-
тических образов рока, слепой судьбы, который
мне известен: «Тянулись иностранцы лентой
черной, // И шли пешком заплаканные дамы, //
Румянец под вуалью, и упорно // Над ними кучер
правил вдаль, упрямый.»

Иностранцы, чужаки с лицемерной печалью
следуют – нет, даже не некому вождю, а всего
лишь кучеру, который упрямо, подобно некой
безличной силе уводит их куда-то прочь.

Не удивительно, что, в конце концов, речь
идет о полной отчужденности человека от своего
собственного бытия и от вечности, о плоскости
и пошлости человеческой жизни: «Не любим рай,
не боимся ада, // И в полдень матовый горим,
как свечи». Думаю, что это не прямое обвине-
ние протестантизма как такового в лицемерии
или безжизненности, – хотя при желании можно
усмотреть и его. Однако именно протестантизм
дает поэту материал для выражения чувства
столь тотальной отчужденности, которое он
видит в своем поколении.

На первый взгляд может показаться, что
совсем другое настроение и другое отношение
господствует в стихотворении Мандельштама
«Бах»: «Здесь прихожане – дети праха // И доски
вместо образов, // Где мелом – Себастьяна Баха
// Лишь цифры значатся псалмов. //

Разноголосица какая // В трактирах буйных
и церквях, // А ты ликуешь, как Исая, // О, рас-
судительнейший Бах! //

Высокий спорщик, неужели, // Играя внукам
свой хорал, // Опору духа в самом деле // Ты
в доказательстве искал? //



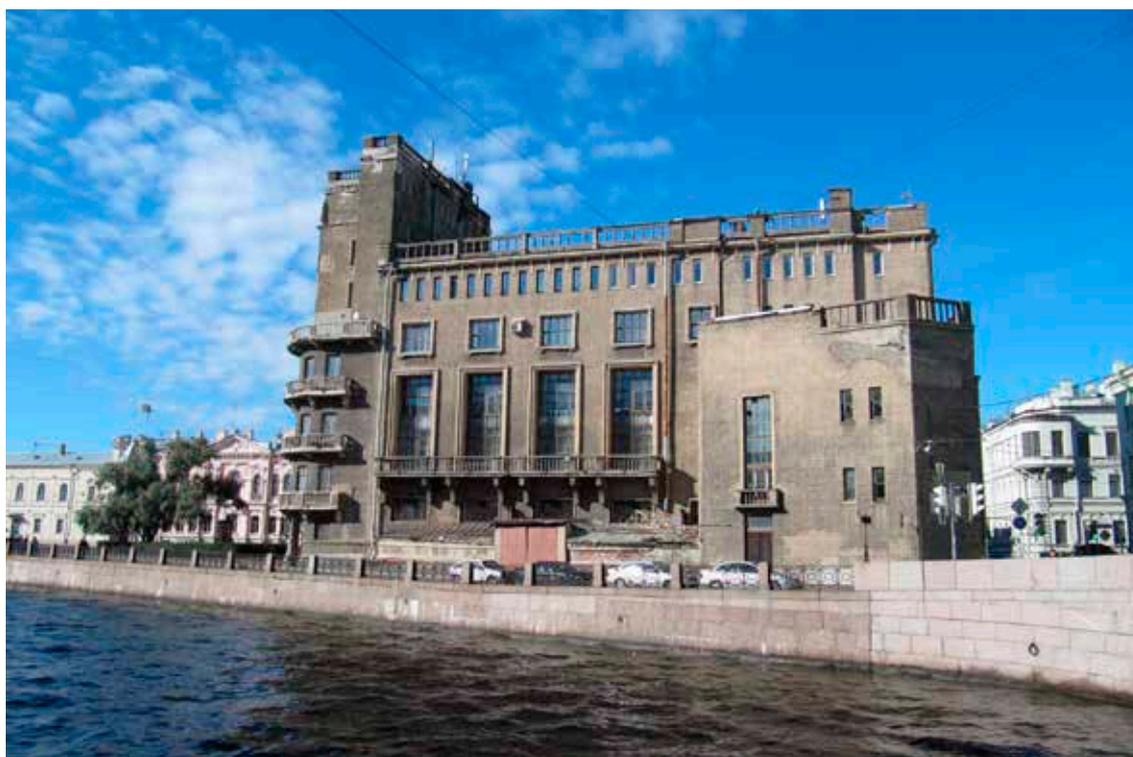
Николай Гумилёв
(1886-1921)



Осип Мандельштам
(1891-1938)

Мандельштам восхищается Бахом и с самых разных сторон рассматривает его музыку и ее истоки. Лютеранский проповедник на своей «черной кафедре» выступает в лучшем случае лишь «собеседником» Баха, причем собеседником, скорее, случайным и докучливым

Так выглядит сегодня здание немецкой реформатской церкви в Петербурге, в советское время перестроенное в ДК работников связи и ставшее одним из значимых мест для ленинградской рок-музыки





«Тянулись иностранцы лентой черной,
// И шли пешком заплаканные дамы,
// Румянец под вуалью, и упорно // Над ними кучер правил вадаль, упрямый...»

Что звук? Шестнадцатые доли, // Органа многосложный крик – // Лишь воркотня твоя, не боле, // О, несговорчивый старик! //

И лютеранский проповедник // На черной кафедре своей // С твоими, гневный собеседник, // Мешает звук своих речей.»

Похоже, что здесь поэт находит в лютеранской церкви нечто впечатляющее, а именно музыку Иоганна Себастьяна Баха. Это, безусловно, так. Однако если присмотреться внимательнее, то мы увидим, что Мандельштам отрывает творчество великого композитора от собственно церковных корней. Он восхищается Бахом и с самых разных сторон рассматривает его музыку и ее истоки. Лютеранский проповедник на своей «черной кафедре» выступает в лучшем случае лишь «собеседником» Баха, причем собеседником, скорее, случайным и докучливым.

От Мандельштама мы можем перейти к Фёдору Тютчеву. Тем более, что многие комментаторы отмечают родство стихотворения «Лютеранин» с Тютчевским «Я лютеран люблю богослуженье», к которому я и предлагаю обратиться: «Я лютеран люблю богослуженье, // Обряд их строгий, важный и простой – // Сих голых стен, сей храмины пустой // Понятно мне высокое ученье. //

Не видите ль? Собравшись в дорогу, // В последний раз вам Вера предстоит: // Еще она не перешла порогу, // Но дом ее уж пуст и гол стоит, – //

Еще она не перешла порогу, // Еще за ней не затворилась дверь... // Но час настал, пробил... Молитесь Богу, // В последний раз вы молитесь теперь.»

Это стихотворение было написано в 1834 году в Тегернзее, но впервые опубликовано уже после смерти поэта в 1879 году. В публикации 1886 года стихотворение, обычно известное по своей первой строчке, стоит под названием «Тегернзее».

«Пустая храмина» лютеран одновременно и притягивает, и отталкивает поэта. Ее ученье «высоко», но и глубоко трагично. Отсутствие

в протестантской церкви икон, образов означает для Тютчева (который был, с одной стороны, горячим приверженцем православной традиции с ее богатой образностью, а, с другой, как никто другой ощущал глубокую связь с миром природным – вплоть до пантеистических элементов в своем творчестве) утрату, так сказать, религиозно-поэтического элемента, отчуждение от жизни.

Лютеранское богослужение – это попытка говорить о вере абстрактно, догматично, в отрыве от жизни. Но в этом стихотворении присутствует и нечто иное. Здесь чувства поэта выражены более дифференцированно, тоньше и драматичнее. Лютеранское богослужение – это не только прощание с верой, но и – именно как прощание – последний диалог с ней. В этом смысле оно символизирует и наступающий секуляризм, и последний форпост религии на его пути. Именно поэтому Тютчев и признается, что он любит богослужение лютеран, невзирая на внешнюю простоту и сдержанность, наполненное, если можно так сказать, экзистенциально-эсхатологическим трагизмом. И, в конце концов, в определенном смысле творение поэта стало провидческим: образ пустоты лютеранской церкви, найденный Тютчевым, предвосхитил опустошенность разграбленных и разрушенных церковей советского периода, а также и пустоту современных храмов, в которых стремительно уменьшается число прихожан...

Протестантизм как чужая отчизна

Отметим, что все приведенные стихотворения написаны в соприкосновении с тем протестантизмом, который существовал в XIX веке и который, действительно, если не считать высочайших богословских взлетов, вряд ли известных русским поэтам, по большей части был выхолощен и стерилизован веяниями как примитивного консерватизма, так и эпохи

Образ пустоты лютеранской церкви, найденный Тютчевым, предвосхитил опустошенность разграбленных и разрушенных церковей советского периода, а также и пустоту современных храмов

→ Просвещения. Этот протестантизм имел мало общего с подлинным духом Лютера и Реформации, с теми глубокими личными борениями, которые породили данную ветвь христианства, а также не достиг еще той экзистенциальной напряженности и стремления к обновлению, с которыми он будет отвечать на многочисленные вызовы века двадцатого.

Все приведенные стихотворения написаны в соприкосновении с тем протестантизмом, который существовал в XIX веке и который, по большей части, был выхолощен и стерилизован веяниями как примитивного консерватизма, так и эпохи Просвещения

Тем не менее, даже такой протестантизм оказался способен стать источником не только горькой иронии и печальных размышлений. Здесь я предлагаю обратиться к двум стихотворениям уже несколько раз упомянутого Николая Гумилёва: «Евангелическая церковь», написанному в 1919 году и «Стокгольм», созданному годом ранее. Оба текста обнаруживают ясные параллели и проникнуты похожим настроением, в обоих появляется мотив протестантского богослужения. При этом, если место, о котором идет речь, в стихотворении «Стокгольм» ясно прослеживается уже из самого названия (нужно принять во внимание, что Николай Гумилёв посетил Скандинавию как раз весной 1918 года), то в случае «Евангелической церкви», хотя это и маловероятно, но всё же можно предположить и то, что оно было написано в Петрограде¹. Как бы то ни было, стихотворение «Евангелическая церковь» резко отличается от тех, что мы цитировали до этого. Звучит оно так: «Тот дом был красная, слепая, // Остроконечная стена. // И только наверху, сверкая, // Два узких виделись окна. //

Я дверь толкнул. Мне ясно было, // Здесь не откажут пришлецу, // Так может мертвый лечь в могилу, // Так может сын войти к отцу. //

Дрожал вверху под самым сводом // Неясный остов корабля, // Который плыл по бурным водам // С надежным кормчим у руля. //

¹ Если мы все-таки будем исходить из того, что стихотворение написано в Петрограде, то тогда следует задаться вопросом о том, какое именно церковное здание могло иметься в виду. В самом тексте стихотворения можно найти лишь весьма скудные указания на ее архитектуру, тем не менее, они присутствуют. Важным является то, что поэт именует церковь «евангелической». В случае лютеранской церкви он, скорее всего, прямо и назвал бы ее лютеранской. В случае евангельских церквей слово «евангелический» опять оказывается мало подходящим. Таким образом, логично было бы предположить, что речь может идти о реформатской церкви. В таком случае наиболее подходящим вариантом была бы немецкая реформатская церковь на Мойке: неороманское здание из темно-красного кирпича с высокой башней. О ее интерьере нам известно мало. Упоминается только, что она была украшена богатой лепниной и имела ценные витражи (см. Helmut Tschöerner, *St. Petersburg. Stadt der Kirchen – Ort des Glaubens*, Erlangen 2001, с.210 и далее).

В пользу этой церкви может говорить и то, что в стихотворении определенную роль играет тематика воды-корабля: немецкая реформатская церковь находилась непосредственно на берегу Мойки. Сегодня после радикальной перестройки, сделанной в советское время, здание изменилось до неузнаваемости.

А снизу шум вносился многий, // То пела за скамьей скамья, // И был пред ними некто строгий, // Читавший книгу Бытия. //

И в тот же самый миг безмерность // Мне в грудь плеснула, как волна, // И понял я, что достоверность // Теперь навек обретена. //

Когда я вышел, увидали // Мои глаза, что мир стал нем, // Предметы мира убежали, // Их будто не было совсем. //

И только на заре слепящей, // Где небом кончилась земля, // Призывно реял уходящий // Флаг неземного корабля.»

Перед нами сделанное несколькими широкими, но яркими мазками описание протестантского богослужения и того впечатления, которое оно произвело на «пришлеца», как характеризует себя сам лирический герой стихотворения. Причем впечатление производит не столько содержание того, что читается или поется, а сама – говоря словами Тютчева – «строгость, важность и простота» богослужебного действия как таковая: торжественность библейского чтения, наложенная на мощное пение общины. Лирический герой действительно находится под сильным впечатлением от посещения евангелической церкви. Но сформулировать характер этого впечатления всё же довольно сложно. С одной стороны, герой чувствует себя в евангелической церкви словно дома: «здесь не откажут пришлецу», речь идет об обретении безмерности², достоверности. «Так может сын войти к отцу», – эта строчка может служить намеком и на евангельскую историю о блудном сыне, символизирующую полное преодоление отчуждения между человеком и Богом.

Однако такое ощущение обретения отчужденности окрашено в довольно тревожные тона: «так может мертвый лечь в могилу» – эти слова трудно истолковать в исключительно позитивном ключе. А последние две строфы наполнены весьма противоречивыми мыслями. Обратим внимание, прежде всего, на парадоксально сформулированное высказывание: выйдя из церкви, герой видит, что мир стал нем. Даже на физическом уровне происходит смешение чувств! В любом случае, можно констатировать, что окружающий мир перестает что-либо говорить герою стихотворения, то есть теряет для него свою символическую силу. Но ведь это трагедия для поэта! Фактически весь мир превращается в «пустую храмину» Тютчева. Остался только – опять же словно вера у Тютчева – уходящий куда-то «неземной корабль», связанный так или иначе с евангелической церковью. Он зовет за собой, но решительно последовать этому призыву означает окончательно уйти из мира, по сути, умереть.

² Очень интересно сравнить эту строчку из стихотворения Гумилева с известным определением Фридрихом Шлейермахером религии как «чувства и вкуса к бесконечному».

Обретение дома в чужой церкви, о котором пишет поэт, обретение им подлинности, вернее – «достоверности» (думается, Гумилёв не случайно выбирает столь сухое, почти бюрократическое выражение) дается дорогой ценой: потерей своей поэтической связи с миром, и более того, становится предвестием трагического конца. Но одновременно в том впечатлении, которое производит описанное поэтом богослужение, ощущается и нечто по-настоящему возвышенное, чувство легкости и освобождения. Таким образом, мы имеем дело с весьма сложным переживанием, которое парадоксальным образом, но всё же глубоко органично соединяет в себе противоположные элементы: «Так может мертвый лечь в могилу, // так может сын войти к отцу».

Теперь посмотрим на стихотворение «Стокгольм» (которое – отмечу в скобках – пожалуй, мое любимое у Гумилёва): «Зачем он мне снился, смятенный, нестройный, // Рожденный из глуби не наших времен, // Тот сон о Стокгольме, такой беспокойный, // Такой уж почти и нерадостный сон... //

Быть может, был праздник, не знаю наверно, // Но только всё колокол, колокол звал; //

Как мощный орган, потрясенный безмерно, // Весь город молился, гудел, грохотал... //

Стоял на горе я, как будто народу // О чем-то хотел проповедовать я, // И видел прозрачную тихую воду, // Окрестные рощи, леса и поля. //

"О, Боже, — вскричал я в тревоге, — что, если // Страна эта истинно родина мне? // Не здесь ли любил я и умер не здесь ли, // В зеленой и солнечной этой стране?" //

И понял, что я заблудился навеки // В слепых переходах пространств и времен, // А где-то струятся родимые реки, // К которым мне путь навсегда запрещен.»

В этом тексте нетрудно увидеть три измерения. Во-первых, литургическое. Формально описывается некий процесс, имеющий явные признаки богослужения, причем богослужения протестантского: звон колоколов, игра органа, молитва, проповедь. Во-вторых, измерение библейско-христологическое. Лирический герой стоит на горе, как будто собираясь о чем-то проповедовать народу. Это ясная отсылка к Нагорной проповеди. И, в-третьих, личностно-экзистенциальное измерение: герой потерян в пространстве и времени, он не может однозначно истолковать свои собственные чувства («такой беспокойный, такой уж почти и нерадостный сон»). «Стокгольм» соединяет в себе мотивы из «Евангелической церкви» и из, наверное, самого знаменитого стихотворения Гумилева «Заблудившийся трамвай», написанного, кстати, примерно в то же самое время, что и рассматриваемые нами произведения, в 1918-19 году.

Рассматривая оба стихотворения вместе, можно сказать, что, хотя протестантское богослужение производит на их героя не обязательно положительное впечатление, но оно уж точно никак не является чем-то плоским, пошлым и безжизненным. Скорее, наоборот:



«Высокий спорщик, неужели, // Играя внукам свой хорал, // Опы духа в самом деле // Ты в доказательстве искал?...»

исключительная сложность чувств поэта свидетельствует в пользу того, что протестантское богослужение – причем во многом именно благодаря своей простоте – может иметь огромную экзистенциальную глубину. Герои стихотворений, оставаясь чуждыми протестантскому богослужению, всё же заново обретают себя в нем, – пусть и переживая это обретение как потерю себя в мире и потерю мира для себя. В протестантизме поэт находит себе своего рода «чужую отчизну».

Практически во всех рассмотренных нами великих произведениях русской поэзии речь шла не столько о протестантизме как таковом, сколько о внутренних переживаниях поэтов. Истины протестантского вероисповедания и богословия им совершенно не интересны. В протестантизме авторы стихов находят своего рода зеркало или образ для самоидентификации, помогающий лучше понять себя самого и свое время. Иногда это происходит в ироническом духе, иногда с ощущением глубокой трагичности происходящего, иногда с отстраненной горечью, иногда со сложным переплетением тревоги, ностальгии и чувства освобождения. Приходится признать: практически везде протестантизм – это нечто подчеркнуто чуждое, но именно поэтому помогающее лучше осознать собственное отчуждение, а также попытаться найти пути его преодоления.

Однако и мы, протестанты, можем извлечь из таких подходов уроки для себя. Главным из них я вижу задачу, не отказываясь от свойственных нашей традиции простоты, духовной трезвости и строгости, всё же искать большей близости с многообразием окружающего мира, большего экзистенциального напряжения и большей поэтичности в нашей церковной жизни. ■

Истины протестантского вероисповедания и богословия авторам стихов совершенно не интересны. В протестантизме они находят своего рода зеркало или образ для самоидентификации, помогающий лучше понять себя самого и свое время

Дети и взрослые рисуют Реформацию

В год празднования юбилея Реформации в одной из сибирских школ родилась идея представить это историческое событие в рисунках. 20 учащихся и выпускников школы № 16 г. Томска, а также учащиеся других школ города и области (в основном, из числа российских немцев), прихожане лютеранской общины и представители немецких общественных организаций нарисовали сюжеты, связанные с Реформацией – портреты деятелей, исторические сцены и здания.

Название каждой из работ связано с одной из букв русского алфавита. Так получилась целая азбука – «Азбука Реформации»! Именно так и называется проект. Выпуск Азбуки как отдельного издания запланирован на октябрь этого года.

Руководит проектом учитель истории и обществознания школы № 16 Виталий Шмидт. Но это не единственная должность Виталия. Также он является председателем совета и проповедником

евангелическо-лютеранской общины г. Томска, которая осуществляет финансовую поддержку проекта. Это хороший пример взаимодействия лютеранской Церкви с государственной организацией в сфере образования и культуры.

Создатели «Азбуки Реформации» надеются, что ее выход в свет будет способствовать распространению знаний как об истории реформационного движения, так и о лютеранстве. Такая задача весьма актуальна не только в связи с годом 500-летия Реформации, но и с недостатком информации о ней и ее последствиях в современном российском обществе. Впрочем, и сами участники проекта в ходе работы над ним обогатились новыми знаниями, ведь сперва они должны были изучить историю Реформации.

Вот несколько рисунков из Азбуки, а также впечатления их авторов. Они рассказывают о том, почему участвовали в этом проекте, что нового узнали о Реформации и что она значит для них лично.

Руководит проектом учитель истории и обществознания школы № 16 Виталий Шмидт. Также он является председателем совета и проповедником евангелическо-лютеранской общины г. Томска

Geleitet wird das Projekt von Vitalij Schmidt, Lehrer für Geschichte und Gesellschaftskunde an der Schule Nr. 16. Er ist außerdem Vorsitzender des Kirchenvorstandes und Prediger in der evangelisch-lutherischen Gemeinde von Tomsk



Kinder und Erwachsene malen die Reformation

Im Jahr der Jubiläumsfeier der Reformation entstand in einer Schule Sibiriens die Idee, das historische Ereignis in Zeichnungen darzustellen. Zwanzig Schüler und Absolventen der Schule Nr. 16 in Tomsk sowie Schüler anderer Schulen der Stadt und des Gebiets (hauptsächlich Russlanddeutsche), Besucher der lutherischen Gemeinde und Vertreter der deutschen gesellschaftlichen Organisationen zeichnen Reformationsmotive: Porträts der handelnden Personen, Szenen der Ereignisse und Gebäude.

Der Name jedes Werks ist mit einem Buchstaben aus dem russischen Alphabet verbunden. So ist ein ganzes „ABC-Buch der Reformation“ entstanden! So heißt das Projekt auch. Das ABC-Buch soll im Oktober dieses Jahres als eigenes Buch veröffentlicht werden.

Geleitet wird das Projekt von Vitalij Schmidt, Lehrer für Geschichte und Gesellschaftskunde an der Schule Nr. 16. Er ist außerdem Vorsitzender des Kirchenvorstandes und Prediger in der evangelisch-lutherischen Gemeinde von Tomsk, welche das Projekt finanziell

unterstützt. Das ist ein gutes Beispiel für Zusammenarbeit der lutherischen Kirche mit einer staatlichen Einrichtung im Bereich Bildung und Kultur.

Die Ersteller des „ABC-Buches der Reformation“ hoffen, dass sein Erscheinen die Verbreitung von Kenntnissen über die Geschichte der Reformationsbewegung sowie über das Luthertum fördern wird. Diese Aufgabe ist nicht nur im Zusammenhang mit der 500-Jahrfeier der Reformation sehr aktuell, sondern auch wegen der fehlenden Informationen über sie und ihre Folgen in der heutigen russischen Gesellschaft. Im Übrigen haben auch die Teilnehmer des Projektes selber während der Arbeit daran neue Kenntnisse erworben, denn zu Anfang mussten sie sich ja mit der Geschichte der Reformation vertraut machen.

Hier sind einige Zeichnungen aus dem ABC-Buch und ein paar Eindrücke ihrer Autoren. Sie erzählen, warum sie an dem Projekt teilgenommen haben, was sie Neues über die Reformation erfahren haben und was diese für sie persönlich bedeutet.



Ученица 5 класса школы № 16 Елизавета Миллер представляет проект «Азбука Реформации» на уроке истории в апреле 2017 года

Schülerin der 5. Klasse an der Schule Nr. 16 Elisaweta Miller stellt das Projekt „ABC-Buch der Reformation“ im Geschichtsunterricht im April 2017 vor



„Ablassbrief“

Vladislav Knaub, Schüler der 10. Klasse
an der Schule Nr. 16 in Tomsk

„Ich bin der Ansicht, dass die Reformation vieles verändert hat, besonders im Norden Europas. Ohne die Reformation wären viele Länder der Neuen Welt, Australien und sogar die Deutschen in Russland katholisch und nicht evangelisch. Ich bin froh, dass die Reformation stattgefunden hat, ohne sie wäre ich wahrscheinlich gar nicht geboren. Ich bin selbst nicht gläubig, und meine Eltern sind in der orthodoxen Kirche getauft. Von der Reformation habe ich hauptsächlich aus Geschichtsbüchern erfahren.“

«Индульгенция»

Владислав Кнауб, ученик 10 класса
школы № 16 г. Томска

«Я считаю, что Реформация многое изменила, особенно на Севере Европы. Если бы не Реформация многие страны Нового Света, Австралия и даже немцы России были бы католиками, а не протестантами. Я рад, что Реформация произошла, если бы не она, то я, скорее всего, и не родился бы. Я сам неверующий, и мои родители были крещены в православной церкви. О Реформации я узнал, в основном, из учебников по истории».

Жан Кальвин (1509 – 1564)

Французский богослов, реформатор церкви, основатель кальвинизма. Главное его сочинение — «Наставление в христианской вере». Взяв за образец Новый Завет и древнюю церковь, Кальвин создал в Женеве такую церковную организацию, которая впоследствии стала нормативной для реформатских церквей во всем мире.

«Жан Кальвин»

Екатерина Рак, ученица 8 класса
школы № 16 г. Томска

«Я просто хотела помочь Виталию Владимировичу в его проекте. Хотела внести свой вклад. Поймать чему-то новому и углубиться в историю. Думаю, эта книга принесет много пользы для молодежи, детей, да и для общества в целом. Для меня Реформация – это то, что направляет людей к вере».



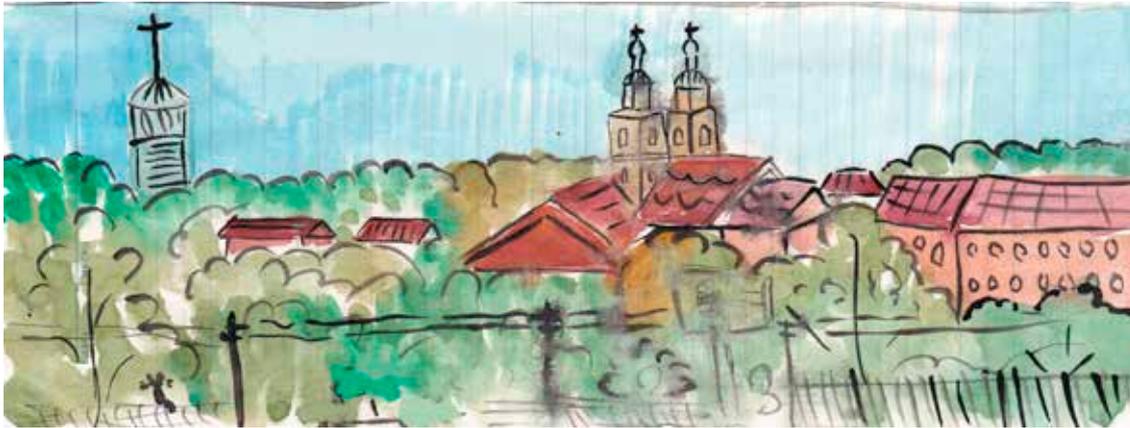
Рак Екатерина

МАОУ СОШ №16 г. Томск 8 класс

„Johannes Calvin“

Ekaterina Rak, Schülerin der 8. Klasse
an der Schule Nr. 16 in Tomsk

„Ich wollte Herrn Schmidt einfach bei seinem Projekt helfen. Ich wollte einen Beitrag dazu leisten. Etwas Neues lernen und tiefer in die Geschichte eindringen. Ich denke, dieses Buch wird Jugendlichen und Kindern großen Nutzen bringen und auch der Gesellschaft insgesamt. Für mich ist die Reformation das, was Menschen zum Glauben führt.“



«Виттенберг»

Анна Банземир, ученица лицея №7
г. Томска, Национально-культурная
автономия немцев г. Томска

«Я считаю, что Реформация – это отличный пример того, что можно придерживаться общих норм и ценностей, сохраняя при этом национальную культуру, и таким образом делать эти ценности и правила поведения в обществе понятнее для представителей разных народов».

„Wittenberg“

Anna Bansemir, Schülerin des Lyzeums Nr. 7
in Tomsk, Nationale Kulturautonomie
der Deutschen in Tomsk

„Ich bin der Ansicht, dass die Reformation ein Paradebeispiel dafür ist, dass man die allgemeinen Normen und Werte vertreten und dabei die nationale Kultur erhalten kann, wodurch man diese Werte und Verhaltensregeln in der Gesellschaft verständlicher für Vertreter unterschiedlicher Völker macht.“

„Leipziger Disputation“

Сofia Patalacha, Schülerin der 6. Klasse
an der Schule Nr. 16 in Tomsk

„Während der Teilnahme am Projekt habe ich neue Kenntnisse über die Reformation und über Martin Luther erworben. Mit seinem Namen sind sehr bedeutende Ereignisse verbunden, wichtige Wandlungen in Religion und Kultur. Es war sehr interessant, mich in sein Leben zu vertiefen, etwas über die Persönlichkeit dieses Menschen zu erfahren. Durch dieses Projekt hatte ich die Möglichkeit dazu!“

«Лейпцигский диспут»

София Паталаха, ученица 6 класса
школы № 16 г. Томска

«В ходе участия в проекте я приобрела новые знания о Реформации и Мартине Лютере. С его именем связаны очень значимые события, важные преобразования в религии и культуре. Было очень интересно погрузиться в его жизнь, узнать о личности этого человека. Благодаря данному проекту, у меня была такая возможность!».

Й й

Лейпцигский диспут

Одно из ключевых событий Реформации. Диспут между защитником папской власти И. Экком и М. Лютером и его сторонником А. Карлштадтом в 1519 г. Послужил толчком к развитию идей Реформации. После Лейпцигского диспута Лютер порвал с католицизмом и приступил к созданию реформированной церкви.



Паталаха София

МАОУ СОШ №16 г. Томска 6 класс



«Лютеране России». Старейшей лютеранской церковью считается Церковь Святого Михаила в Москве, основанная в 1576 году.

Ксения Классен, студентка 5 курса

Томского государственного архитектурно-строительного университета

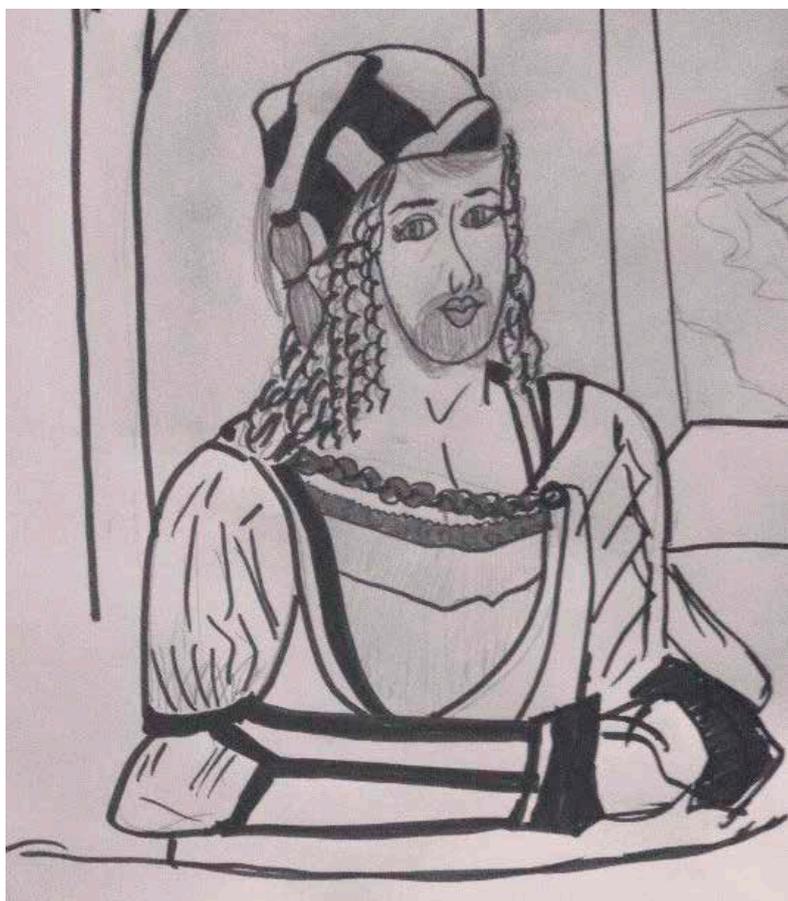
«Для меня какого-то личного значения Реформация не имеет. Просто знаю об этом как об историческом событии, в ходе которого зародился протестантизм. Мне немного сложно рассуждать, я не настолько хорошо ориентируюсь в истории, но думаю, что Реформация имела большое значение для мировой культуры, хотя бы потому что Библию стали переводить на разные языки и уровень образования вырос».

„Lutheraner Russlands“. Als älteste lutherische Kirche Russlands gilt die 1576 gegründete St. Michaeliskirche in Moskau.

Xenia Klassen, Studentin im 5. Studienjahr

an der Staatlichen Universität Tomsk für Architektur und Bauwesen

„Für mich hat die Reformation keine persönliche Bedeutung. Ich weiß bloß davon als von dem historischen Ereignis, während dessen der Protestantismus entstand. Es fällt mir ein bisschen schwer, darüber Betrachtungen anzustellen, ich kenne mich nicht so gut in Geschichte aus, aber ich denke, die Reformation hatte eine große Bedeutung für die Weltkultur, allein schon weil man anfangs, die Bibel in verschiedene Sprachen zu übersetzen, und das Bildungsniveau anwuchs.“



«Альбрехт Дюрер»

Ксения Штель, прихожанка церкви христиан веры евангельской (пятидесятников)

«Церковь Прославления» г. Томска

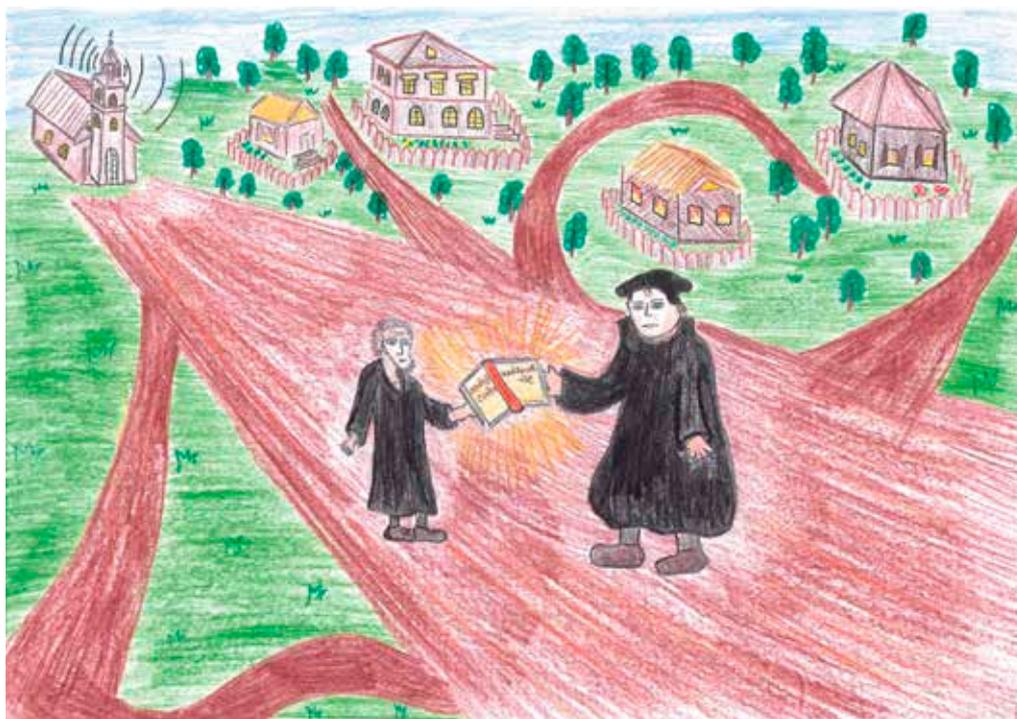
«Благодаря Реформации, люди познали живого Бога. Восстановили с Ним прямое общение, а не через изображения и обряды. Так же познали суть “живого” христианства, в полной мере раскрыли для себя Евангелие».

„Albrecht Dürer“

Xenia Stell, Mitglied der Kirche der Christen des Evangeliumsglaubens (Pfingstler)

„Anbetungskirche“ der Stadt Tomsk

„Durch die Reformation sind Menschen zur Erkenntnis des lebendigen Gottes gekommen. Sie haben die direkte Gemeinschaft mit ihm, nicht durch Abbildungen und Rituale, wieder aufgenommen. Sie haben auch das Wesen eines „lebendigen“ Christentums erkannt und das Evangelium in vollem Maß für sich entdeckt.“



«Аугсбургское исповедание»

Анна Сидорова (Битнер), студентка
Национального исследовательского
Томского государственного университета

„Augsburger Bekenntnis“

Anna Sidorowa (Bittner), Studentin
an der Nationalen Staatlichen
Forschungsuniversität Tomsk



«Хоровое пение». Лютеране восстановили древнюю церковную практику исполнения духовных песнопений всеми прихожанами, а не только священнослужителями и церковным хором.

Надежда Эрнст, Томский областной
Российско-немецкий Дом

„Chorgesang“. Die Lutheraner kamen zur alten Praxis zurück, geistliche Gesänge durch alle Kirchenbesucher und nicht nur durch die Geistlichen und den Kirchenchor singen zu lassen.

Nadeshda Ernst, Russisch-Deutsches Haus
des Gebietes Tomsk



«Узы брака»
Виктория Мелер, Челябинск

„Ehebande“
Viktoria Meler, Tscheljabinsk



«Джон Уиклиф»
Елизавета Миллер, ученица 5 класса
школы № 16 г. Томска

„John Wyclif“
Elisaweta Miller, Schülerin der 5. Klasse
an der Schule Nr. 16 in Tomsk



«Крестьянская война в Германии»
Валерий Городецкий, Томский областной
Российско-немецкий Дом

„Bauernkrieg in Deutschland“
Walerij Gorodezkij, Russisch-Deutsches
Haus des Gebietes Tomsk



«Мартин Лютер»

Сергей Зиннер, ученик 9 класса
школы № 16 г. Томска

„Martin Luther“

Sergej Sinner, Schüler der 9. Klasse
an der Schule Nr. 16 in Tomsk



«Щит веры» (Еф. 6,16)

Артём Риферт, ученик 5 класса
школы №16 г. Томска

„Schild des Glaubens“ (Eph. 6,16)

Artjom Riefert, Schüler der 5. Klasse
an der Schule №16 in Tomsk



«Подъем культуры»

Наталья Юркина (Оккель),
Национально-культурная автономия
немцев г. Томска

„Aufstieg der Kultur“

Natalja Jurkina (Okkel), Nationale
Kulturautonomie der Deutschen in Tomsk

«Люди забыли, что музыку слушают»

Одна советская газета писала, что органистов в СССР меньше, чем космонавтов

Говоря о наследии Реформации на территории бывшей Российской империи, нельзя обойти вниманием органную культуру, которую принесли с собой церкви западнохристианской традиции. В середине XIX столетия в Российской империи существовало уже 2000 «иноверческих» церквей, во многих из которых был орган. Помимо Москвы и Петербурга органы фирм “Rieger-Kloss”, “Sauer”, “Steunmeyer” и “Walcker” были изготовлены для церквей Архангельска и Баку, Киева и Одессы, Самары, Саратова, Тбилиси и других городов. Только для церквей в колониях российских немцев в период до 1917 года из Германии и Австрии в Россию было доставлено всего около 100 органов. Лютеранские церкви, наряду с реформатскими и католическими, становятся очагами органной культуры. Известен факт, что в лютеранской церкви св. Петра в Петербурге обучался игре на органе молодой П.И. Чайковский.

Всё меняется с приходом советской власти. Огромное количество церковных органов было уничтожено, небольшая их часть перенесена из закрытых церквей в другие здания.

Сегодня в возрожденных церквях снова зазвучал орган. И не только на богослужениях. Лютеранские общины во Владивостоке и Одессе, Самаре

и Москве, Гродно и Петербурге, Ярославле и Уфе приглашают слушателей на органные концерты.

О том, можно ли сегодня говорить о возрождении органной культуры на постсоветском пространстве, как обучались игре на органе и где слушали орган в советское время, и о глубокой связи инструмента с церковной традицией мы беседуем с органистом и педагогом Григорием Варшавским.

Григорий Владимирович Варшавский окончил в 1982 году Ленинградскую консерваторию как пианист, органист и музыковед. В 1987 году – аспирантуру на Кафедре истории музыки. В настоящее время является старшим преподавателем Кафедры старинной музыки (органа, клавесина и карильона) СПбГУ и концертующим музыкантом. С 1990 года Григорий Владимирович занимает должность органиста в лютеранской церкви св. Екатерины в Санкт-Петербурге. По его инициативе уже не первый год в церкви работает уникальный проект – органная студия для взрослых, учеником которой может стать любой житель города, имеющий музыкальные способности и интерес к органному искусству.

В лютеранской церкви вы впервые играли на органе в городе Печоры Псковской обл. в 1980 году. Как это было? Это была действующая церковь?

Да. Даже, вероятно, еще раньше. Печорская церковь, кажется, единственная лютеранская церковь в России, которая вообще не закрывалась. Привел меня туда мой однофамилец, сегодня старейший церковный органист Петербурга, физик по специальности, Сергей Петрович Варшавский. Да, физик, доцент Горного института. Профессиональным музыкантам играть (петь) в церкви тогда, «в разгар застоя», было нельзя. Музыканты ведь – «бойцы идеологического фронта». Не углядишь, из комсомола исключат (то есть и из консерватории тоже и права преподавать лишат). Входил в церковь оглядываясь, с опаской, запирался изнутри. Абсолютно уверен, что однажды меня



„Die Menschen haben vergessen, dass man Musik *hört*“

Wenn es um das Erbe der Reformation auf dem Gebiet des ehemaligen Russischen Reiches geht, muss man auch die Orgelkultur berücksichtigen, welche die Kirchen aus der westlichen christlichen Tradition mitbrachten. Mitte des 19. Jahrhunderts gab es im Russischen Reich schon 2000 „andersgläubige“ Kirchen, von denen viele eine Orgel hatten. Nicht nur für Kirchen in Moskau und St. Petersburg, sondern auch für die in Baku, Kiew und Odessa, Samara, Saratow, Tbilisi und anderen Städten wurden Orgeln der Firmen „Rieger-Kloss“, „Sauer“, „Steinmeyer“ und „Walcker“ angefertigt. Allein für die Kirchen in den russland-deutschen Kolonien wurden bis 1917 insgesamt ungefähr 100 Orgeln aus Deutschland und Österreich nach Russland geliefert. Die lutherischen Kirchen werden zusammen mit den reformierten und katholischen zu Brennpunkten der Orgelkultur. Es ist bekannt, dass der junge P. Tschaikowski in der lutherischen St. Petrikirche in Petersburg das Orgelspielen lernte.

Alles ändert sich, als die Sowjets an die Macht kommen. Eine riesige Anzahl an Kirchenorgeln wurde zerstört, ein kleiner Teil wurde aus den außer Betrieb genommenen Kirchen in andere Gebäude versetzt.

Heute erklingt die Orgel erneut in den wiedererstandenen Kirchen. Und das nicht nur im Gottesdienst. Die lutherischen Gemeinden in Wladiwostok und Odessa, Samara und Moskau, Grodno und Petersburg, Jaroslawl und Ufa laden zu Orgelkonzerten ein.

Ob man heute von einer Wiedererstehung der Orgelkultur im postsowjetischen Raum sprechen kann, wie zu Sowjetzeiten das Orgelspielen gelernt wurde und wo Orgeln zu hören waren, wie tief das Instrument mit der kirchlichen Tradition verbunden ist – darüber sprechen wir mit dem Organisten und Pädagogen Grigorij Warschawskij.

Grigorij Wladimirowitsch Warschawskij schloss im Jahr 1982 das Studium am Leningrader Konservatorium als Pianist, Organist und Musikwissenschaftler ab. 1987 absolvierte er die musikwissenschaftliche Aspirantur. Heute ist er Hauptfachdozent am Lehrstuhl für Alte Musik (Orgel, Cembalo und Glockenspiel) an der Staatlichen Universität St. Petersburg. Außerdem gibt er als Musiker Konzerte. Seit 1990 hat Grigorij Warschawskij den Posten des Organisten in der luthersichen St. Katharinenkirche

in St. Petersburg inne. Auf seine Initiative hin läuft in der Kirche schon seit mehreren Jahren ein einmaliges Projekt: ein Orgelstudio für Erwachsene, an dem jeder Einwohner der Stadt als Schüler teilnehmen kann, der musikalisch begabt und an Orgelmusik interessiert ist.

Das erste Mal, dass Sie in einer lutherischen Kirche Orgel gespielt haben, war in Petschora, Gebiet Pskow, im Jahr 1980. Wie war das? War die Kirche in Betrieb?

Ja. Wahrscheinlich sogar noch früher. Die Kirche in Petschora ist die wohl einzige lutherische Kirche in Russland, die überhaupt nicht geschlossen wurde. Ich kam dorthin durch einen Namensvetter, der heute der älteste Kirchenorganist Petersburgs ist: Sergej Petrowitsch Warschawskij, Physiker von Beruf. Ja, Physiker, Dozent am Bergbauinstitut. Berufsmusiker durften damals, als „der Stillstand in vollem Gang war“, nicht in einer Kirche spielen oder singen. Die Musiker waren ja „Kämpfer an der ideologischen Front“. Wenn sie nicht aufpassten, wurden sie aus dem Komsomol ausgeschlossen (und damit verloren sie auch den Platz am Konservatorium und das Recht zu lehren). Wenn ich in die Kirche hineinging, sah ich mich immer sorgfältig um und schloss dann von innen ab. Ich bin ganz sicher, dass ich einmal doch beobachtet wurde. Aber es folgten keine organisatorischen Konsequenzen. Na ja, und mein Motiv, in die Kirche zu gehen, war ganz einfach: Im Sommer ist das Konservatorium geschlossen, und üben muss man irgendwo ... Außerdem spielte ich gern Orgel (und tue es auch heute noch wahnsinnig gern!). Und was für eine Orgel da ist! Das romantische Instrument klingt in der großen Akustik wie eine gigantische Orgel in der Art der Domkirche in Riga. Ich kam auch manchmal zu den Gottesdiensten. Aus Neugier. Einen eigenen Pastor gab es nicht, es kam ein Großväterchen aus Estland, und er sprach aus irgendeinem Grund estnisch ...

Hätten Sie sich damals vorstellen können, dass sie in der Zukunft Kirchenorganist in einer lutherischen Kirche werden?

Organist ist ein schwerer Beruf ... und ein angstmachender ... damals wie heute ... Eine sowjetische Zeitung schrieb, dass es in der UdSSR weniger Organisten als Kosmonauten gebe. Die Orgel ist wirklich

Eine sowjetische Zeitung schrieb, dass es in der UdSSR weniger Organisten als Kosmonauten gebe



Мы четко представляли себе, что орган – это инструмент особенный, инструмент сакральный, инструмент мистический

→ выследили. Но оргвыводов не последовало. Ну, а мотив прихода в церковь был очень прост: летом консерватория закрыта, а заниматься где-то надо... Да и на органе очень любил играть (да и сегодня люблю до безумия). А какой там орган! Романтический инструмент в большой акустике звучит как богатейший орган-гигант, наподобие Домского в Риге. И на богослужение заходил. Из любопытства. Своего пастора не было, приезжал дедушка из Эстонии... говорил, почему-то, по-эстонски...

Могли ли вы тогда предположить, что в будущем станете церковным органистом в лютеранской церкви?

Тяжелая это специальность – органист... И страшная... И тогда, и теперь... Одна советская газета писала, что органистов в СССР меньше, чем космонавтов. Действительно, орган – инструмент очень редкий, очень большой и совсем уж дорогой. Дома не поставишь. Арсений Николаевич Котляревский, профессор Киевской консерватории, говорил так: «Ты – органист, пока у тебя в кармане ключи от органа». Жестоко. Играя в 1982 году госэкзамен по органу в Глазуновском зале Ленинградской консерватории, я четко понимал, что, скорее всего, играю на органе в последний раз в жизни. «Инфраструктура» органного инструментария была такая: были гигантские органы в концертных залах, достаточно плохие, и была пара учебных. Всё. То есть, если органист заканчивает вуз по специальности «орган», он может делать всё что угодно, только к органу он не притронется. В консерваторию ему доступ дальше закрыт, а в филармонии кто ему даст заниматься? А органист должен заниматься. И постоянно играть концерты тоже... Проблему удалось решить гораздо позже – во многом, кстати говоря, благодаря сидящему перед вами. Потому, что когда в 1998 году был поставлен наш орган в церкви св. Екатерины, он оказался, как сказал один органист, «Дорогой жизни». Он – тот инструмент, который «в серединке»: он небольшой и достаточно яркий и богатый по звучанию; к нему есть доступ, на нем можно было играть много концертов. И сейчас много органных концертов на нем играется, в сущности, это один из ведущих по количеству концертов у нас в городе орган.

Правильно ли я понимаю, что сейчас Петербург стоит особняком в России и СНГ по количеству органов в городе, в том числе, церковных органов?

Это неправда. Так было. До Первой мировой войны... Петербург действительно был одной из европейских органных столиц. Сегодня в Москве куда больше инструментов, и они ярче! Может быть, церковных окажется меньше. Я был в мае месяце в местечке Дубровицы Подольского района Московской области. Там поставила фирма Späth орган французский, романтический. Безумной красоты инструмент! Я потрясен.

В Москве инструменты многообразнее, они больше по размеру. Это и орган в Московском доме музыки – самый большой в России, это и Консерватория, где, по-моему, сейчас девять органов, два органа в Музее Глинки. Там в музыкальных школах огромное количество органов, причем больших. Там новые инструменты. Питер сейчас не является ни в коем случае никакой органной столицей России. Есть, например, город Калининград, где только в кафедральном соборе стоит два огромных органа. И в старом костеле, который сейчас является залом филармонии, и в других церквях. Если брать количество органных труб на количество населения, то в России по этим показателям будут, скорее, лидировать Калининград и... Кондопога.

Почему Кондопога?!

Есть в Карелии такой удивительный город Кондопога, где есть Дворец искусств. Чего там только нет! (Вообще это коммунизм в отдельно взятом городе.) Это дворец с кожаными диванами, с мраморными фонтанами, с роскошным гигантским органом (и не одним!) при полном отсутствии акустики! Я там играл. В городе есть огромный целлюлозно-бумажный комбинат, сотрудников которого в советское время «оборганивали». То есть группу из 500 человек принудительно, бесплатно засаживали туда на концерт – выводили их и «оборганивали»! Была такая тенденция.

А как в советское время учились органному исполнительству без знаний о церковной традиции?

Почему же без знаний? Вы знаете, запретный плод – сладок. Мы четко представляли себе, что орган – это инструмент особенный, инструмент сакральный, инструмент мистический. И в консерватории даже на кафедре марксизма-ленинизма и в Университете марксизма-ленинизма, который я закончил с отличием, нам попадались умные люди, которые много чего нам читали о Церкви, о вере. «Вы что же думаете, если вы мне скажете, что Бога нет, я вам сразу пятерку по научному атеизму поставлю?», – цитата из того времени... И, конечно же, я ходил на Ковенский¹, скрываясь, слушая орган, и мне это нравилось, и я играл там, в том числе, тогда, когда это было нельзя (фактически до перестройки это было нельзя).

¹ Речь идет о католическом храме Божией Матери Лурдской в Ковенском переулке в г. Санкт-Петербурге, который не был закрыт в советское время. Долгие годы именно он был единственным в городе и одним из двух на территории России действующим католическим храмом. Духовый орган в неоготическом стиле на 20 регистров, изготовленный в 1910 году фирмой «E. F. Walcker», был установлен в храме в 1957 году. Ранее инструмент находился в церкви при Евангелическом госпитале на Лиговском проспекте.

ein sehr seltenes, sehr großes und erst recht ein teures Instrument. Man kann sich keine zu Hause hinstellen. Arsenij Kotljarewskij, Professor am Kiewer Konservatorium, hat einmal gesagt: „Du bist Organist, solange du die Schlüssel für die Orgel in der Tasche hast“. Das ist hart. Als ich im Jahr 1982 mein Staatsexamen auf der Orgel im Glasunow-Saal des Leningrader Konservatoriums absolvierte, war mir völlig klar, dass ich wahrscheinlich das letzte Mal im Leben Orgel spielte. Die „Infrastruktur“ des Orgelinstrumentariums war so aufgebaut: Es gab riesige Orgeln in den Konzertsälen, die ziemlich schlecht waren, und ein paar Orgeln für das Musikstudium. Das war alles. Wenn man also als Organist die Hochschule im Fachbereich „Orgel“ abschloss, konnte man nachher alles Mögliche tun, nur an eine Orgel kam man nicht mehr heran. Zum Konservatorium hatte man keinen Zugang mehr, und wer würde einem erlauben, in der Philharmonie zu üben? Und als Organist muss man üben. Und auch ständig Konzerte geben ... Das Problem konnte sehr viel später gelöst werden – in vieler Hinsicht übrigens durch den, der vor Ihnen sitzt. Denn als 1998 unsere Orgel in die St. Katharinenkirche eingebaut wurde, entpuppte sie sich, wie ein Organist sagte, als „Weg des Lebens“ (A.d.Ü.: Einziger Versorgungsweg für die hungernde Bevölkerung im Krieg). Sie war das Instrument, das einen „Mittelweg“ bildete: Sie ist nicht besonders groß, klingt recht gut und ist reich an Klangfarben; sie ist zugänglich, auf ihr konnte man viele Konzerte geben. Auch heute werden auf ihr viele Orgelkonzerte gespielt; im Grunde ist sie eine der meistgespielten Konzertorgeln in unserer Stadt.

Verstehe ich es richtig, dass Petersburg heute eine Sonderstellung in Russland und der GUS einnimmt, was die Anzahl der Orgeln, darunter auch der Kirchenorgeln, in der Stadt angeht?

Das stimmt nicht. Das war einmal so. Bis zum ersten Weltkrieg ... Da war Petersburg wirklich eine der Orgelhauptstädte Europas. Heute gibt es in Moskau deutlich mehr Instrumente, und sie klingen besser! Vielleicht zählt man weniger Kirchenorgeln. Ich war im Mai in dem kleinen Ort Dubrowizy im Rayon Podolsk, Gebiet Moskau. Dort hat die Firma Späth eine französische romantische Orgel eingebaut. Ein wahnsinnig schönes Instrument! Ich war begeistert. In Moskau gibt es eine Vielfalt an Instrumenten, und sie sind größer. Die Orgel im Moskauer Musikhaus ist die größte in Russland, dann ist da das Konservatorium, in dem es, soweit ich weiß, zurzeit neun Orgeln gibt, und zwei Orgeln im Glinka-Museum. Auch in den Musikschulen gibt es dort eine ungeheure Anzahl an Orgeln, und zwar großen. Dort sind neue Instrumente. Petersburg ist heute keineswegs mehr die Orgelhauptstadt Russlands. Da ist beispielsweise die Stadt Kaliningrad, in der allein in der Kathedrale zwei riesige Orgeln stehen. Und in der alten katholischen Kirche, die jetzt der Philharmoniesaal ist, und in anderen Kirchen. Wenn man die Anzahl der Orgelpfeifen pro Einwohner rechnet, würden in Russland in dieser Hinsicht wohl eher Kaliningrad und ... Kondopoga in Führung liegen.

Warum Kondopoga?!

Es gibt in Karelien so eine erstaunliche Stadt, Kondopoga, dort gibt es einen Palast der Künste. Was es da nicht alles gibt! (Als hätte eine einzelne Stadt tatsächlich Karl Marx' „Kommunismus“ erreicht.) Der Palast hat Ledersofas, Springbrunnen aus Marmor, prächtige riesige Orgeln (mehrere!), aber eine total miserable Akustik. Ich habe da gespielt. In der Stadt gibt es ein riesiges Zello- und Papierkombinat, dessen Mitarbeiter zu Sowjetzeiten „beorgelt“ wurden. Also eine Gruppe von 500 Personen wurde zwangsweise, kostenfrei dort ins Konzert gesetzt – aus der Fabrik hingebacht und „beorgelt“! Diese Tendenz gab es.

Und wie hat man in der Sowjetzeit Orgel spielen gelernt, ohne die kirchliche Tradition zu kennen?

Warum denn ohne sie zu kennen? Wissen Sie, die verbotene Frucht ist immer süß. Wir hatten eine klare Vorstellung davon, dass die Orgel ein besonderes, ein sakrales, ein mystisches Instrument war. Und sogar am Lehrstuhl für Marxismus-Leninismus im Konservatorium und in der Universität für Marxismus-Leninismus, die ich mit Auszeichnung absolviert habe, kamen kluge Menschen vor, die uns viel über die Kirche und den Glauben lehrten. „Sie denken wohl, wenn Sie mir sagen, es gibt keinen Gott, dann gebe ich Ihnen sofort ein „Sehr gut“ im Wissenschaftlichen Atheismus?“ – Das ist ein Zitat der damaligen Zeit ... Und ich ging natürlich in die Kowenskij-Gasse¹ und hörte dort heimlich die Orgel an, und das gefiel mir. Ich habe dort auch gespielt, auch als man das nicht durfte (und das durfte man faktisch bis zur Perestroika nicht).

Gab es in Ihrer Praxis Fälle, in denen Menschen durch das Orgelspielen zum Glauben und in die Kirche gekommen sind – zum Beispiel Schüler in Ihrem Orgelstudio?

Ja, natürlich. Es sind welche Gemeindeglieder geworden, und es sind welche Kirchenorganisten geworden. Das ist ein ganz natürlicher Vorgang. In unserer Gemeinde ist das Orgelstudio ein Teil der Sonntagsschule. Wir erzählen den Schülern über die kirchliche Tradition und machen sie mit der Theologie vertraut. Der Unterricht findet im Gebäude der Kirche statt, so dass es täglichen Kontakt mit einer in Betrieb befindlichen Kirche gibt. Außerhalb davon ist die Orgelkunst größtenteils gar nicht vorhanden. Weltliche Orgelmusik entstand später, in Frankreich. Das war am Ende des 19. Jahrhunderts. Nur dass ich mir nicht so elementar und einfach die Frage nach dem Glauben stelle. Einige erheben den Anspruch,

¹ Es geht um die katholische Gottesmutter-von-Lourdes-Kirche in der Kowenskij-Gasse in St. Petersburg, die in der sowjetischen Zeit nicht geschlossen wurde. Lange Jahre war sie die einzige in der Stadt und eine der zwei katholischen Kirchen in Russland, die in Betrieb waren. Die neogotische Pfeifenorgel mit 20 Registern, («E. F. Walcker», 1910), wurde in der Kirche 1957 eingebaut. Früher befand sich das Instrument in der Kirche an dem Evangelischen Krankenhaus auf dem Ligowskij-Prospekt.

Wir hatten eine klare Vorstellung davon, dass die Orgel ein besonderes, ein sakrales, ein mystisches Instrument war





Были на вашей практике случаи, когда люди через занятия игрой на органе приходили к вере и становились прихожанами Церкви, например, ученики в вашей органной студии?

Да, конечно. Становились членами общины, становились церковными органистами. Это абсолютно естественный процесс. В нашей общине органная студия – это часть воскресной школы. Мы рассказываем ученикам о церковной традиции, знакомим с теологией. Занятия проходят в здании церкви, контакт с действующей церковью ежедневен. Вне этого органное искусство в своем подавляющем большинстве не существует. Светское органное искусство возникло потом, во Франции. Это конец XIX века. Только вот вопрос о вере так элементарно и просто я себе не задаю. Некоторые претендуют на то, что умеют отличать людей верующих от людей неверующих. А вот я этого очень боюсь, потому что, по-моему, умеет отличать только Один.

В какой степени, по вашему мнению, Церкви западнохристианской традиции способствуют повышению интереса к органной культуре?

Ну, орган, – немножко особенное дело. Я бы сказал, вообще к академическому музицированию. В Западной Европе, к примеру, я вижу разные тенденции. Без Церкви невозможно была бы та колоссальная программа на Западе, прежде всего, немецкая, которая направлена на воссоздание исторических инструментов. Эта программа ни с чем не сравнима. Она колоссальная, в том числе, по финансам. Церковь привлекает для ее осуществления государственные финансы. Это огромные средства. Сколько исторических инструментов возникло, в том числе, извините, с нуля или с 40 труб! Появились огромнейшие, потрясающие инструменты. Такого не было никогда! Это во многом благодаря Церкви. Вообще то, что я видел на Западе, меня всегда изумляло, притом, изумляло в обе стороны. Совсем недавно к нам приезжал органщик мастер из Северной Германии. Он побывал на органном концерте в Петрикирхе. И поразился количеству слушателей: «Сколько у вас народу! Вот у нас на органные концерты приходят два человека»... И это я видел. Я видел, как в течение нескольких лет количество людей на органных концертах – в том же Гамбурге – выросло в десятки раз. В то же время я встречал и абсолютное презрение к академической культуре. Одновременно меня очень радовало, когда я видел, как в деревенских церквях занимается оркестр, который играет на барочных инструментах в барочной традиции. И они поют какие-то кантаты немецкие, которых я не знаю!

Если сегодня наш соотечественник мечтает о карьере церковного музыканта-органиста, достаточно ли ему для этого получить академическое музыкальное образование по классу органа у себя на родине, или же есть необходимость поучиться (пройти стажировку) в Западной Европе,

где, к примеру, существуют даже специальные учебные заведения для церковных музыкантов?

Я, например, как церковный музыкант – человек ущербный. Я, конечно, окончил консерваторию как музыковед, пианист, органист, но у меня нет хорового образования. Потребность заниматься ансамблями духовной музыки у меня есть, и я ее реализую, как могу. Но как практик я – всё-таки органист, и наше образование – однобокое. Что касается западного образования церковного музыканта, я его тоже хорошо знаю. В свое время, что меня поразило: во-первых, люди в 14 лет начинают впервые заниматься музыкой. Это нормально для Германии. Что необычно в сравнении с нашей еще советской трехступенчатой системой образования: начальное образование, когда выпускник детской музыкальной школы играет уже абсолютно всё; среднее образование, музыкальное училище, куда не поступить, где конкурс 17 человек на место; высшее учебное заведение, где конкурс 32 человека на место. Как говорил один хороший скрипач, «на вступительном экзамене в консерваторию вы должны играть так, точно играете последний раз в жизни». Это всё было на высоком уровне. Там ничего такого и близко нет. Там люди проходят всё, включая основы теологии, и т.д. Но исполнительская часть – она, в сущности, страдает. С другой стороны, в Западной Европе в связи с возрождением инструментария в рамках уже упомянутой выше программы есть такие инструменты (мы знаем по записям), что просто закачаешься! Люди этими органами пользуются. А музыкантов воспитывают инструменты. Как мы должны играть, как в те времена играли, нам сам инструмент подскажет. Поэтому, наверное, всё-таки нужно ехать и общаться. Сейчас мир достаточно открыт.

Отличается ли отношение к органной культуре в Западной Европе от нашего?

Да, отличается. Ну, прежде всего, у нас не прошли те советские времена, когда орган был предметом некоего бума. Дело в том, что русский народ очень тяготеет ко всякой разной мистике. И вот эта вот удивительная таинственная машина – очень редкая, которую никто никогда не слышал, поскольку Запад был закрыт, которая издает странные звуки, действительно не имеющие аналогов в природе – она привлекала, залы ломались и ломаются сейчас! Я помню времена моей юности, когда на органные концерты в Капеллу и Филармонию было вообще не попасть. Но специфика отношения к органу в наших условиях такова: включил на кнопку, нажал мотор, нажал на клавишу, оно «гудёт» – все довольны! (Вот со скрипочкой так не пройдет. Если скрипач играет фальшиво, это слышат все.) С одной стороны, органное искусство является для России самым элитарным, каким только может быть. А с другой стороны, оно стало предметом бума. Что касается Запада, там оно не является ни тем, ни другим. Органист – это самый-самый последний музыкант.

Вне Церкви органное искусство в своем подавляющем большинстве не существует. Светское органное искусство возникло потом, во Франции. Это конец XIX века

gläubige Menschen von ungläubigen unterscheiden zu können. Aber ich wäre da sehr vorsichtig, weil das meiner Ansicht nach nur Einer unterscheiden kann.

Inwieweit fördern die Kirchen der westlich-christlichen Tradition Ihrer Meinung nach ein größeres Interesse an der Orgelkultur?

Na ja, die Orgel hat eine gewisse Sonderstellung. Ich würde sagen, das Interesse am akademischen Musizieren überhaupt. In Westeuropa sehe ich zum Beispiel unterschiedliche Tendenzen. Ohne die Kirche wäre das kolossale Programm im Westen, in erster Linie in Deutschland, das auf die Wiederherstellung historischer Instrumente ausgerichtet ist, gar nicht möglich. Dieses Programm ist mit nichts zu vergleichen. Es ist auch in finanzieller Hinsicht kolossal. Die Kirchen ziehen für seine Umsetzung staatliche Finanzen heran. Das sind ungeheure Mittel. Wie viele historische Instrumente sind da unter anderem, pardon, von Null auf oder aus 40 Pfeifen neu entstanden! So ist es zu riesigen, erstaunlichen Instrumenten gekommen. So etwas hat es noch nie gegeben! Das geschieht in vieler Hinsicht dank der Kirche. Überhaupt hat mich das, was ich im Westen gesehen habe, immer erstaunt, sowohl positiv als auch negativ. Ganz kürzlich war ein Orgelmeister aus Norddeutschland bei uns. Er war bei einem Orgelkonzert in der Petrikerkirche. Und staunte über die Anzahl der Zuhörer: „Wie viele Leute Sie hier haben! Bei uns kommen zwei Leute zu den Orgelkonzerten ...“ Das habe ich auch gesehen. Ich habe gesehen, wie innerhalb mehrerer Jahre die Anzahl der Personen bei Orgelkonzerten – auch wieder in Hamburg – auf das Ziffache angewachsen ist. Zugleich bin ich auch auf absolute Verachtung gegenüber der akademischen Kultur gestoßen. Gleichzeitig hat es mich sehr gefreut, zu sehen, wie in Dorfkirchen ein Orchester engagiert wird, das in barocker Tradition auf Barockinstrumenten spielt. Und sie singen deutsche Kantaten, die ich gar nicht kenne!

Wenn ein Landsmann von uns heute von einer Karriere als Kirchenmusiker und Organist träumt, genügt es dann, wenn er in der Heimat eine akademische Musikausbildung im Bereich Orgel absolviert, oder besteht die Notwendigkeit, eine Zeitlang Westeuropa zu studieren bzw. Praktikum zu machen, dort wo es zum Beispiel sogar spezielle Ausbildungsstätten für Kirchenmusiker gibt?

Ich zum Beispiel weise als Kirchenmusiker wesentliche Lücken auf. Ich habe natürlich das Konservatorium als Musikwissenschaftler, Pianist und Organist abgeschlossen, aber ich habe keine Chorausbildung. Das Bedürfnis, mich mit Ensembles für geistliche Musik zu befassen, habe ich, und ich verwirkliche es auch, wie ich kann. Aber als Praktiker bin ich eben Organist, und unsere Ausbildung ist einseitig. Was die westliche Kirchenmusikerausbildung betrifft, die kenne ich auch gut. Was mich damals erstaunt hat: Erstens beginnen die Menschen mit 14 Jahren das erste Mal, sich mit Musik zu befassen. Das ist für Deutschland normal. Was ungewöhnlich ist, wenn man es mit unserer dreistufigen, noch sowjetischen

Ausbildung vergleicht: die Grundausbildung, wenn man als Abgänger der Kindermusikschule schon absolut alles spielen kann, die mittlere Ausbildung an der musikalischen Lehranstalt, zu der man gar nicht erst die Aufnahmeprüfungen besteht, weil 17 Personen um einen Platz konkurrieren, und die musikalische Hochschulausbildung, bei der 32 Personen um einen Platz konkurrieren. Wie ein guter Geigenspieler sagte: „Bei der Aufnahmeprüfung am Konservatorium müssen Sie so spielen, als ob es Ihr letztes Mal wäre.“ Das war alles auf hohem Niveau. In Deutschland gibt es nichts auch nur annähernd Vergleichbares. Da lernen die Menschen alles einschließlich der Grundlagen der Theologie usw. Aber die Spielpraxis kommt dabei im Grunde zu kurz. Andererseits gibt es in Westeuropa wegen der Wiedergeburt des Instrumentariums im Rahmen des schon erwähnten Programms Instrumente (wir haben Aufzeichnungen gehört), da kommt man aus dem Staunen nicht mehr raus! Die Menschen benutzen diese Orgeln wirklich. Und ein Musiker wird von seinen Instrumenten erzogen. Wie wir spielen müssen, wie damals gespielt wurde, das verrät uns das Instrument selber. Deshalb muss man wahrscheinlich doch hinfahren und sich damit auseinandersetzen. Zurzeit ist die Welt ja recht offen.

Unterscheidet sich die Einstellung zur Orgelkultur in Westeuropa von unserer?

Ja. Zunächst sind bei uns die Zeiten seit der Sowjetzeit noch nicht vorbei, zu denen die Orgel einen gewissen Boom erlebt hat. Es geht darum, dass das russische Volk einen großen Hang zu allen möglichen Arten von Mystik hat. Und diese erstaunliche geheimnisvolle Maschine, die so selten war, die niemand jemals gehört hatte, da der Westen uns verschlossen war, und die seltsame Töne von sich gibt, die auf der Welt wirklich nicht ihresgleichen haben – sie faszinierte, die Säle waren überfüllt und sind es noch! Ich weiß noch, als ich jung war, da war es überhaupt unmöglich, zu einem Orgelkonzert in die Kapelle oder die Philharmonie zu gelangen. Aber die Spezifik der Einstellung zur Orgel unter unseren Bedingungen sieht so aus: Knopf anschalten, auf den Motor drücken, auf die Taste drücken, es kommt ein Toon – und alle sind zufrieden! (Mit einer Geige käme man damit nicht durch. Wenn ein Violinist falsch spielt, das hören alle.) Einerseits ist die Orgelmusik für Russland das Feinste von Feinsten. Aber andererseits ist sie Gegenstand eines Booms geworden. Was den Westen betrifft: Dort ist sie weder das eine noch das andere. Der Organist ist der allerletzte Musiker. Und während ein Organist in Deutschland heute bezahlt wird, wird er das in Frankreich normalerweise nicht mehr. Also einerseits versteht man die Orgelmusik als das Allerletzte. Andererseits gibt es Interesse am Instrument selbst, und letztere Tendenz, Orgeln wiederherzustellen und zu bauen, dauert schon 20-30 Jahre an.

Wenn man noch weiter in der Geschichte unseres Landes zurück geht, bis vor der Revolution 1917, kann man dann davon sprechen, dass das Russische

Außerhalb der Kirche ist die Orgelkunst größtenteils gar nicht vorhanden. Weltliche Orgelmusik entstand später, in Frankreich. Das war am Ende des 19. Jahrhunderts



→ И если в Германии сегодня органист получает зарплату, то во Франции уже нет, как правило. То есть с одной стороны, есть понимание органного искусства как самого последнего. С другой стороны, есть интерес к инструменту и вот эта последняя тенденция возрождать и строить органы, она длится уже 20-30 лет.

С одной стороны, органное искусство является для России самым элитарным, каким только может быть. А с другой стороны, оно стало предметом бума

Если вернуться в еще более далекое прошлое нашей страны – до революции 1917 года, можно ли говорить о том, что Российская империя по уровню органной культуры приближалась к Западной Европе?

Нет. Мы можем говорить о Петербурге, который был одной из европейских органных столиц. Есть хороший город Варшава, где, наверное, было поскромнее. Иной вопрос, что органостроение на момент 1914 года было однобоким, наверное. Это были немецкие романтические органы, валькеровские, прежде всего. У Павла Николаевича Кравчуна есть замечательная книжка, называется «Органная Атлантида». Это об органах в церквях Ингерманландии и Карельского перешейка (то есть Петербурга и его окрестностей). Там описано около 100 инструментов. Почему «Атлантида», понятно? Ничего не осталось. Всё уничтожили в 1920-40 годы.

Как, по вашему мнению, сказались десятилетия советского режима на восприятии современным слушателем органной музыки? Можем ли мы сказать, что люди разучились слушать орган?

Конечно, разучились! Но, опять же, я не могу сказать, что советская власть является неким лидером в области уничтожения органов. Наверное, англичане времен Кромвеля сильно ее превзошли. Тут всё-таки что-то осталось из органов. Иногда было некоторое понимание, что орган – это интересно и что его надо сохранить. Переносили органы многократно. Понятно, что лютеранская и католическая Церкви в дореволюционные времена выполняли немалую культуртрегерскую функцию. Понятно, что органную музыку, Баха и так далее, можно было послушать, прежде всего – а подчас и только – в церкви.

Отличался ли советский слушатель органной музыки от слушателя сегодняшнего?

Ну, сегодня-то он совсем неоднородный. В Советском Союзе, как я уже упоминал, была идея «оборганивания». Ставили органы дорогие, подчас хорошие, в каких-то городах. И было чрезвычайно модно сходить на органной концерт. Но после первого раза многие уже не ходили больше на органные концерты, потому что искусство это, всё-таки, для России элитарное. Оно непонятное. А что сегодня? Сегодня есть и такое: пришли 500 человек, половина осталась за входом церкви. И при этом во время концерта крики по мобильному телефону: «Слушай, Валя, а ты знаешь, где я? А ты слышишь

что-нибудь? Ничего? А так? А тут это... орган играет!». Я часто говорю во вступительных словах к концерту, в особенности, в других городах: «Сейчас я открою для вас страшную тайну. На музыку не смотрят, ее слушают. Если вы покапаете на живописный шедевр химическими чернилами, вас арестуют. А если вы будете разговаривать во время нашей работы, с вами никто ничего не сделает». Это касается не только органной музыки, но, прежде всего, органной. Потому что туда идут и получают совсем не то, на что идут. Это к тому, что сегодня люди забыли, что музыку слушают.

Вы застали период возрождения Церкви в постперестроечное время, а вместе с этим и возрождение органной культуры в лютеранской Церкви. Как это было?

Что касается возрождения церковной органной культуры, я вообще бы это с Церковью не очень связывал. Возникновение инструментов в лютеранских церквях бывшего СССР – это дело подвига отдельных людей. Я имею в виду именно хорошие, большие инструменты. Потому что общая тенденция такова: нам бы электронный орган подешевле поставить.

Вы много гастролировали. В каких городах в России и СНГ вы играли на церковных органах? Есть какие-то особенно интересные места?

Я многократно играл в православных церквях! В особенности, в Харькове. Была такая наипомощнейшая тенденция советская – использовать церкви, в том числе, православные, под концертные залы. Приведу пример Винницы. Там поставили в православной церкви орган в 1990-е годы. Потом храм передали верующим. Значит, орган не нужен. Уничтожить. И казаки с шашками на него! Органный мастер с брандспойтом на них! Порубили инструмент изрядно! Сейчас орган стоит в очень хорошем помещении – в монастыре капуцинов. В Харькове сейчас ставится вопрос, куда перенести орган из Дома органной и камерной музыки – здания православной церкви. Ну, вы знаете Донской монастырь в Москве, там находился крематорий, где стоял орган, который сейчас стоит в соборе свв. Петра и Павла в Москве. Кто там только не играл тогда! В советское время я играл в действующих церквях Эстонии, Латвии и, меньше, Литвы. Правда, именно концертов немного играл.

Сегодня в лютеранских церквях появляются новые инструменты взамен утраченных в годы гонений на Церковь. Только за последние три года были привезены из-за рубежа и установлены большие органы в церкви св. Иоанна в Гродно, в церкви св. Петра и Павла в Петербурге, в церкви св. Петра и Павла в Ярославле... Конечно, в этих церковных зданиях появление новых инструментов связано с большими надеждами. Действительно ли сегодня орган может стать хорошим источником самофинансирования для церкви?

Reich sein Niveau der Orgelkultur an Westeuropa annäherte?

Nein. Wir können von Petersburg sprechen, das eine der europäischen Orgelhauptstädte war. Es gibt die schöne Stadt Warschau, in der es wohl bescheidener aussah. Eine andere Frage ist, dass der Orgelbau 1914 wohl sehr einseitig war. Es waren deutsche romantische Orgeln, hauptsächlich Walcker-Orgeln. Von Pawel Krawtschuk gibt es ein bemerkenswertes Buch „Das Atlantis der Orgel“. Da geht es um Orgeln in den Kirchen des Ingermannlandes und der karelischen Landenge (also von Petersburg und Umgebung). Darin sind ungefähr 100 Instrumente beschrieben. Warum „Atlantis“, ist klar? Es ist nichts übrig geblieben. Die 1920-40er Jahre haben alles vernichtet.

Wie haben sich Ihrer Meinung nach die Jahrzehnte des Sowjetregimes auf die Wahrnehmung von Orgelmusik durch den heutigen Zuhörer ausgewirkt? Können wir sagen, dass die Menschen verlernt haben, der Orgel zuzuhören?

Natürlich haben sie es verlernt! Aber da kann ich wiederum nicht sagen, die Sowjetmacht sei ein Spitzenreiter bei der Vernichtung von Orgeln gewesen. Wahrscheinlich haben die Engländer zur Zeit Cromwells sie weit übertroffen. Hier ist immerhin einiges an Orgeln übrig geblieben. Manchmal gab es ein Verständnis dafür, dass die Orgel interessant ist und bewahrt werden muss. Orgeln wurden vielfach in andere Räume überführt. Es ist klar, dass die lutherische und die katholische Kirche in vorrevolutionärer Zeit eine starke Kulturträgerfunktion hatten. Es ist auch klar, dass man Orgelmusik – Bach usw. – hauptsächlich und oft auch ausschließlich in der Kirche hören konnte.

Unterscheidet sich der sowjetische Zuhörer bei Orgelkonzerten vom heutigen Zuhörer?

Na ja, heute ist er ganz heterogen. In der Sowjetunion gab es, wie ich schon sagte, die Idee, die Bevölkerung zu „beorgeln“. Es wurden teure, oft auch gute Orgeln in irgendwelchen Städten angeschafft. Und es war hochgradig in Mode, Orgelkonzerte zu besuchen. Aber nach dem ersten Mal gingen viele nicht mehr hin, weil diese Musik für Russland doch wieder etwas für die Elite ist. Etwas Unverständliches. Und heute? Heute gibt es auch so etwas: Es kommen 500 Personen, die Hälfte muss vor der Kirchentür stehen. Und dann schreit jemand während des Konzerts in sein Handy: „Walja, hör mal, weißt du, wo ich bin? Kannst du was hören? Nein? Und jetzt? Das ist nämlich eine Orgel!“ Ich sage oft in meinen Einleitungsworten zum Konzert – besonders in anderen Städten: „Jetzt verrate ich Ihnen ein ganz großes Geheimnis. Musik schaut man sich nicht an, die hört man. Wenn Sie Farbe auf ein Meisterstück der Malkunst spritzen, werden Sie verhaftet. Aber wenn Sie während des Konzertes reden, tut ihnen niemand etwas.“ Das betrifft nicht ausschließlich Orgelmusik, aber diese in erster Linie. Denn dorthin kommen die Menschen und

erhalten etwas ganz Anderes, als sie erwartet haben. Soviel zu dem Thema, dass die Menschen heute vergessen haben, dass man Musik *hört*.

Sie haben die Zeit der Wiedergeburt der Kirche nach der Perestroika miterlebt und damit auch die Wiedergeburt der Orgelkultur in der lutherischen Kirche. Wie war das?

Was die Wiedergeburt der kirchlichen Orgelkultur angeht, würde ich das überhaupt nicht besonders mit der Kirche in Verbindung bringen. Dass Orgeln in lutherische Kirchen der früheren UdSSR gekommen sind, ist eine große Leistung von Einzelpersonen. Ich meine richtig gute, große Instrumente. Denn die allgemeine Tendenz lautet: Lasst uns eine möglichst billige Elektronikorgel aufstellen.

Sie haben viele Gastspiele gegeben. In welchen Städten in Russland und der GUS haben sie auf Kirchenorgeln gespielt? Gibt es besonders interessante Orte?

Ich habe viele Male in orthodoxen Kirchen gespielt! Insbesondere in Charkiw. Es gab eine ganz starke sowjetische Tendenz, die Kirchen, auch orthodoxe, als Konzertsäle zu nutzen. Ich nenne einmal Winnyzja als Beispiel. Da wurde in den 1990er Jahren eine Orgel in der orthodoxen Kirche aufgestellt. Später wurde das Gebäude den Gläubigen zurückgegeben. Die Orgel wurde also nicht mehr gebraucht. Weg damit! Und die Kosaken gingen mit Säbeln darauf los! Und der Orgelmeister mit dem Feuerlöschschlauch auf die Kosaken! Das Instrument wurde ganz schön ramponiert! Jetzt steht die Orgel in einem sehr guten Raum: in einem Kapuzinerkloster. In Charkiw stellt sich jetzt die Frage, wohin die Orgel aus dem Haus für Orgel- und Kammermusik – einem orthodoxen Kirchengebäude – überführt werden soll. Und Sie kennen ja das Donskoj-Kloster in Moskau, darin befand sich das Krematorium, und dort stand die Orgel, die die St. Petri- und Paulikathedrale jetzt hat. Wer da damals nicht alles gespielt hat! Zu Sowjetzeiten habe ich in Estland, Lettland und weniger in Litauen auch in Kirchen gespielt, die in Betrieb waren. Direkt Konzerte allerdings nur wenige.

Heute haben neue Instrumente in den lutherischen Kirchen die Stelle derjenigen eingenommen, die in den Jahren der Verfolgung verloren gegangen sind. Allein in den letzten drei Jahren wurden in der St. Johanniskirche in Grodno, der St. Petri- und Paulikirche in St. Petersburg und der St. Petri- und Paulikirche in Jaroslawl große Orgeln aus dem Ausland angeliefert und eingebaut ... Natürlich wird das Erscheinen der neuen Instrumente in diesen Kirchengebäuden mit großen Hoffnungen verbunden. Kann eine Orgel heute wirklich zu einer guten Selbstfinanzierungsquelle für eine Kirche werden? Und was muss man dafür tun?

Man braucht ein professionelles Management. Entweder man muss mit irgendwelchen Konzertorganisationen zusammen arbeiten, was einfacher ist, aber die Gefahr birgt, die Selbständigkeit bei

Einerseits ist die Orgelmusik für Russland das Feinste von Feinsten. Aber andererseits ist sie Gegenstand eines Booms geworden



→ *И что для этого нужно сделать?*

Нужен профессиональный менеджмент. Нужно либо сотрудничать с какими-то организациями концертными, что проще, но чревато потерей самостоятельности в художественном руководстве. Или искать своих людей, воспитывать своих людей. Но, всё равно, я очень надеюсь, что органы в церквях ставятся не только «в целях самофинансирования». В каких-то других тоже ...

У Павла Николаевича Кравчуна есть замечательная книжка, называется «Органная Атлантида». Это об органах в церквях Ингерманландии и Карельского перешейка. Там описано около 100 инструментов. Ничего не осталось. Всё уничтожили в 1920-40 годы

Как вы думаете, будут ли у нас в грядущем появляться достойные музыканты?

Я преподаю в университете, мы буквально вчера приняли вступительный экзамен в магистратуру. Уровень исполнительский падает катастрофическим образом. Талантливые люди конечно есть. Вот только попадают ли они к «запретному» инструменту?... Если нет, то почему ...

Будут ли слушатели приходить на органные концерты?

И да, и нет. Вообще, какую тенденцию я вижу в нашем обществе. Вот народ «трясется». Не может уже жить без постоянно звучащих в ушах (и в голове) барабанов. «Музыкальные» каналы я вижу на нашем ТВ, их много... Музыки там нет. Там шоу, шоу-бизнес. Музыкальные телеканалы, музыкальные радиостанции закрывались совсем недавно, на моих глазах. Музыка – это искусство. Искусство и бизнес – они не совместимы. Задачи разные. Музыка – это искусство.

Будет ли Церковь привлекать людей через духовную (органную) музыку?

Да, будет. Доколе эта музыка качественная, профессиональная музыка будет звучать, она будет привлекать. Будет привлекать, пока будут хорошие инструменты (если они будут приобретаться), хорошие музыканты. Правда, сегодня в Церкви есть и немало того, что, к сожалению, может людей отталкивать...

Возможно, среди наших читателей есть те, кто хочет научиться слушать органную музыку. С чего вы посоветовали бы им начать?

Вопрос абсолютно абсурдный. Научиться этому нельзя. Это может захватить сразу, а может не захватить никогда. Органная музыка – не какая-то другая в отношении любой академической музыки. Но если я чего-то хочу, я могу почитать книжки, я могу посмотреть интернет, я могу ознакомиться с каталогами, какие сочинения есть у Баха, кто писал музыку для органа. А могу я пойти и послушать это и полюбить. Или не полюбить. В нашей органной студии при церкви св. Екатерины мы готовим любителей. Как это называлось во времена барокко, «просвещенных любителей музыки». Мы принимаем туда взрослых людей. На вступительном экзамене я спрашиваю, кто писал музыку для органа, какие органы есть в городе. Мне представляется, что тот, кто любит музыку, это знает. Это так же, как если я люблю пиво, я знаю, где оно варится, из чего оно варится и где его покупать. ■

Беседу вела Елена Дякина

der musikalischen Leitung zu verlieren. Oder man sucht sich eigene Leute und sorgt für deren Ausbildung. Aber in jedem Fall hoffe ich sehr, dass die Orgeln in den Kirchen nicht nur „zum Zweck der Selbstfinanzierung“ eingebaut worden sind. In einigen anderen auch ...

Was meinen Sie, wird es bei uns in Zukunft achsenswerte Musiker geben?

Ich bin Dozent an einer Universität, wir haben gerade gestern die Aufnahmeprüfungen für den Magisterstudiengang abgenommen. Das Spielniveau sinkt katastrophal. Begabte Menschen gibt es natürlich. Nur werden die an das „verbotene“ Instrument herankommen? ... Wenn nicht, dann warum nicht ...

Werden Zuhörer zu den Orgelkonzerten kommen?

Ja und nein. Welche Tendenz ich überhaupt in unserer Gesellschaft sehe: Die Leute zappeln. Sie können nicht mehr leben, ohne ständig Trommelklang im Ohr (oder im Kopf) zu haben. „Musikkanäle“ sehe ich bei uns im Fernsehen, davon gibt es viele ... Musik gibt es da nicht. Da ist Show, Showgeschäft. Die wirklichen Musik-Fernsehsender und Rundfunkstationen haben vor ganz kurzer Zeit dicht gemacht, das habe ich beobachtet. Musik ist eine Kunst. Kunst und Geschäft passen nicht zusammen. Sie haben unterschiedliche Aufgaben. Musik ist eine Kunst.

Wird die Kirche durch geistliche Musik (Orgelmusik) Menschen anziehen?

Ja. Solange diese hochwertige, professionelle Musik zu hören ist, wird sie anziehend sein. Solange es gute Instrumente (falls diese erworben werden) und gute Musiker gibt. Allerdings gibt es heute in der Kirche auch einiges von dem, was leider Menschen abstoßen kann...

Vielleicht gibt es unter unseren Lesern Personen, die lernen wollen, Orgelmusik zu hören. Was würden Sie ihnen raten: womit sollte man anfangen?

Das ist eine total absurde Frage. Das kann man nicht lernen. Es kann einen sofort packen oder nie. Orgelmusik ist nicht irgendwie anders im Vergleich zu jeder anderen akademischen Musik. Aber wenn ich etwas möchte, kann ich ein Buch lesen, ich kann im Internet nachsehen, ich kann Listen finden, welche Werke von Bach es gibt und wer sonst noch Orgelmusik geschrieben hat. Und ich kann hingehen und es mir anhören und lieb gewinnen. Oder nicht lieb gewinnen. In unserem Orgelstudio in der St. Katharinenkirche bilden wir Liebhaber heran. Wie es im Barock hieß: „Aufgeklärte Musikliebhaber“. Wir nehmen dort erwachsene Menschen auf. Bei der Aufnahmeprüfung frage ich, wer Orgelmusik geschrieben hat und welche Orgeln es in der Stadt gibt. Ich denke, wer Musik liebt, der weiß das. Genauso, wie ich, wenn ich Bier liebe, weiß, wo welches gebraut wird, woraus es gebraut wird und wo man es kaufen kann. ■

Interview: Elena Djakiwa

Мы благодарим за Реформацию

Вечный Боже,
Мы благодарим Тебя за то,
Что через Христа мы призваны к свободе.
Твое Слово показывает новые пути,
Твое Евангелие открывает новое доверие,
Твое обетование пробуждает новую любовь.

Мы благодарим за новое начало в Реформации,
За обновление веры
Из живого слова проповеди
И даров Крещения и Причастия.

Мы благодарим за Реформацию Твоей Церкви
В течение столетий,
За обновление общины
Жизнью и деяниями
Наших отцов и матерей по вере.

Мы просим о Реформации в жизни
Церкви в современности:
Даруй нам разумно обращаться
Со Священным Писанием.
Даруй нам живые богослужения.
Пробуди среди нас страх Божий и Божью любовь.
Веди нас к большему доверию Тебе.
Аминь.

Wir danken für die Reformation

Ewiger Gott,
Wir danken dir, dass wir durch Christus
zur Freiheit berufen sind.
Dein Wort zeigt neue Wege,
dein Evangelium eröffnet neues Vertrauen,
deine Verheißung weckt neue Liebe.

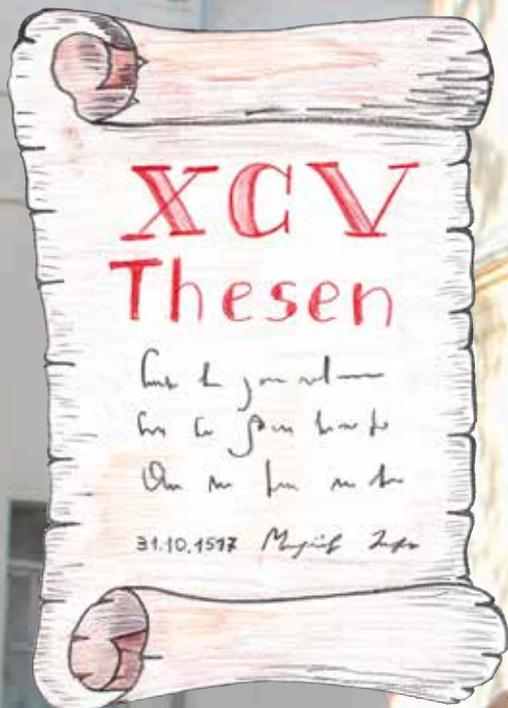
Wir danken für den Aufbruch in der Reformation,
für die Erneuerung des Glaubens
aus dem lebendigen Wort der Predigt
und den Gaben von Taufe und Abendmahl.

Wir danken für die Reformation deiner Kirche
die Jahrhunderte hindurch,
für die Erneuerung der Gemeinde
mit dem Leben und Wirken
der Väter und Mütter im Glauben.

Wir bitten um Reformation für das Leben
der Kirche in der Gegenwart:
Gib uns einen wachen Umgang
mit der Heiligen Schrift.
Schenke uns lebendige Gottesdienste.
Wecke unter uns Gottesfurcht und Gottesliebe.
Führe uns zu mehr Vertrauen zu dir.
Amen.

(www.evangelische-liturgie.de)





«95 тезисов».
Ирина и Эдуард
Шмидт, ев.-лют.
община г. Томска
(Проект
«Азбука Рефор-
мации»)

„95 Thesen“.
Irina und Eduard
Schmidt, ev.-luth.
Gemeinde in Tomsk
(Projekt „ABC-Buch
der Reformation“)

